

Академик В. М. Плоских

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

V

*Время разбрасывать камни
и время собирать камни.*

Библия, Екклесиаст 3:5

Иван

Академик В. М. Плоских

**СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ**

V

Редакционная коллегия:

А. А. Асанканов, чл-корр. НАН КР, д-р ист. наук
Д. Д. Джунушалиев, чл-корр. НАН КР, д-р ист. наук
А. Ч. Какеев, акад. НАН КР, д-р филос. наук
Т. К. Койчув, акад. НАН КР, д-р экон. наук
З. К. Курманов, д-р ист. наук, проф.

Составитель:

профессор *В. А. Воропаева*

Ответственный редактор:

академик НАН КР *Т. К. Койчув*

Плоских В. М.

Собрание сочинений: в 15 т. / сост. проф. В. А. Воропаева; отв. ред. акад. Т. К. Койчув. — Бишкек: Нео Принт, 2014–2021.

Владимир Михайлович Плоских — один из ведущих ученых Кыргызстана, внесших значительный вклад в развитие исторической науки республики.

Доктор исторических наук, профессор, действительный член Национальной Академии наук Кыргызстана, действительный член Российской Академии педагогических и социальных наук, заслуженный деятель науки Кыргызской Республики, археолог, педагог, писатель, член Конфедерации подводной деятельности России, дважды лауреат Государственной премии Кыргызстана в области науки и техники, лауреат общественных премий им. Е. Д. Поливанова, А. П. Чехова, И. Бунина, Ататюрка, И. Ахунбаева.

В. М. Плоских — руководитель Центра источниковедения и рукописного наследия Института истории и культурного наследия НАН КР, директор Института мировой культуры, заведующий кафедрой истории и культурологии Кыргызско-Российского Славянского университета, главный редактор научного журнала «Диалог цивилизаций».

Награжден почетными грамотами КР, удостоен государственных наград КР — ордена «Манас» III степени, медали «Данк», имеет другие награды Кыргызской Республики, а также России, Казахстана, Украины, Туркменистана. Является автором ок. 500 научных трудов по истории, археологии, источниковедению, кыргызско-российским межгосударственным взаимоотношениям.

Основные научные проблемы, которыми более 50 лет занимается В. М. Плоских, обобщены и систематизированы в Собрании сочинений ученого.

В. М. ПЛОСКИХ

КЛАДЫ КЫРГЫЗСТАНА

Бишкек — 2015

УДК 94(47)
ББК 63.3
П 87

*Рекомендовано к печати
кафедрой истории и культурологии КРСУ*

Рецензент:

Д. Джунушалиев, д-р ист. наук, профессор,

В. М. Плоских.

П 87 **Клады Кыргызстана.** – Бишкек, 2015. – 386 с. (Собр. соч.: в 15 т. / В. М. Плоских; – Т. V).

ISBN 978-9967-19-187-7

В V том собрания сочинений вошли две монографии: «Клады в Кыргызстане: мифы и реальность» и «В мире денег», изданные в разные годы, но объединённые тематически.

Издание является стереотипным.

В монографии рассказывается о кладах древности и средневековья, об истории денег на территории Кыргызстана.

Книга написана в популярной форме и предназначена для широкого круга читателей.

ISBN 978-9967-19-187-7

© Плоских В. М., 2015

Часть первая

В. М. Мокрынин, В. М. Плоских

КЛАДЫ

В КЫРГЫЗСТАНЕ:

Мифы и реальность

ЛЮДИ И КЛАДЫ (вместо введения)

Едва ли найдется человек, который не хотел бы найти клад. В нашем обыденном представлении это понятие ассоциируется с понятием «сокровище», т. е. с несметным богатством. Тема клада стала «бродячей» в фольклорном творчестве многих народов мира. Древние сокровища окутывались таинственностью и мистикой, связанными с потусторонней, «нечистой» силой. Обращались к ней и писатели и поэты. Все помнят «быль», рассказанную Н. В. Гоголем, как «бесовский человек» Басаврюк, бедный парубок Петро и ведьма объединились для отыскания клада («Вечер накануне Ивана Купала»), В трагедии Гете «Фауст» Мефистофель соблазняет призраком клада даже самого императора. Появлялись серии «руководств» по отысканию и изъятию «заговоренных» кладов. Но клады не шли в руки. Отчаявшиеся кладоискатели часто предпринимали предельно рискованный (в условиях средневековья) шаг и ради сокрытых богатств «продавали» свою душу дьяволу. В архивах «Святейшей инквизиции» хранится полный текст договора некоего итальянского аристократа с князем тьмы, составленный в 1676 г. и состоящий из 28 обстоятельных параграфов. Единственной обязанностью дьявола по отношению к вельможе была доставка кладов по первому требованию последнего. Самым удивительным в этом договоре было то, что «правомерность» и «законность» его была заверена подписью нотариуса¹.

¹ *Рябцевич В. Н.* О чем рассказывают монеты Изд. 2-е. Минск, 1977. С. 32.

Ну это в средние века. А в наши дни? Далеко ли мы, люди конца XX в., ушли от наших невежественных предков? Оказывается, не очень. Одержимость людей, захваченных идеей кладоискательства, периодически «подогревается» прессой, когда непроверенные, а зачастую просто вымышленные сведения о кладах «доводятся до сведения» миллионов. В США, к примеру, неоднократно издавались книги с интригующими названиями вроде «Подлинная карта пиратских сокровищ, потерянных или спрятанных на земле и в водах Флориды», «Атлас сокровищ» и ряд им подобных. Они содержат сведения о «точных» местонахождениях многочисленных (и многомиллионных!) пиратских кладов, а также координаты около 5 тысяч затонувших кораблей с золотым и серебряным грузом. Ну как не купить такую книгу? Ведь достаточно, проштудировав ее, приобрести лопату или акваланг и роскошная жизнь обеспечена! Отметим, однако, что ни один из тысяч кладоискателей, руководствующийся этими «подлинными» путеводителями по кладам, до сих пор так ничего и не нашел, зато каждый из авторов их значительно увеличил свой банковский счет. Тем не менее поиски кладов продолжаются. Коснемся только самых недавних событий.

В марте 1988 г. филиппинские газеты сообщили сенсационно-детективную новость о тайных поисках клада, санкционированных главой государства. Речь шла о самом крупном кладе (если это не миф) в истории человечества.

...Американские войска под командованием генерала Макатура 16 февраля 1945 г. начали решающее наступление на остров Луссон и столицу Филиппин Манилу. Трехсоттысячная японская армия сдерживала натиск янки. Однако два грозных форта, расположенных на островах близ столицы, на удивление легко были уничтожены всего одним американским десантным судном. Оказалось, что в казематы фортов удалось закачать и поджечь смесь бензина и дизельного топлива — форты сгорели и рухнули.

А 23 февраля пала Манила¹. Американский генерал Макартур считал эту операцию большой удачей. Японский генерал Ямасита, из всей армии которого в живых осталось только 7 тысяч солдат, как ни странно, полностью разделял его мнение. Дело в том, что, как стало известно в наши дни, накануне американского штурма по приказу генерала Ямаситы в подземных казематах и галереях этих фортов были спрятаны золото и ценности, награбленные японцами в странах Юго-Восточной Азии, на общую сумму около 200 миллиардов долларов. Поэтому превращение ключевых фортов в оплавленные огнем руины было на руку Ямасите: добраться до его тайников стало неизмеримо труднее.

Однако все тайное становится явным. И тут, как всегда, помог случай. 1 марта 1988 г. под бастионом Сан-Лоренцо и пороховым погребом под обвалом туннеля погибли двое филиппинских рабочих. Журналистов к месту их гибели не допустили. В связи с этим возник ряд вопросов: кто копает туннель в старом форте? зачем копает? что предполагает найти? почему раскопки держатся в секрете? От властей вразумительных ответов журналисты не получили. А уж коль «запахло» тайной, вездесущие газетчики быстро раскрутили ее. Как сообщила газета «Дейли Йомури», речь шла о «кладе генерала Ямаситы». Охоту за ним вел бывший офицер американских «зеленых беретов», а ныне директор американского Института благородных металлов Чарльз Магдугалд. Он заявил, что располагает картой с примерными местами захоронения сокровищ в тайниках под фортом Сантьяго. Именно здесь Ямасита, как уверял американец, приказал зарыть часть находившегося у него золота на сумму 7 миллиардов долларов (по нынешнему курсу). Но принимавшие участие в захоронении сокровищ пленные и местные рабочие были расстреляны, как же

¹ Мировая война. 1939–1945 годы: Сб. статей / Пер. с нем. А. А. Дьяконова. М., 1957. С. 389.

попала карта к предприимчивому янки? Оказывается, ее где-то раздобыл и хранил бывший филиппинский диктатор Фердинанд Маркос. В свою очередь у экс-диктатора ее похитил один из подручных бывшего «зеленого берета».

Несмотря на то, что ведающие делами культуры конгрессмены Филиппин потребовали прекращения тайных поисков японских кладов, которые авантюристы ведут не только в Маниле, но и в других районах страны, правительство, испытывающее серьезные финансовые трудности, продлило разрешение раскопок, данное Чарльзу Магдугалду¹. Дальнейшая судьба поисков «клада века» пока неизвестна.

Кладоискательская тема стала занимать все больше места и в советской периодике. Примеров много. Вспомним серию обширных сенсационных публикаций о кладе Наполеона, сокрытом при отступлении из Москвы по Старой смоленской дороге в одном из озер (Симлевском?). Поиски его долго и упорно вели крупные специалисты подводного плавания, оснащенные новейшими приборами. Однако клад «как в воду канул». Не успели поутихнуть «наполеоновские» страсти, как на смену им пришли «казанские». На сей раз речь идет о несметных сокровищах, утопленных в озере Кабан.

Видный татарский писатель Р. Мустафин на страницах «Комсомольской правды» поведал давнюю интригующую «быль».

Еще в середине шестидесятых годов он познакомился с одним престарелым членом древнего рода, ведущего свое начало со времен Казанского ханства. Он показал писателю почти истлевшие, ветхие документы, выполненные каллиграфическим арабским письмом. Старик уверял, что в них указано точное место сокрытия — на дне в северной

¹ Известия. 1988. 4 и 10 марта.

части озера Кабан, и содержится опись всей казны казанских ханов. Казна якобы была затоплена в августе 1552 г., когда войска Ивана Грозного осадили город. По словам обладателя документов, казна состояла из трех частей: золотых и серебряных слитков; разнообразных монет из драгоценных металлов с преобладанием русского и арабского чекана; собственно сокровищницы, состоящей из шедевров местных и зарубежных мастеров, преимущественно оружейников и ювелиров. Старик, ссылаясь на древние записи, с трепетом рассказывал об изумрудах величиной с грецкий орех, о редчайших восточных бриллиантах, о диадемах изумительной красоты...

...Слухи о сокровищах хана постоянно будоражили воображение горожан. Так, одна из местных газет еще до революции опубликовала предложение зарубежной фирмы, сделанное Казанской думе: фирма бралась бесплатно очистить озеро Кабан от многовекового ила, за что все найденное на дне переходило в ее собственность. Казанцы хорошо помнили и забавную историю, случившуюся еще в 20-е годы, когда какой-то проходимец основал подпольное акционерное общество по добыче сокровищ со дна озера. Ему удалось порядочно облегчить кошню многих казанских нэпманов и... вовремя скрыться.

Вполне понятно, что писатель сдержанно (если не скептически) отнесся и к документам, и к их обладателю. Старик ушел, унес с собой документы и вскоре скончался. Р. Мустафин едва ли вспомнил бы эту встречу, если бы не случай. А случилось вот что. В том районе озера, где непонятый потомок казанских феодалов предполагал место захоронения казны, утонул человек. Поиски вели с нескольких лодок железными «кошками». Вдруг одна из лодок зацепила что-то и стала. Подплыли другие участники поиска и сообща стали тянуть за веревку. Несколько дюжих мужчин еле-еле сдвинули груз с места. Но тяжесть была такой, что веревка аж звенела от натуги. Наконец

из воды показался небольшой сундук. Все понимающе переглянулись: столь большая тяжесть в таких малых габаритах. Наверняка драгметалл! Когда попытались поднять находку над водой, крюк под тяжестью сундука разогнулся и он пошел на дно.

Его несколько дней безуспешно искали, используя самые разные подручные средства. Потом пригласили водолазов. Тоже безуспешно. Глубина озера в том месте была всего 5–6 м, но и слой ила на дне примерно такой же толщины. Судя по всему, сундук под собственной тяжестью глубоко погрузился в ил.

Вот так-то. Хотите — верьте, хотите — нет. Очень многие поверили, и в летний сезон 1988 г. на озере Кабан наблюдалось большое скопление аквалангистов из многих городов нашей страны. Кроме «диких» искателей ханской казны были и организованные в специальную экспедицию, оснащенную новейшим прибором для поиска драгметаллов — биолокационной планкой. Предложений, как достать сокровища, много: одни уповают на техническую новинку, другие предлагают убрать со дна озера Кабан всю многометровую толщу ила и т. д. и т. п. Поиски продолжаются¹. Только результатов пока нет.

Мог ли последний казанский хан малолетний Утямыш (правил в 1549–1552 гг.), оказавшись в безвыходном положении, утопить свою казну в озере? Мог. Тем более, что мировое кладоведение уже знает подобные легенды. В том же XVI в. далеко от озера Кабан — в Америке — произошел подобный случай.

Кровавый испанский конкистадор Писсаро 17 сентября 1532 г. заманил в засаду и взял в плен последнего правителя государства инков Атауальпу. За колоссальный выкуп ему была обещана свобода. Все инки в течение года носили

¹ Комсомольская правда. 1988. 24 янв.; 1989. 29 янв.

золото завоевателям. Наконец испанцы насытились, инсценировали суд и 29 августа 1533 г. убили Атауальпу. Это исторический факт. А дальше начинается легенда... Вероломные испанцы не знали, что к их столице Хаухе подходил караван из 11 тысяч лам, нагруженных драгоценностями для выкупа. Караванчики, узнав о гибели вождя, тут же утопили все сокровища в глубоких водах озера Пака... Добавим, что почти пятисотлетние поиски громадного количества золота в сравнительно небольшом водоеме пока не имели успеха.

Из газетных публикаций мы узнали, что наши соотечественники-кладоискатели «вышли на международную арену» и оставили далеко позади своих западных собратьев.

...17 июля 1730 г. при огромном стечении народа на острове Реюньон (западнее острова Мадагаскар) был повешен один из знаменитых пиратов Оливье Вассера по кличке «Ля Бюз» (Обжора). Юмор не изменил французу даже в преддверии ада. За секунду до того, как палач выбил у него скамейку из-под ног, Обжора бросил в толпу лист бумаги с непонятными значками, которыми якобы было зашифровано название места, где были спрятаны им сокровища. «Найдите клад, кто может!» Это были его последние слова...

В настоящее время место сокрытия клада — остров Оук, расположенный близ полуострова Новая Шотландия (Канада), похож на поле боя после ожесточенного артобстрела или массированной бомбежки. Он весь изрыт шурфами, траншеями — это следы «несбывшихся надежд», оставлены они многочисленным племенем кладоискателей на протяжении уже более четверти тысячелетия. Ищут одиночки, ищут и целые синдикаты. Результата пока нет, так как шифровку Вассеры прочитать не удалось и поиски велись вслепую. То было раньше. Сейчас другое дело. В декабре 1988 г. многие газеты страны поместили сообщения, что тайна Обжоры — уже не тайна. Записка

его дешифрована рабочим из Ростова-на-Дону Дмитрием Романовым. Он известный в своем городе нумизмат, коллекция которого насчитывает тысячи монет разных времен, народов и стран. Десять лет своей жизни Д. Романов отдал расшифровке записки корсара. Вовсе не специалист, не полиглот, а просто увлеченный человек, Д. Романов изучал древнюю клинопись, арабский, тибетский, японский алфавиты, руны, санскрит... Наконец, его озарило и теперь он свободно читает «по-пиратски»: «В море, в норе окна 12 родов...» Дальше пока опять тайна, так как дешифровщик по вполне понятным причинам не спешит обнародовать полный текст записки Вассеры. «Сейчас я могу точно сказать, где находятся сокровища флибустьера, — скромно заявляет ростовчанин. — По нынешний день его ищут не там: нужно искать не под землей, а под водой». Ростовский нумизмат надеется снарядить международную экспедицию (дело только за спонсором) и твердо уверен, что несколько монет из сокровищ пирата пополнят его коллекцию.

Известны ли подобные прецеденты в богатой практике международного клана кладоискателей? Очень много. Перуанская газета «Кемерско», например, в 1984 г. поместила статью о дерзком морском разбойнике Ричарде Хаукинсе, который якобы зарыл два клада: один близ портового городка Писко, второй — в гроте около пляжа Санта Роса, всего в 50 км от г. Лимы. Статья завершилась весьма необычно: заинтересованным лицам предлагалось звонить по телефону 46-74-92 некоему Уго Роману, который в обмен всего на пять процентов добычи брался сообщить самые точные сведения о кладах Хаукинса¹.

Что же, «есть еще порох в пороховнице» кладоискателей. Нет только найденных кладов. Известно, что ни одна

¹ Известия. 1988. 2 дек.; Сов. Киргизия. 1988. 6 дек.; Комсомольская правда. 1987. 25 окт.

организация, ни один человек с самыми, казалось бы, достоверными картами, документами и планами (за исключением героев романа Р. Л. Стивенсона «Остров сокровищ») еще не отыскали ни одного клада. Да и мудро отыскать, так как всякая находка клада сопряжена с полным набором пересечения ряда случайностей: случайно, что клад был зарыт именно в этом, а не в другом месте; случайно, что владелец почему-то не смог его изъять; случайно, что наши предки, работавшие в тех же местах, не копнули землю на сантиметр глубже; случайно и то, что лопата, нож бульдозера, ковш экскаватора подняли именно тот пласт земли, который скрывал клад; случайно, что... Много еще случайностей. Этим мы хотим сказать, что нельзя планировать или прогнозировать находки кладов. Нельзя создавать организации по отысканию кладов — они никогда не окупятся. И если кто-то, возбужденный золотыми грезами, попытается создать какой-либо коллектив, кооператив или организацию для поисков «золотого праха», тот напрасно, как свидетельствует практика, растратит время и средства, достойные лучшего применения. С грустью и сожалением смотрим мы, археологи, на многочисленные «дудки», которые роют на территории древних городов Кыргызстана искатели «золотого тельца». Напрасный труд, испорчен памятник истории и культуры...

Судьба профессионального кладоискателя, как правило, трагична. Поведаем лишь об одной. Легковерные современники прочно связали имя знаменитого английского писателя Стивенсона с полумифическими кладами пиратов. В конце своей жизни писатель купил участок земли на острове Уполу (архипелаг Самоа) и построил там виллу. Баснословная (с точки зрения туземцев) сумма, уплаченная за участок, и прочная репутация писателя как знатока кладов породили легенду, что под домом писателя или вблизи него зарыты несметные сокровища. Слухи были настолько убедительны, что богатый владивостокский

купец Аким Седых купил усадьбу Стивенсона и дотла разорился в тщетных десятилетних поисках клада. Аким стал бродягой и умер в нищете.

Клад — дитя счастливого случая, но не фантазии и энергии. Его очень редко находят даже профессионалы-археологи. Обычно к сокрытому первой прикасается рука землекопа, пахаря, бульдозериста, строителя. Часто клады находят вездесущие мальчишки. Тема «Дети и клады» не случайно заслужила внимание такого мастера, как Марк Твен («Приключения Тома Сойера»).

Таким образом, главным правилом всякого клада является его нетипичность и случайность находки. Бывают ли исключения? Как и в каждом правиле. Так, несколько лет тому назад один из одержимых — американец Мел Фишер с группой сподвижников после 17 лет теоретических и практических исследовательских работ сумел обнаружить затонувший в 1622 г. близ мыса Ки-Уэст (Карибское море) галеон «Нуэстра Сеньора де Аточа». Из трюмов корабля удалось поднять ценностей на сумму свыше 700 миллионов долларов¹.

Что же такое клад! Энциклопедия дает двойное определение: «1 — спрятанные, чаще всего зарытые в землю вещи, не взятые владельцем и позднее случайно обнаруженные... 2 — зарытые или скрытые иным способом деньги или ценные предметы, собственник которых не может быть установлен или в силу закона утратил на них право»².

Для нашей темы больше подходит первое определение.

Иное определение кладов принято в юриспруденции. Оно наводит на мысль о «преступных кладах», т. е. о национальных богатствах, похищенных у ранее зависимых

¹ Комсомольская правда. 1987. 25 окт.

² Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С. 591.

народов в период колониального господства капиталистическими хищниками.

Достаточно вспомнить о египетской авантюре Наполеона Бонапарта в 1798 г., в которой кроме прославленных генералов приняли участие и знаменитые ученые Монж, Бертолле, Сент-Иллер, Конте, Доломье, Ларрей, Дженет, Арно, Грамезон и многие другие¹. Одна из задач, поставленных перед учеными, заключалась в отборе и транспортировке во Францию бесценных древностей Египта. И если генералы потерпели поражение, то ученые выполнили свою задачу. По возвращении на родину они организовали Институт Египта, который располагал самой богатой коллекцией сокровищ, похищенных на берегах Нила.

Не менее известна авантюра английского дипломата лорда Эльджина, разграбившего афинский Парфенон. Античный храм Победы был украшен бессмертными произведениями древних мастеров Эллады, в том числе и работами, принадлежавшими резцу гениального Фидия (V в. до н. э.)². Парфенон украшал афинский акрополь около 2000 лет, пока турки, захватившие Грецию, не устроили в нем пороховой склад.

В 1687 г. в результате прямого попадания ядра венецианских артиллеристов крыша храма взлетела на воздух. Дальнейшее разрушение храма было делом рук уже не военных.

Английский посол в Турции Томас Брюс граф Эльджин в 1802 г. распорядился снять оставшиеся фризы с Парфенона, упаковать их в 16 больших ящиков и под присмотром секретаря посольства Гамильтона на бриге «Ментор» отправить в Англию. Однако бриг попал в шторм и затонул у острова Кифера. Бесценные творения древнегреческих

¹ Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. Изд 4-е. М., 1986. С. 188

² Соколов Г. И. Акрополь в Афинах. М., 1968.

мастеров оказались на шестнадцатиметровой глубине. Моряки русской эскадры предложили лорду свои услуги, но лорд хорошо знал тягу русских к подлинному антику для украшения и без того прекрасного Санкт-Петербурга и не хотел об этом и слышать. На следующую весну Эльджин нанял ныряльщиков, через два года был поднят весь груз. Эта операция, включая стоимость «Ментора», обошлась дипломату в 5 тысяч фунтов. Правда, лорд не остался внакладе, так как оптом продал всю коллекцию Британскому музею за 35 тысяч фунтов¹. Знаменитые фризы находятся там и по сей день.

Злодеяния английского дипломата, довершившего разрушение шедевра зодчества общечеловеческого значения, не забыты народом Греции. Имя его стало именем нарицательным. Сейчас «элджинами» зовут всех, кто пытается похитить и тайно вывезти за рубеж древнегреческие археологические сокровища.

Ну да это все произошло почти два столетия тому назад, когда в мировой политике господствовал «закон джунглей». А как обстоит дело с «преступными кладами» в наши дни? Негативных примеров, к сожалению, множество. Остановимся лишь на последнем особо шумевшем случае.

...4 ноября 1922 г. Величайшая в истории археологии находка — археолог Говард Картер открыл в Египте, в Долине царей неразграбленную гробницу фараона Тутанхамона (правил в XIV в. до н. э.). Четыре погребальные камеры были заполнены сказочными сокровищами. Находка взбудоражила общественное мнение всего просвещенного мира и вызвала такой интерес, какой выпадал до тех пор на долю лишь одного археологического открытия — открытия Шлиманом Трои. Несколько лет большой коллектив ученых извлекал и скрупулезно описывал сокровища,

¹ *Ланитцки Г.* Амфоры, затонувшие корабли, затопленные города / Пер. с нем. В. А. Сеферьянца. М., 1982. С. 143–144.

составляя полный реестр всех находок. Репутация руководителя работ археолога Картера была если не выше, то и не ниже, чем у жены Цезаря¹. И тем не менее...

В марте 1988 г. газеты многих стран, особенно Англии и Египта, стали писать о тайне замка «Хайклиэр». Его новый хозяин — седьмой по счету лорд Карнарвон, вступая в наследное владение родовым имением после смерти своего отца, сделал неожиданное открытие. В одной из комнат огромного дворца он обнаружил неизвестное крупное собрание произведений древнеегипетского искусства. Среди трехсот (!) предметов-сокровищ выделяется маска фараона Аменофиса III — деда фараона Тутанхамона. В коллекции бесценные статуэтки, ювелирные изделия... Как же попали сокровища древних царей солнечного Египта на землю туманного Альбиона? Ларчик был открыт просто.

Газета «Таймс» сообщала, что право на раскопки в Долине царей, где хоронили фараонов, принадлежало не известному археологу Говарду Картеру, а деду нынешнего владельца замка «Хайклиэр». Карнарвон пятый получил это право еще в 1914 г. и финансировал работы археолога. Полагают, что именно Картер и предоставил своему «спонсору» древнеегипетские произведения искусства, тайно вывезенные из Египта.

Та же «Таймс» пыталась выяснить и причину того, что сокровища не стали известны ученому миру. Выдвинуто две версии: романтическая и, увы, весьма прозаическая.

Открытие гробницы Тутанхамона в 1922 г., согласно первой версии, обернулось трагедией для Карнарвона-деда — он скорострительно скончался от укуса безобидного москита. В последующие месяцы и годы люди, связанные с раскопками гробницы, тоже умерли при весьма странных обстоятельствах. Возникла суеверие о «проклятии Тутанхамона»,

¹ Керам К. Боги, гробницы, ученые: Роман археологии / Пер. с нем. А. С. Варшавского. М., 1963. С. 172–194.

опасаясь которого лорд Карнарвон шестой и упрятал подальше египетскую коллекцию своего погибшего отца.

По другой версии, наследник древностей и слышать не желал о Египте не потому, что там умер его отец, а потому что золотые времена Киплинга миновали. Карнарвону шестому пришлось вернуть египетскому народу значительную часть сокровищ из гробницы Тутанхамона, а другую часть срочно продать нью-йоркскому музею «Метрополитен». Естественно, что в изменившихся политических условиях хозяева «Хайклиэра» предпочли «забыть» об оставшихся трехстах произведениях древнеегипетского искусства. О них ничего не знал даже законный наследник.

Официальный Каир решительно потребовал возвращения части коллекции из гробницы Тутанхамона законному владельцу — народу Египта. Однако в настоящее время трудно сказать, будет ли выполнено это вполне обоснованное требование¹.

* * *

Клады и собственность появились, вероятно, одновременно, т. е. около пяти тысяч лет тому назад. Древнейшие из них относятся к энеолиту и даже к концу неолита².

Клады делятся на три основные разновидности:

- имеющие только научную ценность;
- имеющие только материальную ценность;
- имеющие и научную, и материальную ценность³.

Деление это весьма и весьма условно. Оно распространяется только на территорию нашей страны, так как любые

¹ Известия. 1988. 13 марта.

² Советская историческая энциклопедия. М., 1965. Т. 7. С. 394—395.

³ Газиев А. Люди и клады // Литературный Киргизстан, 1988. № 6. С. 123.

древности, которые, казалось бы, имеют только научную ценность (изделия из бронзы или, например, керамика), высоко ценятся на антикварных рынках за рубежом.

На территории Средней Азии найдены клады всех трех упомянутых разновидностей и почти всех хронологических эпох.

СОКРОВИЩА МИНУВШИХ ПОКОЛЕНИЙ

ЗНАМЕНИТЫЕ КЛАДЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ

*Культура — это то, что остается,
а все остальное уйдет, как и положено
в этом приходящем и уходящем мире.*

Чингиз Айтматов

Богатые клады бывают и в бедных странах, а вот клады, которые становятся культурным достоянием человечества, находят только на территориях, которые стали очагами мировой цивилизации. Одним из таких очагов была Средняя Азия. В древности часть ее входила в зону политического и культурного влияния державы Ахеменидов (VII—IV вв. до н. э.), которую сокрушил Александр Македонский. На развалинах его империи вскоре возникли эллинистические государства Селеквидов и (несколько позже) Греко-Бактрия. Мощное культурное влияние высочайшей греческой цивилизации на Среднюю Азию намного пережило время существования самих эллинистических держав. Однако нельзя считать, что иранские или греческие «добрые дядюшки» несли ростки своей богатой культуры и бережно высаживали ее на почву Средней Азии. Если бы она была «каменистой и сухой», здесь не прижился бы даже самый неприхотливый чужеземный культурный росток. Но почва была благодатной. Здесь была чудная страна. В оазисах Ферганы, Согда, Хорезма, Бактрии, Маргианы, Парфиены было обилие городов и поселений с дворцами и храмами

своеобразной архитектуры, хорошо возделанные поля, сады, виноградники, развитая ирригационная сеть. В этих оазисах жили труженики, воины и мудрецы, которым дивились иноземцы.. Здесь истоки одной из древнейших мировых философско-религиозных систем — учения Зороастра!.. Здесь не только воспринимали, но и сами влияли.

Горы и степи Средней Азии всегда служили приютом для скотоводов, которые создали свою яркую самобытную культуру. Прекрасные образцы ее украшают музеи Кыргызстана и Казахстана. Они свидетельствуют, что тут не было лишь механического восприятия чужеземного культурного влияния. Только лучшие и «практичные» достижения иранцев и греков становились достоянием степной культуры. В свою очередь чужеземная культура немало восприняла от кочевников, особенно в скотоводстве и военном деле. Таким образом, шел постоянный культурный взаимообмен между различными и разноязычными народами, из сплава которых рождались новые народы с новой культурой.

Оседлое население оазисов всегда находилось под угрозой опустошительных набегов всадников с севера Средней Азии. Горожане долго отсиживались за толстыми стенами, но и они были не столь уже неодолимым препятствием. Первым дрогнуло, а затем пало государство Селевкидов. Один из вождей сакского племени парнов (дахов) Аршак около 238 г. до н. э. завоевал селевкидскую область, Парфию, которая располагалась к северу и югу от хребта Копет-Даг. Аршакиды (потомки Аршака) постепенно отняли большинство земель у Селевкидов. С запада их теснили римляне. Последним марионеточным царем из династии Селевкидов был Антиох XIII, которого в 69 г. до н. э. утвердил на троне римский полководец Лукулл. Через некоторое время его прогнал Помпей Великий. Антиох XIII бежал в пустыню, где его зарезал какой-то арабский шейх. По соглашению 92 г. до н. э. между Римом и Парфией

границей, разделившей империи, стала река Ефрат. Войны между Парфией и Римом шли с переменным успехом. В 266 г. Парфия развалилась под ударами новой иранской династии Сасанидов.

Ободренные успехами парнов в борьбе с ранее несокрушимыми Селевкидами, родственные им кочевые племена саков и тохаров между 140 и 130 г. до н. э. разгромили другое эллинистическое государство — Греко-Бактрию. В начале новой эры из пяти крупных вождей кочевников выделился Куджула Кадфиз — основатель династии Кушан. В состав Кушанской империи в разное время входили значительная часть Средней Азии, Афганистана, Западного Пакистана и Северной Индии. В IV в. Кушанское царство ослабело и под натиском Сасанидов и возвысившихся индийских Гуптов распалось на ряд мелких княжеств¹.

Таков политический фон развития культуры Средней Азии. В начале нашей эры Парфия и Кушанское царство наряду с Римом и империей Хань составили четверку самых могущественных держав мира. Они воевали, но и торговали. Проложен Великий шелковый путь. По нему продвигались не только товары, но и идеи. В культуре Парфии и Кушан отражались их этническая пестрота и сильная струя иноземных влияний.

Традиции и инновации в культуре народов Средней Азии времени Ахеменидов, Аршакидов и Кушан ярко отразились в знаменитых кладах, найденных на территории современных республик Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан и Кыргызстан. Сейчас составы этих кладов широко известны. Им посвящены объемные тома специальных исследований на многих языках. Они принадлежат истории мировой цивилизации.

¹ Кошеленко Г. А. Культура Парфии. М., 1966. С. 12–48; Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972. С. 244–254, 275–278.

Клад Окса

Обратимся к одному из самых известных кладов Северной Бактрии, который был обнаружен в Средней Азии, разграблен в Афганистане, перекуплен в Индии, доставлен в Англию и составил жемчужину знаменитого Британского музея в Лондоне. Это так называемые «сокровища Окса», или Амударьинский клад.

История его обнаружения и даже введения в научный оборот раскручивается, как настоящий детектив.

Весной 1880 г. бухарские купцы Вази ад-Дин, Гулям Мухаммед и Шуркер Али шли с караваном из Самарканда в Индию. И опять на сцену выступает его величество случай. Случайно купцы узнают, что жители Кобадына в 1877 г. нашли бесценные сокровища у размытых берегов Амударьи, рядом с древней крепостью Тахти-Кувад. Купцы знали, что английский наместник Индии лорд Литтон — археолог-любитель и собиратель древностей, он даст хорошую цену за шедевры из золота, поэтому их надо скупить у простаков-дехан. Сделка была заключена, и купцы, упаковав драгоценности, продолжили путь. Караван был уже на пути из Кабула в Пешевар, когда разбойники из соседнего кочевого племени напали на него и разграбили. Это произошло в один из майских вечеров 1880 г. Одному из слуг удалось бежать, и в 9 часов вечера он явился на пограничную заставу в долине Тезин к английскому капитану Ф. Бартону.

Позже Бартон в стиле Конан Дойла описал картину своего нападения на грабителей. Вот он с двумя ординарцами внезапно появляется среди ночи в пещере. Здесь грабители яростно делят так внезапно свалившиеся на них сокровища. Уже валяются раненые. Остальные так заняты дракой, что не заметили появления капитана. Храбрый воин обращает грабителей в бегство, но, не желая рисковать, сам проводит остаток ночи в пещере.

На другой день разбойники, боясь, как бы Бартон не двинул войска против их кочевий, добровольно явились в пограничный лагерь и возвратили большую часть добычи. Благодарные купцы уговорили храброго капитана принять от них золотой браслет прекрасной работы, который являлся украшением сокровищницы. Для истории следовало все записать. И по инициативе Бартона один из купцов, а именно Вази ад-Дин, показал, что золотые и серебряные украшения, сосуды из золота, серебряные и золотые идолы, а также знаменитый браслет были ими куплены у жителей побережья Окса. Жители утверждали, что они найдены в одном месте и относятся ко времени Александра Македонского, а также что часть сокровищ уже была ранее отправлена вице-королю Индии лорду Литтону.

В Равалпинди клад был продан перекупщикам, постепенно скуплен генералом А. Каннингхемом, затем он попадает к коллекционеру У. Франку и лишь от него переходит в Британский музей. При поступлении в Британский музей, в 1897 г., эта коллекция была зарегистрирована лаконичной записью как «большое количество утвари и художественных изделий преимущественно из золота, присланных в Англию некоторое время тому назад с северо-западной границы Индии».

Сокровища Окса насчитывают без малого 200, главным образом золотых, предметов и почти полторы тысячи монет. Столетие спустя после находки они впервые демонстрировались в Государственном Эрмитаже, в стране, на территории которой некогда были обнаружены. В ответ в Британский музей была отправлена на экспозицию эрмитажная коллекция «Сибирское золото». Этот обмен выставочных коллекций был не случаен, так как стиль предметов и художественные особенности коллекции «Сибирское золото» и Амударьинского клада во многом перекликались и дополняли друг друга. Немало изделий было выполнено

в так называемом скифском или сакском «зверином» стиле, для которого характерно переплетение множества фигур в одном сюжете. Этот стиль был типичен для курганных памятников от Монголии и Горного Алтая, Тянь-Шаня и Памиро-Алая до Причерноморья.

Что же это за предметы?

Вот перед нами культовые статуэтки из золота и серебра, миниатюрная изящная модель полного комплекта колесницы, изображения жрецов на золотых пластинах, пара массивных браслетов со змеиными головками «звериного» стиля и тесно связанные с ними фигурки животных IV—III вв. до н. э., по происхождению явно из кочевого мира. Аналогичные предметы были обнаружены в курганных могильниках (так называемых «царских» погребениях саксов) в Центральном Тянь-Шане И. Кожомбердиевым, в Турасуйском могильнике на Иссык-Куле — В. Мокрыниным, на Памире — Б. А. Литвинским и его таджикскими коллегами, в Семиречье — К. А. Акишевым. Особенно близки между собою по стилю, форме изображения литой бегущий олень из Амударьинского клада и такой же джейран из Турасуйского кургана. Ноги обеих золотых фигурок укреплены на прямоугольных пластинках. Причем джейран имеет характерную особенность: одна из его ножек была повреждена и в свое время «отреставрирована», правда, довольно неумелым ремесленником. Изображение архара из неграбленного кургана Иссык (близ Алма-Аты) позволило определить предназначение подобных украшений. Они служили навершиями остроконечного колпака сакских вождей. Это чисто сакские предметы ювелирного искусства, выполненные в реалистической манере.

Амударьинский клад содержит разнородные предметы, которые не позволяют точно его датировать. Предметы различны по художественному стилю, а монеты — различного времени. Это склоняет ученых к мысли, что сокровища

Окса не были отдельным, единовременным кладом, а составлялись длительное время. Большинство их можно отнести к IV—II вв. до н. э.

Клад ставит перед исследователями много вопросов. И одни из первых: чем был клад для его последнего владельца? Скорее всего, это — родовое сокровище, собиравшееся несколько столетий, сокрытое, но не взятое обратно владельцами. Неоспоримым фактом является длительность собирания богатств. Ученые в кладе четко просматривают три компонента, три художественные школы или даже, можно сказать, три мира: эллинистический; местный бактрийский; горно-степной, кочевой¹.

В последний, т. е. в горно-степной, кочевой мир, мы на основании перечисленных выше фактов вправе включить и высокогорные территории Памира и Тянь-Шаня. Вовсе не исключено, что среди сокрушителей эллинистической Греко-Бактрии и создателей Кушанского царства были сакские племена, обитавшие на Памире. Однако окончательная разгадка тайны Амударьинского клада еще впереди. Каждая новая находка, каждый новый раскрытый курган или тайник античного поселения приближают нас к разгадке этой тайны. Но теперь уже несомненно, что традиции художественного искусства, заложенные местными народами Средней Азии, не исчезали, а были осмыслены, восприняты и развиты последующими поколениями.

¹ Зеймаль Е. В. Амударьинский клад: Каталог выставки. Л. 1979.

Сокровищница парфянских царей (подвиг археологов)

Ни один клад в мире не давался людям с таким трудом. Извлекали его из земли не час, не день, не месяц, а три долгих и тревожных года. Земля, казалось, не хотела расставаться с сокровищем. Она возмутилась, но люди оказались сильнее. И какие люди! В открытии и изъятии клада непосредственно участвовали уже известные науке М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова, а также тогда совсем юные С. Г. Агаджанов, Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский, В. М. Массон... Что ни исследователь — то имя! Ныне все они — видные ученые, члены-корреспонденты и академики различных академий.

Ну да обо всем по порядку. Начальник Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ) профессор М. Е. Массон в сезон 1946 г. приступил к изучению развалин Старой Нисы. Они располагались всего в 18 км от Ашхабада. В древности здесь был крупный парфянский город Митридаткерт. В нем погребали первых царей из династии Аршакидов, поэтому город считался их родовой святыней¹. В начале сентября 1948 г. отряд, руководимый Е. А. Давидович, начал раскопки так называемого «квадратного дома», а 25 сентября коллектор Т. Якушова в помещении XI этого дома обнаружила фрагменты изделий из слоновой кости с прекрасными рельефными изображениями лиц, торсов, рук... Такого еще не было. Открытие!

Однако восторги археологов быстро сменились унынием. Кость слоилась и рассыпалась в пыль от легчайшего прикосновения мягких кисточек. Позже под воздействием

¹ Массон М. Е., Пугаченкова Г. А. Парфянские ритоны Нисы // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад, 1959, Т. 6. С. 233 (Монография является основой изложения этого раздела).

солнца и воздуха веками лежавшие в земле творения древнего художника стали коробиться, трескаться и разрушаться сами по себе. На глазах ошеломленных археологов творилось непоправимое: исчезали чудные лики, трепетные руки, добрые взгляды неведомых предков. И вот — нет чудесной красоты. Остался лишь тонкий слой легкой трухи... Правда, к этому времени молодым ученым удалось выяснить, что они наткнулись на целое скопление каких-то крупных изделий.

Что делать? Как спасти открытие?

В этих условиях начальник отряда принимает единственно правильное решение: работы приостановить, монолит, содержащий сокровища, затенить от солнца, едва расчищенные уже предметы опять присыпать землей, нести ночную охрану объекта. В Ташкент, куда, как на грех, уехал профессор М. Е. Массон, полетела телеграмма...

Катастрофа всегда приходит неожиданно-негаданно. В ночь с 5 на 6 октября в 1 час 15 минут земля застонала, вздыбилась. Трещины, провалы, грохот падающих средневековых стен, густой удушливый туман белой пыли... В последнее время стихийные трагедии зачастили. Ташкент, Армения, Таджикистан, Казахстан, Кыргызстан, Грузия. То было первое на памяти нынешнего поколения — ашхабадское землетрясение 1948 г. Погибла часть экспедиционных землекопов в кишлаке Багир. Остались под руинами шофер и хозяйственная работница. Некоторые члены ЮТАКЭ получили травмы, другие были в шоке. Но все это было ни в коей мере несравнимо с тем, что постигло Ашхабад.

Мог ли любой другой начальник экспедиции, кроме М. Е. Массона, в таких условиях даже подумать о продолжении археологических работ? Едва ли. А М. Е. Массон, преодолевая трудности (отсутствие рабочих, средств, продуктов питания), непонимание (кому тогда нужны были какие-то превращавшиеся в прах изделия из слоновой кости?), административные барьеры (въезд в зону катастрофы

был закрыт), погодные условия (необычно раннее наступление холодов), сделал все для того, чтобы спасти открытие.

Основатель ташкентской школы археологов Средней Азии Михаил Евгеньевич Массон (1897—1986) происходил из обрусевшей французской семьи, его предки прибыли в Россию в начале XIX в. С 1912 г. он участвует в раскопках городища Афрасиаб. Позже прапорщик-артиллерист М. Е. Массон был призван в действующую армию на германский фронт. В 1918 г. возвращается в Туркестан, где участвует во всех мероприятиях, связанных с изучением, охраной и реставрацией памятников старины, работает директором Самаркандского областного краеведческого музея, возглавляет ряд археологических экспедиций, в том числе и на территории Кыргызстана. Перу М. Е. Массона принадлежит свыше 350 опубликованных научных работ. Он доктор археологии (1936), доктор исторических наук (1949), заслуженный деятель науки Узбекской ССР (1944) и Туркменской ССР (1949), действительный член АН Туркменской ССР (1951). Профессор М. Е. Массон был крупнейшим авторитетом для всех археологов Средней Азии. Ныне его ученики — основная сила среднеазиатской археологии. Они работают в научных учреждениях Москвы, Ленинграда и всех республик Средней Азии. В Кыргызстан из «птенцов гнезда Массонова» прибыли археологи П. Н. Кожемяко, Н. Г. Галочкина, В. Д. Горячева, М. Н. Федоров.

Уже 25 числа того трагического октября М. Е. Массон был в Старой Нисе. Вместе с ним к работам приступили А. Ф. Ганилян, Б. А. Литвинский, М. С. Мершиев. В начале ноября к ним присоединились реставраторы высочайшей квалификации А. В. Кирьянов (Москва) и В. Н. Кононов (Ленинград). Прежде всего соорудили землянку с очагом. Строительным материалом служили обломки досок, извлеченные из развалин. Радовались каждой целой банке, каждому гвоздю. На следующий день приступили к расчистке

объекта. Он производил гнетущее впечатление. Археологи работали весь световой день. Орудия труда — только иглы дикобраза и тончайшие колонковые кисточки. После обнажения двух-трех квадратных сантиметров поверхности слоновой кости ее закрепляли раствором целлулоида в ацетоне. Потом та же процедура повторялась со следующим участочком. И так изо дня в день, с утра до вечера. Дни стояли необычно холодные, заморозки, иней, руки мерзнут. Но простудиться — не смей! М. Е. Массон отправлял таких в землянку, резонно опасаясь, что невольный кашель, а еще хуже чихание, разрушит и так «дышащую на ладан» слоновую кость. А тут еще ежедневные разной силы подземные толчки долго затухавшего ашхабадского землетрясения!

Работы осложнялись тем, что археологи плохо представляли себе методическую сторону дела. Реставраторы заявили, что мировая практика еще не знала ничего подобного, поэтому технические приемы извлечения из земли предметов резной слоновой кости рождались прямо здесь, на Старой Нисе, в нелегкие ноябрьские дни 1948 г. Наконец найден оптимальный режим очистки, подобран нужный раствор клея БФ для закрепления и пропитки, выработана методика изготовления разъемных гипсовых блоков, в которые, как в саркофаг, заключались хрупкие древности. Участники экспедиции научились возрождать шедевры, как правило, распавшиеся на 120—360 мелких фрагментов, придумали наиболее надежные подставки для них, продумали безопасный способ транспортировки.

Что же все-таки нашли археологи? Для ясности сразу расскажем о конечном результате. «Квадратный дом», с раскопок которого все началось, оказался сокровищницей парфянок царей, построенной в конце III — начале II в. до н. э. Вдоль стен квадрата (59,7×59,7 м) было по три продолговатые комнаты, соединенные между собой проходами. Выход во внутренний дворик был только из средних

помещений. В каждой из комнат было по четыре колонны. Окон не было¹. По мере заполнения комнаты сокровищами двери ее замуровывали толстой кирпичной кладкой и опечатывали. Видимо, со временем все двенадцать помещений были заполнены богатствами парфянских царей, так как все выходы во внутренний дворик ко времени разрушения здания были замурованы. Конечно, ни толстые стены, ни специальные печати не уберегли сокровища от разграбления. Но воры почему-то пренебрегли высокохудожественными ритонами из слоновой кости, которая сама по себе ценилась не ниже золота. Видимо, в момент разграбления сокровищницы ценная кость уже утратила товарный вид. Только поэтому, на наш взгляд, археологам досталось девяносто (!) ритонов. находка любого из них даже в единственном экземпляре была бы крупным научным событием.

Что такое ритон? Это рогообразный сосуд для питья. Он восходит к естественному полому рогу парнокопытного животного (бык, баран, козел). Первым в качестве сосуда использовал рог для питья, вероятно, еще первобытный охотник или древний скотовод. Естественный рог до сих пор украшает знаменитое кавказское застолье. (Девиз такого сосуда: «Пей до дна», ибо, если рог наполнен, его никак не поставишь на стол!) Уже в глубокой древности ритоны стали делать из глины, металла, возможно, из дерева. В античное время такие сосуды были распространены в Средиземноморье, Месопотамии, Причерноморье, Иране. В Средней Азии ритоны найдены в Тохаристане, Согде, Хорезме². Ритонами пользовались и скотоводы Кыргызстана. В 1973 г. в Кетмень-Тюбе найдена золотая пластина, на которой изображена коленопреклоненная женщина

¹ Кошеленко Г. А. Культура Парфии. С. 33–34.

² Пугаченкова Г. А. Искусство Туркменистана. М., 1967. С. 55.

³ Том V. В. М. Плоских

с ритоном в руке (V—III вв. до н. э.). При большом увеличении видно, что сосуд завершался изображением головки козла¹.

Что представляли собой нисейские ритоны? Это изогнутые рогообразные сосуды с высоким стволом. Размеры их различны. Есть ритоны высотой до 60 см и емкостью около полутора литров. Есть и совсем «маленькие» — вмещающие только поллитра жидкости. В большинство из них можно налить от трех четвертей литра до одного литра. (Как видим, в любом случае принцип «пей до дна» практически осуществить было не так-то просто).

Ритоны были выточены из слоновьих бивней на каком-то станке. Все они искусно составлены из нескольких частей. Нижний конец каждого сосуда украшен скульптурной фигуркой, в которой устроено отверстие для слива напитка. У раструба — фриз с многофигурной рельефной композицией. Отдельные детали ритонов сделаны из драгоценных металлов с вставками из самоцветов и стекла. Весь комплекс изделий датируется II в. до н. э.

В изображениях на ритонах чувствуется рука не одного мастера. Есть экземпляры, которые сделаны резчиками очень высокого художественного дарования. У других исполнителей таланта поменьше, ремесленных, чисто профессиональных навыков побольше. А в целом творчество этих мастеров принадлежало если не к одной мастерской, то к одной восточнопарфянской школе высококвалифицированных резчиков по кости.

Создается впечатление (если смотреть только на ритоны), что раннепарфянские художники, а следовательно, и их заказчики, были очарованы греческим искусством и мифологией. В глазах недавних степняков престижным становится все греческое: скульптура, театр, одежда, архи-

¹ Мокрынин В. П. По следам прошлого. Фрунзе, 1986. С. 52.

тектура. На фризах ритонов изображены двенадцать богов греческого Пантеона со строгим соблюдением олимпийской иерархии. За редким исключением, они размещены в следующем порядке: Зевс, Гера, Гефест, Афина, Арес, Афродита, Аполлон, Артемида, Деметра, Гермес, Гестия, Посейдон. Есть сцены мистерий, жертвоприношений, божественной свадьбы, отражены вакхические обряды, охота девы Артемиды (или Гестии), изображены Аполлон и музы, Гефест и музы, иллюстрации к драме Еврипида «Вакханки» и др. Естественно предположить, что парфянской знати был вполне понятен смысл этих изображений. Раннепарфянская верхушка быстро эллинизировалась. Этот процесс отмечен и письменными источниками. Так, царю Ороду II (правил в 57–37 гг. до н. э.), как сообщает Плутарх, «были не чужды греческий язык и литература». В момент, когда перед царем бросили голову разбитого парфянами у города Карры (53 г. до н. э.) римского полководца Марка Красса, Ород наслаждался декламацией стихов Еврипида из «Вакханок».

Однако парфянские резчики не слепо копировали греческие образцы. Лица богов и людей далеко не греческие. Облик их восточный. За образец взят тип населения Восточной Парфии, одежда «варваризирована», лики в основном фронтальны, что чуждо греческому искусству и характерно для позднепарфянского. В целом греческие образы и сюжеты на ритонах сильно преломлены через парфянскую призму¹.

Это характерно и для скульптурных фигурок, украшающих концы ритонов. Они изображают различных львоподобных крылатых и рогатых грифонов, крылатых кентавров и кентаврид, священного человекобыка Гопатшаха и даже... крылатого слона. Некоторые из них (рогатые львы, Гопатшах) — образы восточной мифологии, другие

¹ Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Очерки искусства Средней Азии. М., 1982. С. 270–271.

(кентавры) — существенно отличаются от традиционного греко-римского образа, прежде всего крыльями.

Таким образом, археологи ЮТАКЭ совершили подвиг, извлекая из небытия ценнейший клад, свидетельствующий о «филэллинском» этапе в развитии раннепарфянского искусства. Однако позже, «переболев» Элладой, парфянское искусство вернулось к древнеиранским традициям и сюжетам¹.

...Летом 1951 г. после тщательной и успешной реставрации в Ташкенте, Москве и Ленинграде нисейские сокровища вернулись на родину. Сейчас они украшают экспозицию Музея истории в Ашхабаде. Специальным решением Президиума Академии наук Туркменской ССР несколько экземпляров парфянских шедевров были выделены для Музея восточных культур и Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в Москве. Нам удалось ознакомиться с ритонами Старой Нисы в Ашхабаде. В залах необычная для города прохлада и ...ритоны, ритоны, ритоны... Какая-то умиротворяющая красота минувших тысячелетий. Подлинная красота дела рук человеческих, которая была и будет ценима во все времена.

Дальверзинский клад

В 1967 г. видный советский искусствовед и археолог, ныне академик АН Узбекистана, почетный доктор Страсбургского университета, профессор Г. А. Пугаченкова начала стационарные раскопки городища Дальверзинтепе. Мертвый город расположен в Южном Узбекистане на берегу Сурхандарьи. Возник он как небольшое греко-бактрийское поселение еще в III—II вв. до н. э.. Со временем разросся, был обведен

¹ Фрай Р. Наследие Ирана. С. 271.

мощными стенами. В стенах были устроены галереи, казематы, а на их гребнях — площадки для стрелков, пращников и камнеметной артиллерии. Над городом возвышалась цитадель, рядом с которой были единственные ворота. Глубокий и широкий ров окружал все фортификационные сооружения. Такое внимание к обороне свидетельствует о том, что жителям города и гарнизону было что защищать. Еще бы! По предположению Г. А. Пугаченковой, именно здесь первоначально был столичный город бывших кочевых юэчжей (тохаров), из среды которых вышла могущественная династия Кушан.

Раскопки показали, что город действительно был богат. Неожиданная удача ждала археологов при исследовании одного из жилых домов. Все свидетельствовало о том, что там обитал очень состоятельный человек. В доме было 22 помещения, среди которых вестибюль, зал для приемов, домашний храм, обширная столовая, жилые комнаты, кладовые и даже баня с каменкой. Стены комнат были покрыты многоцветной росписью. Она почти не сохранилась. Реставраторы сумели зафиксировать только небольшой фрагмент, по-видимому, батальной сцены: изображение морды коричневого коня и бородатого мужчины в шлеме с мечом в руках. О богатстве хозяина дома свидетельствовали и находки пока самых древних в стране двух шахматных фигурок в виде быка-зебу и слона. Обе были мастерски вырезаны из слоновой кости. И дом, и роспись, и фигурки, конечно, убедительные, но косвенные и далеко не конкретные сведения об истинном богатстве горожанина.

Сюрприз ожидал археологов осенью 1972 г. в самой неказистой комнате в доме. Она примыкала к столовой, была темная, узкая и длинная, у одной из стен — лежанка-суфа. Да и номер комнаты (археологи нумеруют помещения в порядке их открытия) был тринадцатый (!), что, как всем известно, удачи не сулит. И вдруг именно в тринадцатой комнате начальник раскопа археолог массоновской

(ташкентской) школы Т. В. Беляева обнаружила между глинобитными полами целый яйцевидный кувшин с плоским дном. Он был тяжелый. Очень тяжелый...

Для полноты картины обратимся к отчету Т. В. Беляевой, который мы немного сократим, опуская лишь размеры и аналогии.

В кувшине находилось 115 предметов, отлитых из чистого золота.

Прямоугольные бруски двух размеров и весов: 16 экз. весом 765—877 г и пять весом 358—438 г. На некоторых из них имеются надписи, выполненные письмом кхарошти.

Тридцать девять дисковидных слитков металла, целых или обрубленных, весом 188—538 г.

Браслет плоский, весом 872 г.

Три браслета с утолщенными концами, вес 375,5—455,5 г.

Проволочные браслеты (3 целых и 2 обрубка), концы которых оттянуты и спиралевидно обвитые с противоположной стороны, вес 148—438 г.

Шейное украшение в виде гривны с утолщенными конусовидными концами, подобные браслетам с утолщенными концами; возможно, надевались в комплекте с ними.

Шейное украшение, состоящее из пяти шнуров. Каждый шнур сплетен «косичкой» из восьми проволочек. Шнуры прикреплены к цилиндрическим трубочкам, украшенным напаянными гнездами, в которые вставлены драгоценные камни — чередующиеся малиново-лиловые альмандины и зеленоватая бирюза; форма камней в основном округлая. Вес украшения 282 г.

Шейное украшение — пектораль из трех концентрических полукружий, соединенных с одной стороны замком, с другой — фигурно обработанным квадратом, куда вставлена гемма — инталия, на которой изображена голова Геракла и клевец (тип боевого топорика). Вес украшения 212,1 г.

Крупная бляха с припаянным ушком. Вес 75,4 г. Бляха передает в очень высоком скульптурном рельефе изображенные извивающегося ушастого зверя, свернувшегося кольцом.

Три серьги от разных пар. Две серьги выполнены той же техникой, что и браслеты — путем обмотки стержня тонкой проволокой. Третья представляет собой небольшой полый цилиндр, поверхность которого украшена ромбовидной сеткой, где в каждом отделении техникой зерни напаян шестилепестковый цветок, а сверху припаяно небольшое ушко.

Разнообразные заготовки в виде ниток, проволоки, пластинок, трубочек¹.

Вот так клад! В грубом глиняном кувшине было свыше тридцати килограммов золота на сумму (по ныне существующим, явно заниженным ценам) миллионы рублей. Находка Т. В. Беляевой окупила все расходы Узбекистанской искусствоведческой экспедиции как в прошлом, так и на многие десятилетия вперед. Это подлинное самофинансирование в археологической науке, осуществляемое за счет богатого горожанина, жившего около двух тысяч лет тому назад.

Материальная ценность клада очевидна. А научная? Обратимся к авторитетному мнению первых исследователей сокровищ: «Значение Дальверзинского клада огромно. Не будет преувеличением считать, что в научном аспекте значимость его для истории бактрийской культуры кушанской эпохи такова же, как для ахемединской Бактрии роль знаменитого Амударьинского клада Британского музея»². Клад уже стал эталоном для хронологического и территориального определения вещей I в. найденных случайно,

¹ *Беляева Т. В.* Жилой дом богатого горожанина // Дальверзинтепе. Кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978. С. 41–42.

² *Пугаченкова Г. А., Тургунов Б. А.* Исследование Дальверзинтепе в 1972 г. // Древняя Бактрия. Л., 1974. С. 66.

либо хранящихся в музейных коллекциях, дает наглядное представление о ювелирном деле времени «великих Кушан», по надписям на золотых брусках позволяет изучить метрологию того времени.

Состав клада разнороден. Он позволяет судить о процессе накопления фамильных драгоценностей кушанскими вельможами.

Археологи установили, что под пол тринадцатой комнаты клад был зарыт во второй половине I века. В его составе есть гораздо более древние вещи, например, массивная пряжка, в кольцо которой вписан «ушастый зверь». Ни по форме, ни по стилю изображения изделие не характерно для Бактрии. Оно уводит нас в мир кочевой культуры гор и степей Евразии. Подобные бронзовые пряжки не раз находили и в курганах кочевников Кыргызстана VII—VI вв. до н. э. С этой пряжкой на ремне, как представляется, предок хозяина клада вторгся в составе юэчжийских орд в Греко-Бактрию откуда-то из-за Сырдарьи. Не исключено, что это была единственная родовая реликвия в семье, напоминающая горожанину-кушану о его кочевом прошлом.

Второй пласт клада состоит из украшений, изготовленных местными ювелирами в соответствии с бактрийскими формами, традициями и вкусами. Это пектораль с геммой, на которой изображен Геракл, цилиндрическая серьга, украшенная сеткой ромбических розеток, браслеты и серьги с «раструбами» на концах и другие. Они составляют меньшую, но все же значительную часть сокровищ, свидетельствующих о росте богатств знати из кочевников уже на земле Бактрии.

Большую часть клада составляют золотые слитки. Надписи на некоторых из них обозначают вес и формулу «Дано богом Митрой»¹. Они выполнены письмом кхарошти

¹ Воробьева-Десятовская М. И. Надписи письмом кхарошти на золотых предметах из Дальверзинтепе // ВДИ, 1976, № 1. С. 72.

(разновидность индийского алфавита с арнейской письменной основой), распространенным в кушанское время преимущественно в Северной Индии, особенно в области Гандхара. К гандхарским по происхождению составным частям клада относятся сложное ожерелье из пяти шнуров, браслеты и серьги с «закруткой», возможно, дисковидные слитки, а также заготовки форм будущих изделий (полуфабрикаты), происходящие явно из ювелирной мастерской. Предметы индийской работы в составе клада позволили Г. А. Пугаченковой высказать предположение, что владелец клада принадлежал к кушанской служилой знати. Он мог быть участником походов на Индию при царе Куджула Кадфизе или Вима Кадфизе. Награбленные там богатства были гораздо больше родовых и накопленных в Бактрии.

Как бы там ни было, но пришло время, когда знатный кушан вынужден был прятать свои сокровища. Делал он это в спешке: мелкие сыпал в узкогорлый кувшин, крупные, которые были шире горловины сосуда, сминал... Ему, остерегавшемуся сиюминутной опасности, и в голову не могла прийти мысль, что только через тысячу девятьсот лет к его сокровищам прикоснется рука человека.

ДРЕВНЕЙШИЕ КЛАДЫ КЫРГЫЗСТАНА

После того была найдена медь и порода железа.

Всё-таки в употребление вошла медь, прежде, чем железо.

Так как была она мягче, притом изобильней гораздо.

Тит Лукреций Кар

Древнейшие клады Кыргызстана были зарыты в землю примерно три тысячи лет тому назад. В то далекое время обширные пространства Приуралья, Сибири, Казахстана и частично Средней Азии были населены родственными племенами с яркой и самобытной культурой бронзы, получившей название андроновской (по месту находки первого памятника у с. Андроново близ Ачинска).

В настоящее время довольно хорошо изучены процессы развития и упадка общества эпохи бронзы, его общественная организация, религия и другие явления, связанные с поступательным движением истории. Было установлено, что эпоха бронзы являлась периодом разложения первобытнообщинного строя. Хозяйство было комплексным: земледелие, скотоводство, металлургия. Последняя отрасль получила довольно значительное развитие и выделилась в профессиональное ремесло. Сами андроновцы, как показало изучение черепов, найденных в древних могилах, были европеоидами. Во главе семьи стоял мужчина, однако женщина занимала также довольно высокое положение. Существовал культ огня, жители поклонялись солнцу, верили в загробную жизнь, обожествляли предков. Конец эпохи бронзы (X—IX вв. до н. э.) был ознаменован тем, что по всей степной полосе Евразии, включая территорию Кыргызстана, возникло кочевое скотоводство.

Все эти наиболее общие сведения фокусировались исследователями на различных по своему характеру и значимости археологических материалах. Ученые по крупницам собирали их на протяжении многих десятилетий. Свою лепту в этот общий труд внесли и археологи Кыргызстана¹.

Основными видами памятников эпохи бронзы на территории республики являются поселения, погребения, наскальные изображения и клады. Если погребений и поселений эпохи бронзы открыто еще мало, то по количеству найденных кладов, причем довольно богатых, Кыргызстан занимает первое место в среднеазиатском регионе. Только на сравнительно небольшом пространстве (от с. Садовое на западе до Пржевальска на востоке) найдено девять кладов.

Первые три клада были обнаружены еще в конце прошлого века на Иссык-Куле. Они хранятся в Государственном историческом музее и в Музее антропологии МГУ в Москве:

1. Тюпский клад. Из четырех предметов. Найден в 1884 г. на берегу Тюпского залива. Был передан Н. Н. Пантусовым в Археологическую комиссию. Хранится в Государственном историческом музее;
2. Каракольский I. Найден в том же году около Пржевальска (Каракола). В кладе было четыре предмета;
3. Преображенский. Из семи предметов. Найден в конце XIX в. у с. Преображенское (ныне с. Тюп). Два последних (названный выше и этот) клада собрал профессор Со рокин и передал в Музей антропологии при МГУ;

¹ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. 26. М.; Л., 1952. С. 19–20; Кожемьяко П. Н. Погребения эпохи бронзы в Киргизии // Изв. АН Кирг. ССР. Фрунзе, 1960, Т. 2. Вып. 3. С. 81–192; Грязнов М. П. Бронзовый век // История Киргизской ССР. Фрунзе, 1968, Т. I. С. 56; Абетков А. К. Погребения эпохи бронзы могильника Тегермен-Сай // КСИА, вып. 93; Галочкина Н. Г. Новые данные об исследовании памятников эпохи бронзы // Кетмень-Тюбе: археология, история. Фрунзе, 1977.

4. Сокулукский I. Первый крупный клад, был найден в 1938 г. на правом берегу р. Сокулук у одноименного села при строительстве моста. Клад содержал семнадцать предметов;
5. Сокулукский II. Найден в 1958 г. при зачистке откосов распределителя оросительной системы на землях колхоза «Дружба». Насчитывал 15–17 совершенно одинаковых серпов;
6. В 1953 г. был найден клад из 16 предметов близ с. Садовое;
7. Изумительной сохранности и красоты пять кинжалов с навершиями в виде архара и лошади составили Каракольский II клад. Найден в 1966 г. в Пржевальске. Эти ценнейшие клады, кроме первых трех, хранятся в республиканском Историческом музее в г. Бишкеке. В последние годы найдено еще два клада эпохи бронзы (оба хранятся в Музее Института истории АН Республики Кыргызстан).
8. Шамшинский. О нем подробно будет рассказано ниже;
9. Туюкский. Из десяти предметов. Найден в с. Туюк Иссык-Атинского района в 1977 г.

Все эти девять кладов датируются финалом эпохи бронзы, т. е. XII–IX вв. до н. э.¹

Большинство кладов включали самые различные предметы, в основном оружие и орудия труда. Среди них вислообушные топоры, наконечники копий, долота, лопатки-кельты, серпы, тесла, кинжалы, ножи, рыболовные крючки. В землю скрывали и предметы туалета, например, бронзовые зеркала, заколки для волос и бритвы. Здесь же прятали различного типа бляшки с петлями и без них, кольца, шилья, слиточки металла и другие предметы.

¹ Кузьмина Е. Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // САИ, вып. № 84. М., 1966.

Набор вещей в кладах выглядит довольно однообразно. Такие клады могли принадлежать большой семье. Выделяются Сокулукский II и Каракольский II клады, содержащие только одинаковые предметы. Такие клады принято называть торговыми или ремесленными. Большое число орудий одного функционального назначения свидетельствует об их производстве для обмена. Какой была древняя торговля на самом деле, мы не знаем. Гомер повествовал, что медные доспехи героя Диомеда оценивались в девять быков, а золотые украшения богини Афины стоили стада в сто быков. Некоторое представление о торговле металлом в первобытном обществе дают этнографические материалы мореплавателей и миссионеров XVII–XIX вв. Так, Джеймс Кук писал, что на одном из островов Океании он за шестидюймовый гвоздь выменял свинью. Еще дороже ценились медь и бронза в Африке. Хороший крепкий раб стоил около 8 кг меди, за одно медное кольцо — «митаку» — отдавали красивую девушку. В 1719 г. некий Роберт Дрюк на побережье Западной Африки на медные кольца и ожерелья выменял 74 черных юношей и девушек, которых переправил в Америку и выгодно продал.

Мы вполне отдаем себе отчет, что приведенные выше сведения не вполне корректны. Они дают лишь самое общее представление о меновой стоимости кладов эпохи бронзы. Ясно только то, что для семьи, обитавшей в Чуйской долине или на Иссык-Куле примерно три тысячи лет тому назад, каждый из девяти известных нам кладов представлял весьма значительную ценность.

История Шамшинского клада

Что известно ученым о металлургии эпохи степной бронзы в Кыргызстане? Не так уж много. Химические анализы показали, что рудокопы добывали сырье на различных

месторождениях. Одно из них находилось на р. Узун-Ахмат (Кетмень-Тюбе), другое — в Чуйской долине. Уже в то время добывали и плавил медь, олово, мышьяк, свинец, сурьму, золото, серебро. Для добычи руды использовали каменные и бронзовые орудия. Некоторые орудия, судя по находке литейной формы, могли отливаться на месте. Пожалуй, и все.

Настоящей энциклопедией по истории древней металлургии Кыргызстана стал уникальный Шамшинский клад, историческое значение которого выходит далеко за пределы нашей республики.

Все началось с того, что колхозник Тынайбек Джапаров, житель с. Шамши Кочкорского района Нарынской области, копал арык на приусадебном участке. На глубине 30–40 см он наткнулся на предмет, покрытый ядовито-зеленым цветом окиси меди, Тынайбек-аке расширил яму и... сделал открытие самого богатого клада эпохи степной бронзы на территории СССР. Здесь компактной группой в прекрасной сохранности лежало 27 предметов из бронзы: два топора, молоток, два долота, два тесла, три серпа-косаря, копье, бритва, нож, четыре зеркала, четыре бляхи, два кольца, шило, рыболовный крючок, булавка с ажурным навершием, слиток металла. Тынайбек-аке показал находку местной учительнице истории Гульсун Бердалиевой. Кладу повезло, так как Гульсун в студенческие годы увлекалась археологией и знала, что к чему. Учительница сразу же сообщила о нем в Институт истории республиканской академии. Археолог И. Кожомбердиев выехал на место находки и установил, что там не было ни поселения, ни погребения, ни других следов деятельности человека. Значит — клад!

За него принялись всерьез — комплексно, с применением новейших археологических, химических и технологических методов исследования. Клад «допрашивали» ученые АН СССР, АН Кыргызстана и МГУ им. М. В. Ломоносова.

Среди них были археологи, металлографы, химики-аналитики, трассологи. И клад заговорил.

Он был отлит в XII–IX (VIII) вв. до н. э. на месте, так как в его составе есть бракованное долото (бракованные вещи не бывают предметами торговли). Набор вещей в кладе по своей форме специфичен для Кыргызстана, Семиречья, Восточного, Северного и Центрального Казахстана, Алтая. Эти территории, по мнению археологов, входили в единую металлургическую провинцию. Несколько иную картину дают результаты технологического исследования. По своему химическому составу металл изделий Шамшинского клада резко отличен от металла Восточного и Северного Казахстана, но зато очень близок к металлу Урала, части Поволжья и Подонья, а также Семиречья. Состав их настолько близок, что это позволило высказать предположение об использовании руды геохимически родственных месторождений. Однако этот неожиданный для историков вывод требует самой тщательной проверки.

Древние металлурги Кочкорки использовали для литья оловянистую бронзу. Очень редко в дело шла бронза с примесью мышьяка и свинца. Количество олова в сплаве достигало 8%, что очень близко к идеальному (10%) соотношению меди и олова. Медную и оловянную основу бронзы плавляли отдельно, а позднее, уже при отливке конкретного предмета, добавляли в медь то или иное количество олова. Мастера заметили, что повышенное содержание олова в сплаве делает металл твердым, но хрупким, уменьшенное — пластичным, но мягким. Тогда мастера при изготовлении орудий ударного действия, нуждающихся в твердости (топор, молоток и т. д.), добавляли от 6,5% до 7,5% олова. В металл для серпов-косарей, постоянно нуждающихся в заточке, т. е. необходима была повышенная пластичность металла, олова добавляли всего 1,7–5%. Для отливки орудий, имевших большую длину и тонкое сечение (копья,

серпы, бритвы), нужны были жидкотекучие сплавы, способные заполнить самые тонкие части формы. И здесь мастера нашли выход: в оловянную бронзу они добавили 1,7% свинца, что сделало сплав текучим.

Предметы отливали как в формах длительного пользования, например, каменных, так и в разовой формовке — в специальном грунте по восковой модели. Этим способом была отлита булавка с ажурным навершием. Формы были открытые, двухсоставные, реже — трехсоставные. В трехсоставной форме была изготовлена бляшка со шпеньком. Формы, судя по остаткам литников, располагались как в горизонтальном положении, так и в вертикальном. При изготовлении предметов с проушинами или полыми втулками (топоры, кельты) применялись литейные штыри из огнеупорных составов.

Литье превалировало над ковкой. Из 27 предметов Шамшинского клада только три выполнены кузнечным способом. Однако поковка входила в технологию изготовления литых изделий.

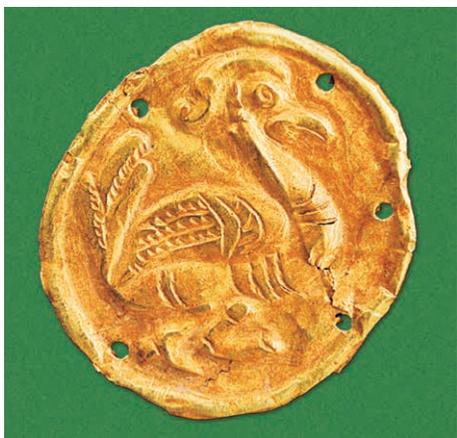
Кузнечной доработке предшествовал отжиг отливок при температуре 700—800°. Он был необходим для придания металлу пластичности, если в его состав входило свыше 6% олова. Кузнечная доработка изделий велась не только с целью устранения дефектов литья, но и для придания предмету формы. Ковали в основном горячий металл. Иногда чрезмерная горячая ковка была во вред и сильно снижала качество изделий, так как появлялись трещины краснеломкости, что значительно снижало механические свойства металла. Этот порок отмечен на семи шамшинских находках. И если трещины краснеломкости были не страшны при изготовлении зеркал или бляшек, то наличие их на топоре, серпе, бритве или тесле было явно нежелательно, так как при активном использовании орудия легко ломались.

**Серьги. Золото. VI–IV вв. до н. э.
Кетмень-Тюбе**

**Фигурка петуха. Золото. VI–IV вв. до н. э.
Кетмень-Тюбе**

**Бляшки. Золото. VI–IV вв. до н. э.
Кетмень-Тюбе**

**Бляха. Бронза.
VI–IV вв. до н. э.
Кетмень-Тюбе**

**Вихревая розетка из фольги.
Золото. V–III вв. до н. э.
Кетмень-Тюбе**

**Жертвенный столик. Бронза. V–III вв. до н.э.
Иссык-кульская котловина**

**Джейранчик. Золото. III–I вв. до н.э.
Иссык-кульская котловина**

**Фигурка лежащего бычка. Бронза. V–III вв. до н. э.
Иссык-кульская котловина**

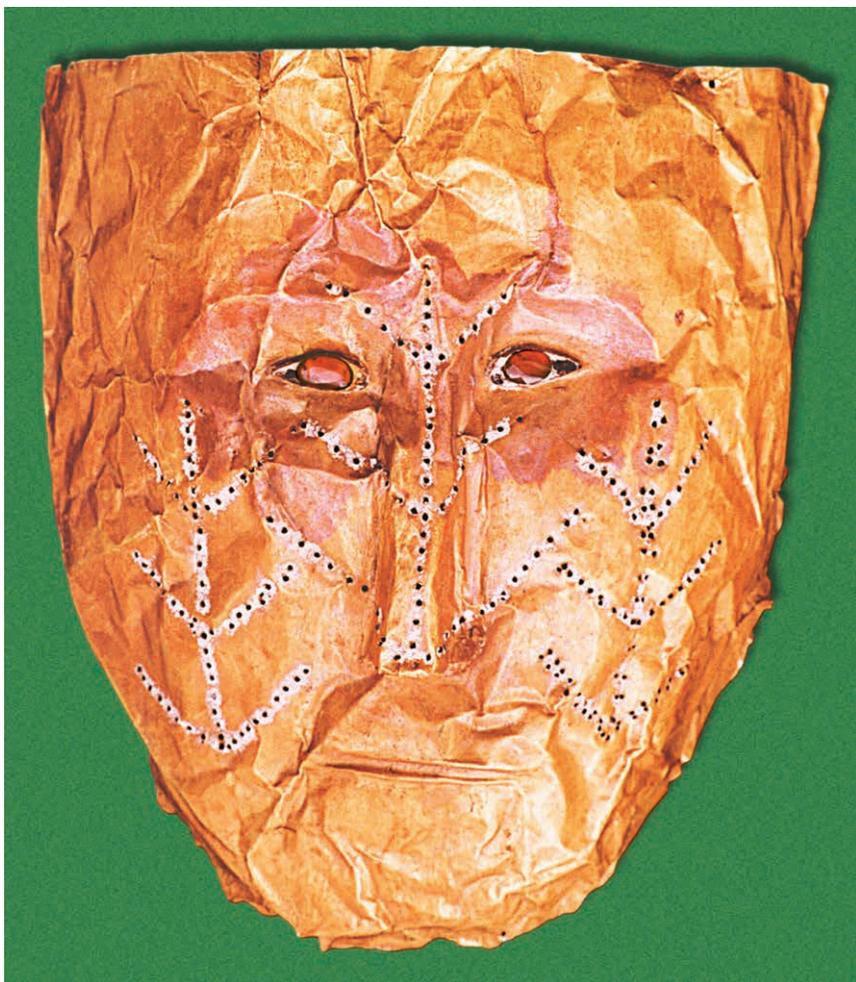
**Фрагмент удила в виде головы горного козла.
V–IV вв. до н. э. Иссык-кульская котловина**

**Кружка. Золото. IV–VI вв.
Шамси. Чуйская долина**

**Диадема. Золото. IV–VI вв.
Шамси. Чуйская долина**

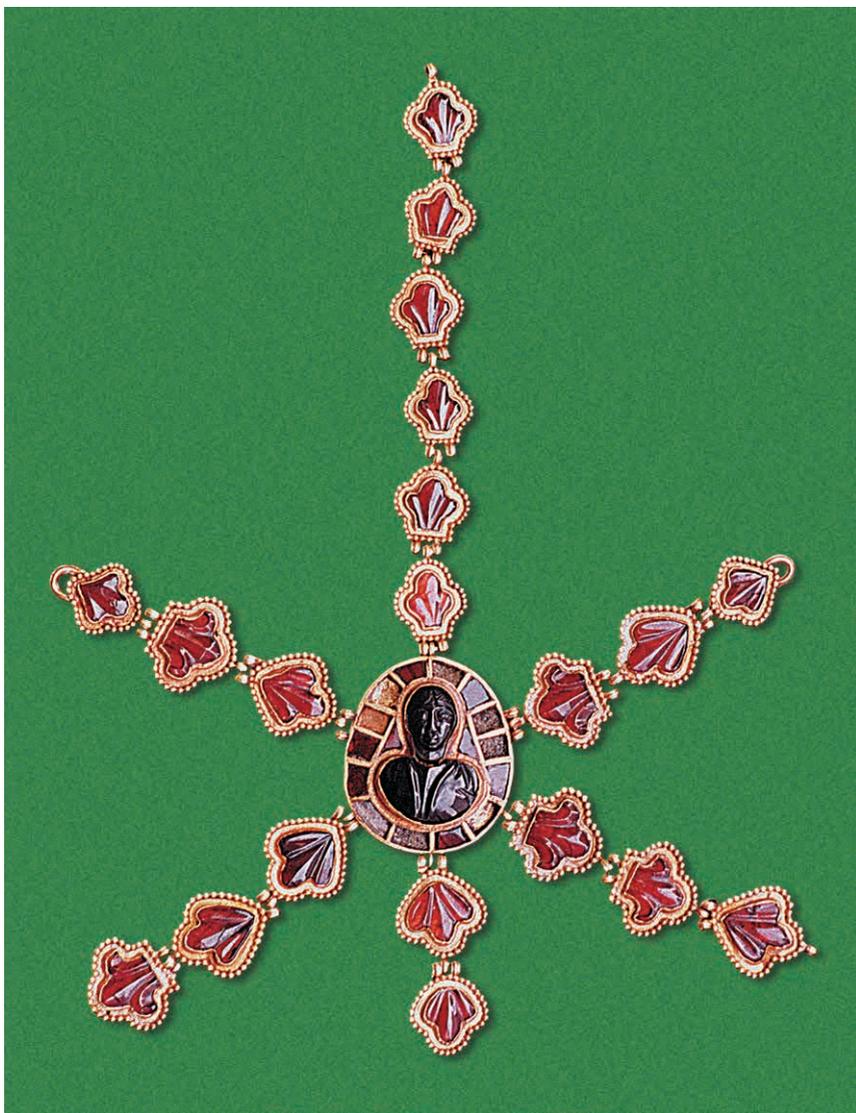
**Маска. Золото, сердолик. IV–VI вв.
Шамси. Чуйская долина**

**Накошные подвески. Золото. IV–VI вв.
Шамси. Чуйская долина**

**Височные украшения. Золото. IV–VI вв.
Шамси. Чуйская долина**

Медальон. Золото, янтарь, гранат. IV–VI вв.
Шамси. Чуйская долина

Как видим, для кочкорских мастеров характерны высокая культура отливки и наряду с этим удручающая беспомощность при доведении полуфабриката до качественной кондиции. Чем это можно объяснить?

Ученые не раз наблюдали подобный технологический нонсенс в других регионах Европы и Азии. Они пришли к выводу, что подобная диспропорция в навыках и мастерстве объясняется устойчивыми технологическими традициями в обработке сплавов металла привычного состава в пределах одного производственного очага (района). Кочкорские мастера XII—IX вв. до н. э. имели дело с оловянистыми бронзами, которым горячая поковка шла только на пользу. Когда же они перешли к обработке нового по химическому составу металла, в частности с повышенным содержанием висмута (до 0,15%), то упрямо продолжали применять старую, проверенную на опыте поколений технологию. Этот консерватизм оборачивался браком и мастера вынуждены были искать новый набор производственных операций, пока долгим и трудным путем эксперимента не находили оптимального решения применительно к новому металлу.

Однако то, что было плохо для мастеров эпохи бронзы, оказалось весьма ценной находкой для историков древнего Кыргызстана: ученые-археологи давно выдвинули предположение о существовании обособленного северокиргызстанского производственного металлургического очага эпохи бронзы. Технологические исследования клада из Шамши убедительно подтвердили эту гипотезу.

Шамшинские кузнецы искали новые пути работы без брака. Кузнечной ковкой без предварительного литья были сделаны только нож, шило и рыболовный крючок. Рыболовный крючок ковался в холодную. В металле последнего отмечено повышенное содержание свинца, но полностью в результатековки холодного металла отсутствует порог

⁴ Том V. В. М. Плоских

красноломкости. Возможно, в ходе практических поисков мастера начали «нащупывать» новую технологию обработки новых сплавов.

Трассология помогла установить функциональное назначение некоторых орудий труда. Исследование рабочей части топора с гребнем показало, что его использовали при дроблении горных пород. Изделие, считавшееся археологами долотом, на самом деле, скорее всего, выполняло функции зубила¹.

Клад из Шамши поведал еще один исторический факт о жизни людей того времени. Дело в том, что подавляющее число предметов клада обычно для территории Кыргызстана, Семиречья, Казахстана и Алтая. Специалистов заинтересовали два необычных предмета: бритва и булавка с ажурным навершием. Бритва такого типа широко распространена в Причерноморье и крайне редко встречается в азиатской части страны. Ажурные булавки, как правило, находят в местах обитания земледельцев южных районов Средней Азии и Ирана. Принципиальная важность этих пока единичных находок состоит в том, что они документируют активные связи населения Северного Кыргызстана в эпоху бронзы с Причерноморьем и югом Средней Азии, возможно, даже с Ираном.

В целом Шамшинский клад, объединяющий изделия 20 типов, по своей ценности является эталоном при исследовании всех остальных кладов финального этапа андроновской культурной общности в СССР.

Все девять кладов эпохи бронзы в Кыргызстане свидетельствуют о том, что человек, сменивший каменные орудия труда на бронзовые, вступил на путь довольно быстрого

¹ *Кожомбердиев И., Кузьмина Е. Е.* Шамшинский клад эпохи поздней бронзы в Киргизии // СА. 1980. № 4; *Рындина Н. В., Дегтярева А. Д., Рузанова В. Д.* Результаты химико-технологического исследования находок из шамшинского клада // СА. 1980. № 4.

прогресса. Дело в том, что орудия из меди были гораздо более производительными и долговечными, чем орудия из кремня. Лезвие кремневого ножа по остроте своей не уступало лезвию бритвы, но через пару-другую секунд интенсивной работы оно выщербится и покроется заломами. Его можно выбросить. Преимущество лезвия ножа из меди — способность его не ломаться от той же работы, а только заминаться, «заваливаться». Его можно поточить и продолжать работу.

Ленинградский ученый С. А. Семенов с группой молодых археологов провел интересные эксперименты. Метод опытов — выполнение одной и той же работы сначала каменными, а затем медными орудиями. Цель — определить сравнительный коэффициент полезного действия тех и других. Результаты были весьма показательны. Рубка дерева толщиной 25 см каменным топором завершилась через 75 минут, а медным — через 25. Эффективность металлического топора по сравнению с каменным очевидна. При остругивании палки медный нож оказался в 6–7 раз производительнее каменного. Преимущества меди по сравнению с камнем наиболее ярко проявились при сверлении. Металл оказался эффективнее камня в 22 раза, а при использовании лучкового приспособления — даже в 46 раз!

Итак, высокий коэффициент полезного действия — основная причина победы металла.

Изучение памятников эпохи бронзы в Средней Азии, в том числе и кладов Кыргызстана, опровергло очень лестную для патриотических чувств кыргызстанцев, но неверную гипотезу Р. Форбеса. В своей книге, изданной в Лейдене в 1950 г., он предложил схему зарождения и распространения бронзовой металлургии в Европе и Азии. По его мнению, первичным центром, где человек освоил медь и ее сплавы, были территории Средней Азии, Памира, Тянь-Шаня и, возможно, Алтая. Отсюда навыки обработки меди распространились во все стороны света. К сожалению,

историческая действительность была иной. Если в Малой Азии изделия из меди были известны уже в VII–VI тыс. до н. э., то на Тянь-Шане, Памире, Алтае они появились не раньше III тыс. до н. э. Это позже, чем в Иране, Месопотамии, Египте, Греции, но раньше, чем в Северной Европе, Англии, Индии, Китае¹.

В заключение следует отметить, что памятники эпохи бронзы в Кыргызстане изучены пока недостаточно. В их поисках ученым могут оказать неоценимую услугу краеведы, школьные историко-археологические кружки, туристские клубы, население. Изучение этих памятников поможет в исследовании истоков кочевничества, так как, по мнению специалистов, кочевники-саки являлись потомками скотоводов эпохи бронзы.

¹ Черных Е. Н. Металл — человек — время. М., 1972. С. 31–32, 110–111.

ТОЛЬКО В СЕМИРЕЧЬЕ

*Слышу, слышу ровный стук
Неподкованных копыт*

Анна Ахматова

В VII—III вв. до н. э. на громадных степных просторах Евразии — от Дуная до Енисея и Восточного Туркестана — кочевали со своими стадами родственные народы, которые стали основоположниками степной цивилизации, оригинальной культуры, отличной от культуры земледельческих народов. Греки называли их скифами, а персы — саками. Саки были древними обитателями гор и долин Тянь-Шаня. Об этом свидетельствуют не только наскальные рисунки и отдельные случайные находки, но и клады.

Всего на территории Республики Кыргызстан известно девять кладов, схороненных саками. Характерно, что пять из них найдены на побережье Иссык-Куля, а три — под его волнами. И лишь один клад саков обнаружен пока в Чуйской долине.

Сбруя сакского коня

Что может быть для кочевника дороже коня? Разве что престарелые родители да дети. Конь платил всаднику полной взаимностью и не раз выручал его из самых тяжелых передрыг при жизни, а иногда даже и мстил врагам после смерти хозяина. Так, еще Плиний Младший писал со слов очевидца: «Скифская конница славится своими конями; рассказывают, что когда один царек, сражавшийся по вызову с врагом, был убит и победитель приблизился снять с него доспехи, то был убит конем побежденного, посредством ударов копыт и кусанья»¹.

¹ Ковалевская В. Б. Конь и всадник. М., 1977. С. 3.

Как же не любить столь преданного друга? Полное единство коня и всадника заметили еще древние. В мифах многих земледельческих народов есть странные персонажи с торсом человека и крупом коня. Греки называли их кентаврами. Они олицетворяли кочевников. Если конь был сгустком крепких «мышц», то всадник — направляющим его «мозгом». Своеобразным «нервом», передающим команды «мозга» «мышцам», была узда.

В Республике Кыргызстан найдено три клада, содержащих предметы, относящиеся к сбруе коня древнего кочевника. Все они были отлиты из бронзы.

Тюпский. Найден в окрестностях с. Преображенское (ныне с. Тюп) еще в конце XIX в. Состоял из стремявидных удил, пары псалиев, круглой налобной бляхи, ворворок и накладных блях, украшающих ремни. Клад, таким образом, являлся полным набором металлических частей уздечки VII—VI вв. до н. э. По этим частям можно восстановить всю конструкцию уздечки. Кроме того, клад представляет искусствоведческую ценность. Многие бляхи украшены изображениями зверей в раннескифском стиле¹. Клад хранится в Государственном историческом музее (г. Москва).

Барскоонский¹. Состоит из двух массивных круглых блях. Они были отлиты в одной форме. Бляхи служили для перекрестного крепления ремней сбруи коня.

Клад является бесценным для истории искусства Кыргызстана: каждая бляха представляет собой высокохудожественное изображение пантеры, свернувшейся в кольцо. Это самый древний сюжет (VIII—VII вв. до н. э.) в искусстве древних кочевников, известный по находкам на громадной территории от Тувы до Причерноморья.

¹ *Бернштам А. Н.* Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня // СА. 1949.

Клад найден в окрестностях с. Барскоон на южном побережье озера Иссык-Куль и передан археологу Д. Ф. Виннику. Хранится в республиканском Историческом музее.

Ново-Павловский. Состоит из стремявидных удил и псалий, отлитых вместе, а также двух подпружных пряжек. Все три предмета являются произведениями искусства: концы псалий украшены головками лошадей с козлиными рогами, на подпружных бляхах изображены лежащие львы.

Клад является прекрасным документом о ранних связях Кыргызстана с древними Ираном и Передней Азией. Именно там в VII—VI вв. до н. э. была широко распространена узда с цельнолитыми удилами и псалиями. Они очень редко встречаются в азиатских степях. На территории Казахстана два экземпляра таких удил были найдены в могильниках Уйарак и Тагискен, третий — в Чуйской долине.

Клад был найден в с. Ново-Павловка, которое находится в пригороде Бишкека. Хранится в республиканском Историческом музее.

В самом ужасном для нашего народа 1937 г. в периодике Кыргызстана вперемежку с сообщениями об успехах колхозов и с призывами «размозжить собачьи головы», можно было прочесть заметки, которые работали на будущее, в том числе на развитие нашей исторической науки. Вот одна из них, опубликованная в газете «Советская Киргизия»:

«Археологическая находка»

«Сазановка (от нашего спец. корр.). На днях рабочие фермы конесовхоза в Семеновском ущелье, где они копали глину для дувала, наткнулись в земле на несколько тяжелых металлических предметов.

Раскопав землю, они нашли 2 стола, 2 больших котла, два предмета, похожих на жертвенники, с литыми фигурами по краям, светильник, скульптуру быка и пр. Все

эти предметы отлиты из красной меди и весят не меньше центнера.

Рабочие сперва подумали, что их находки из золота, и разломали котел и другие предметы. Благодаря вмешательству работников НКВД все же удалось спасти историческую находку от дальнейшего разрушения. К какому веку предметы относятся, какому народу принадлежат, здесь определить не могут. Во всяком случае, предметы отлиты несколько столетий тому назад. Историко-археологическая комиссия должна заинтересоваться находкой и организовать дальнейшие поиски-раскопки в Семеновском ущелье. Возможно, что тут было какое-нибудь древнее поселение»¹.

Так был открыт самый именитый клад сакского времени в Кыргызстане. «Именитым» мы его называем по трем причинам: клад содержал уникальный комплект древностей; он сразу же попал в руки выдающихся специалистов; в настоящее время клад экспонируется в Государственном Эрмитаже (г. Ленинград) и с произведениями древних исык-кульских мастеров имеют возможность познакомиться представители почти всех народов мира.

Находки были изданы Б. М. Зимой, а затем А. Н. Бернштамом и вошли в науку под названием «иссык-кульские жертвенники»². Ученые уточнили место, где был зарыт клад, — 4 км к северу от с. Семеновка у слияния рек Кок-Добе и Малая Ак-Суу. В 1949 г. возле места находки были заложены шурфы, которые вскрыли толстый слой пепла. Рядом находились курганы сакского времени. По мнению А. Н. Бернштама, на площадке у обломков скал, где был найден пепел, находилось жертвенное место, связанное с погребальным обрядом, аксессуарными жертвоприноше-

¹ Сов. Киргизия. 1937. 21 авг.

² Зима Б. Исык-кульские жертвенники. Фрунзе, 1941. Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. № 28. М.; Л., 1952. С. 40–50.

ний были бронзовые предметы, найденные рабочими конезавода.

Б. М. Зима после тщательного опроса рабочих сумел полностью восстановить место каждого предмета в кладе. Сначала на глубине 1,5 м лежали два казана. Один из них был опрокинут вверх дном и накрывал два светильника. (К сожалению, рабочие разрубили один казан на две части). Под казанами крышкой на крышке лежали два стола с приподнятыми бортами (в виде подноса). Каждый из них опирался на четыре ножки. Замечательной работы художественного литья были оба светильника. Бортики одного из них украшены фигурками тринадцати барсов (или львиц?) в торжественном шествии по кругу. На бортике второго светильника сохранились две одинаковые группы: горный козел вступил в ожесточенную борьбу с тигром.

Какую же историческую информацию содержат найденные вещи? Б. М. Зима и А. Н. Бернштам единодушно решили, что жертвенники использовались зороастрийцами, многие обряды которых были связаны с поклонением огню. (А. Н. Бернштам употреблял термин «шаманистско-зороастрийский культ»)¹. В настоящее время возможно сделать некоторые конкретизации. Следует обратить внимание на композицию, изображающую борьбу горного козла с тигром. Подобные сцены нередки в сакском искусстве, где хищник (лев, тигр, волк, пантера) терзает травоядное животное (коня, оленя, лань, верблюда). Казалось странным, «что саки, чьим тотемом (зверем-прародителем) был олень, любовались кровавым пиршеством, в котором жертвой часто был тот же олень. Разгадка сцен терзания нашла неожиданную и вполне правдоподобную аргументацию.

¹ *Зороастризм* — религия, основанная пророком Зороастрой в VII в. до н. э., который проповедовал в Восточном Иране и, возможно, в Хорезме и среди кочевников-саков. Согласно зороастризму, в мире борются два начала — добро и зло. Добро олицетворял бог Ахурамазда, а зло — Анхра-Майнью.

Дело в том, как установила Е. Е. Кузьмина, что в Иране подобные изображения имели астрономический подтекст. Ежегодно созвездия Быка (Плеяды) и Оленя (Кассиопея) на небосводе сменяются созвездием Льва... Такая смена происходит в самом начале весенних полевых работ и совпадает с Ноорузом — Новым Годом солнечного календаря. То есть, как представляли древние, весна вступает в свои права только тогда, когда Лев победит Быка и Оленя. Следовательно, изображение их борьбы воспринималось всего лишь как новогодняя символика, вроде современного Деда Мороза и Снегурочки. Видимо, саки Тянь-Шаня не всегда буквально трактовали переднеазиатскую мифологию: льва они заменили более знакомым тигром, а быка или оленя — горным козлом (теке).

Таким образом, можно предполагать, что иссык-кульские жертвенники были как-то связаны не только с культом огня, но и с культом Нооруза. Если это верно, то Нооруз сейчас является самым древним из ныне почитаемых праздников на Тянь-Шане: ему уже (а иссык-кульские жертвенники датируются V—III вв. до н. э.) не менее 2300 лет.

Замечательный жертвенный комплекс недолго находился в Кыргызстане. Вскоре он оказался в Эрмитаже. Как это произошло, рассказал нам Б. М. Зима еще в студенческие времена. Находки из Кырчына сразу же поступили в Кыргызский педагогический институт в г. Фрунзе. Их увидел ленинградский ученый А. Н. Бернштам и хотел взять с собой для изучения и публикации. Этому Б. М. Зима, конечно, воспротивился, так как уже самостоятельно подготовил брошюру с описанием и интерпретацией всего комплекса жертвенников. Однако подобное препятствие не было непреодолимым для Александра Натановича. Он отправился к высокому начальству и предложил обменять жертвенники на солидную библиотеку по истории, подобранную из дубликатов богатейшего эрмитажного собрания книг. Начальство с радостью согласилось, так как преподаватели и студенты

Кыргызского пединститута буквально страдали из-за отсутствия специальной литературы. А. Н. Бернштам, как всегда, выполнил свое обещание, и жертвенники уехали в Ленинград. Во Фрунзе остался лишь бронзовый котел, разбитый на две части (который со временем бесследно исчез).

Вот и не знаешь, радоваться или огорчаться, когда редчайшая исык-кульская находка украшает экспозицию не нашего республиканского музея, а Эрмитажа. Хотелось бы, конечно, видеть весь комплекс в Кыргызстане, но, с другой стороны, беспокоит вопрос, а не постигла бы клад, останься он в пединституте, судьба разломанного котла? Недавно в архиве АН Республики Кыргызстан мы отыскивали любопытный документ, связанный с находкой исык-кульских жертвенников, он исходит от одного из непосредственных участников событий, называет точную дату находки клада и ряд фамилий¹. Вот этот документ:

Город Фрунзе, Археологическая партия.
Копия прокурору республики Кир ССР.

От гражданина Васильева Василия Петровича, проживающего в селении Семеновка — того же с/с, Исык-Кульский район.

Заявление

Прошу Вас разобрать мое дело по вопросу вознаграждения меня за мою находку медных вещей. При этом сообщаем Вам некоторые сведения о данной находке:

В 1937 г. 21 июня нами, т. е. 3 братьями Васильевыми, производились земляные работы в местности «Кирчи» в Семеновской щели, примерное расстояние от села Семеновки 8 километров.

¹ Отдел рукописей и публикаций АН Республики Кыргызстан. Ф. 4. Оп. 1. Ед. Хр. 75. Л. 5–6.

При производстве работ нами были обнаружены медные вещи, а именно: 2 медных котла, 2 медных стола, 2 медных подсвечника, 1 статуэтка — модель коровы. Вышеперечисленные предметы были сданы того же числа ответственному дежурному РОМ НКВД тов. Щелокову Иссык-Кульского района. О чем имеется расписка о сдаче указанных предметов (копия расписки при сем прилагается).

Я, гражданин Васильев, обратился 11.II.1938 г. по данному вопросу [в] Иссык-Кульский район НКВД [к] начальнику тов. Малиеву, но последний мне заявил, «что вещи направлены в город Фрунзе, и у меня средств на вознаграждение за вашу находку не имеется». После чего я вынужден был обратиться к прокурору Иссык-Кульского района с жалобой по данному вопросу. Последний мне ответил 9.III. с. г., что таковые вещи отправлены в город Фрунзе в Археологическую партию, о чем имеется отношение прокурора от 9.III с. г. за № 419 (данное отношение к сему прилагается). Первое отношение от 19.II. с. г. за № 471 к сему прилагается.

...прошу Вас немедленно ускорить ответ по данному вопросу по адресу вышеуказанному.

К сему проситель (подпись) Васильев.

18.III.1938 г.»

Нам неизвестно, получили ли братья Васильевы причитающееся им вознаграждение за находку уникального клада. Если честно, то они его не заслужили. Братья думали, что нашли золото и начали сами урывать «свое». Они отломали и припрятали следующие предметы: десять композиций, изображающих борьбу горного козла с тигром, три фигурки зебувидного быка, четыре фигурки неизвестных(!) нам изображений, украшавших второй стол, от одного из столов отломали три ножки и две ручки, а один из котлов, как уже упоминалось, разрубили на части. Тут впору ожидать не вознаграждения, а встречного иска за варварство

и утаивание составных частей клада. Но суть не в делах «давно минувших дней».

Возможно, сейчас остался в живых кто-то из трех братьев Васильевых, либо работники правоохранительных органов Малиев и Щелоков. Возможно, остались их родственники, у которых бесполезно валяются где-либо бесценные для науки части самого именитого сакского клада из Кырчына. У кыргызских ученых к ним большая просьба: вернуть не нужные в быту и так необходимые науке замечательные изделия древних мастеров Кыргызстана.

Прииссыккулье богато сюрпризами. Кто бы мог подумать, что там же будет найден еще один жертвенный комплекс древних кочевников? Однако факты — вещь упрямая.

В августе 1976 г. молодые люди из с. Чельпек, расположенного в 8 км южнее Пржевальска, в обрыве оврага у села случайно обнаружили комплекс бронзовых предметов. Обстоятельства находки и порядок взаиморасположения предметов клада выяснил археолог Д. Ф. Винник. «На глубине 1,5 м находился стол, на нем лежали фигурки женщин, боковины котлов и мелкие обломки железного (чугунного) котла. Все эти вещи были перекрыты культурным слоем, состоящим из глины с примесью золы. Рядом со столом обнаружены следы костра, фрагменты лепной керамики, железного котла и кости барана»¹.

Клад этот куда менее именит, чем Кырчинский, поэтому требует более подробного описания. Массивный бронзовый стол, вес около 50 кг. Четырехугольный, асимметричный. Размеры его по внешнему краю 82×81×78×75 см. Борта столешницы приподняты на 6 см и отогнуты наружу, образуют широкий (4,5 см) бордюр. К бортам с двух противоположных сторон прикреплены ручки. Стол имел четыре

¹ Винник Д. Ф. Клад из Чельпека // По следам памятников истории и культуры Кыргызстана. Фрунзе, 1982. С. 27.

ножки в виде фигурок женщин. Сохранились только две из них, отлитые по одной модели. Женщина стоит с поднятыми вверх руками (поза кариатиды). Лицо напоминает застывшую маску, широко расставленные незрячие глаза, разрез их монгольский. Большой нос приплюснут, маленький рот передан узкой чертой. Лоб женщины стянут обручем (диадемой), у запястий обнаженных рук — по браслету разной ширины. Короткая безрукавка с мысиками-разрезами по бокам украшена нашивной полосой, идущей от шеи к поясу. Полоса украшена рисунком в елочку углом вверх. Юбка со складками, перевитыми вправо, слегка расширяется книзу и полностью закрывает ступни ног. Скульптор грубо нарушил пропорции: нижняя часть тела слишком коротка, голова чрезмерно массивна. Высота фигурки 22 см.

На одном из трех фрагментов котлов сохранились две фигурки зебувидных быков отличной художественной работы. Животные, подогнув ноги, лежат друг за другом. Головы с куцыми рогами повернуты анфас. Длина фигурок 7 см, высота 4 см.

Бронзовая литая коленчатая ножка от котла, украшенная рельефными концентрическими полукругами. Окончание её оформлено в виде ступни животного. Высота ножки 32 см.

Весь комплекс находок датирован III—I вв. до н. э.

Любопытно, что Чельпекский клад, как и Кырчынский, не удержался на своем первоначальном музейном месте. Чельпекские юноши, как рассказала нам директор Пржевальского краеведческого музея, привезли находки к ней и тоже хотели получить какое-то вознаграждение. Милые и интеллигентные музейные дамы, сославшись на бедность Министерства культуры, легко уговорили их передать клад безвозмездно. Однако недолго длилась радость по поводу обретения новых ценных экспонатов. Едва сотрудники закончили опись и регистрацию Чельпекского клада, как в тихие залы музея ворвалась толпа разгневанных

мужчин, схватили находки, погрузили их в машину, а затем с гиком и лихим посвистом укатали... Нет, погони не было, так как скромные музейные дамы не обратились в милицию. Они хорошо знали, с кем имели дело. Это были сотрудники археологического отряда АН Кыргызстана. Сотрудники, конечно, не присвоили находки. Они сдали все до единой вещички в Исторический музей г. Фрунзе, но всё же... Разительное отличие от методов А. Н. Бернштама по изъятию кладов!

Сотрудницы Пржевальского музея, правда, получили маленькое удовлетворение: бронзовая коленчатая ножка от котла не была схвачена разгневанными мужчинами, так как лежала отдельно от основной группы вещей.

Таким образом, и Кырчынский, и Чельпекский клады оказались разрозненными. При передислокации с одного места на другое по одной вещичке из них осталось на месте их первоначального местонахождения. Сходство между этими кладами, конечно, не в случайных перипетиях. Оно гораздо глубже: и тот, и другой найдены рядом с древнеочевническими курганами, в составе того и другого — столы, котлы и даже фигурки зебувидных быков. Все это позволяет заключить, что предметы из Кырчынского и Чельпекского кладов являются реликвиями одного и того же культа.

Если по кырчынской композиции борьбы горного козла и тигра можно говорить о том, что иссык-кульские жертвенники могут быть как-то связаны с празднованием Нооруза, то чельпекские кариатиды дают возможность сделать еще одно предположение, позволяющее высказать некоторые соображения относительно функций женского божества саков Тянь-Шаня.

Во всей полосе степей в скифо-сакское время женский образ модифицировался как богиня Дева, она же «змееногая» богиня скифов или Табити-Гестия. Довольно близка поза чельпекских фигурок с изображением женского божества из Чертомлыка. В обоих случаях руки подняты,

на запястьях — браслеты. Женский образ в скифо-сакском изобразительном искусстве связывают с идеей Великой богини — матери всего сущего. Она в представлении древних кочевников являлась покровительницей плодородия. В свою очередь Табити-Гестия, по понятиям скифов, была еще и божеством очага, особенно царского, а в более расширительном плане — богиней жертвенного огня и богиней огня вообще¹. Нам неизвестно, как саки Прииссыккуля называли богиню огня. Важно то, что, как показали чельпекские фигурки, служившие опорой жертвеннику, они, подобно своим собратьям в Причерноморье, связывали с жертвенным огнем тоже женское божество.

И последнее. Отдельные части сакских жертвенных комплексов кроме Прииссыккуля находили еще только близ Алма-Аты и у Нарына. В других местах громадного мира саков подобные находки неизвестны. Это позволяет сделать вывод, что комплекс из жертвенного стола, светильника и котла характерен только для культа саков Семиречья и Тянь-Шаня.

Клады на дне озера Иссык-Куль. Во времена древних кочевников (1 тыс. до н. э.) зеркало озера было намного меньше, чем в наши дни. Там, где сейчас плещутся волны, люди сажали деревья, строили селения, насыпали высокие курганы, прокладывали дороги. Позже озеро стало наполняться, выходить из берегов и затопило следы деятельности человека. Теперь после шторма на побережье Иссык-Куля находят выброшенные волнами древние изделия, а рыбаки и археологи не раз натыкались на них и под водой².

В начале 50-х годов жители с. Каменка (ныне с. Жаркынбаев) ловили сетями знаменитого иссык-кульского

¹ Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977, С. 87–109.

² О причинах колебания уровня озера см.: Мокрыгин В. П., Плоских В. М. Иссык-Куль: затонувшие города. Фрунзе, 1988. С. 159–164.

чебачка. Сети ставили всего в 30–40 м от берега, где глубина едва достигала трех метров. Вдруг сеть за что-то зацепилась. Один из рыбаков нырнул и обнаружил на дне глубоко погруженный в ил предмет, похожий на круглый «металлический щит» (скорее всего, это был венчик большого котла). Извлечь котел из плотных донных отложений не удалось, зато внутри из заполняющего его ила были извлечены восемь предметов: четыре комплекта кольчатых удил, наконечник копья со втулкой, долотовидный инструмент с ушком и втулкой, дисковидное зеркало и кинжал с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием. Лезвие кинжала было обломано еще в древности и утеряно. Все предметы были отлиты из бронзы и не представляли ценности для рыбаков. Тем не менее клад был бережно собран и хранился в семье одного из рыбаков Павла Арефьева. В 1954 г. через с. Каменка проезжал ныне известный археолог, а тогда еще молодой научный сотрудник Кыргызской археолого-этнографической экспедиции Л. Р. Кызласов. П. Арефьев передал ему все найденные бронзовые предметы Каменского клада и рассказал об условиях его находки.

Л. Р. Кызласов опубликовал клад и датировал его V в. до н. э.¹ Возможно, он является более древним и относится к VI–V вв. до н. э. В настоящее время все восемь предметов Каменского клада хранятся в Музее кафедры археологии Московского государственного университета.

В 1982 г. нам в руки попал еще один «подводный» клад. Нашел его колхозник из с. Дархан Джеты-Огузского района ветеран войны Тойтобай Маалиев. Он ловил рыбу с лодки в затоне у родного села метрах в 20–25 от берега. Прозрачна вода Иссык-Куля. Видны мелкие камешки даже

¹ *Кызласов Л. Р.* Сакская коллекция с Иссык-Куля // Новое в археологии: Сб. статей, посвященных 70-летию Артемия Владимировича Арциховского / Изд. МГУ, 1972. С. 102–107.

⁵ Том В. В. М. Плоских

на большой глубине. А тут всего метра полтора. Поэтому Тойтобай-ака легко заметил на дне полуприкрытые песком компактно лежащие странные предметы. Спрыгнул в воду и достал два кинжала, котелок, крупный обломок боковины большого котла. Все вещи были бронзовыми. Удачливого рыбака охватила «золотая лихорадка». Только дома, подпилив кое-где напильником и постучав слегка зубилом, Т. Маалиев убедился, что найденные предметы не золотые. Спасибо аксакалу, что не выбросил бронзовый лом, а сберег и передал в распоряжение ученых¹.

Обратимся к составу Дарханского клада. Сразу бросается в глаза, что все вещи без исключения повреждены еще в древности. У одного кинжала была отломана часть лезвия, зато полностью сохранились фигурное навершие, бабочковидное перекрестие, рукоять с тремя продольными гофрами с обеих сторон. Этот кинжал отличается своим художественным навершием в виде двух голов горного козла с крутыми рогами. Длина сохранившейся части кинжала 161 мм, причем только 37 мм приходится на ромбическое в сечении обоюдоострое лезвие. Ширина рукояти 18 мм, клинка у основания — 25 мм, навершия — 44 мм.

Второй кинжал похож на первый, только навершие его — простой поперечный брусок. Длина рукояти 110 мм при ширине 18 мм, ширина навершия — 48, перекрестия — 58, лезвия — 20 мм.

Котелок со сферическим корпусом и массивными стенками. Под венчиком котелка сохранился носик-слив, как у современного чайника. Ручка не сохранилась. На ее месте под углом 90° от носика в стенке котелка зияло рваное отверстие.

Клад можно отнести к VI—V вв. до н. э. Он пополнил сразу на две единицы небольшую коллекцию оружия саков,

¹ Мокрынин В. П., Плоских В. М. Иссык-Куль: затонувшие города. С. 20—22.

собранную Кыргызстане, кроме того, подарил историкам древнего искусства оригинальный образец скифо-сибирского «звериного» стиля в тьянь-шаньском варианте.

Однако история Дарханского клада еще не закончена. Она получила неожиданное продолжение летом 1990 г. Преподаватель-историк из г. Фрунзе В. М. Блинов, заядлый аквалангист, вместе со школьниками исследовал дно озера Иссык-Куль севернее с. Дархан. Ребята нашли фрагменты средневековой керамики, которая украсила школьный музей. Но самым главным результатом их разведки можно считать приобретение у колхозника с. Дархан громадного бронзового котла на коническом поддоне и с двумя ручками под венчиком. Самое интересное, что он был найден под волнами того же затона и примерно в том же месте, где так удачно «рыбачил» Т. Маалиев. У нас нет полной уверенности, что этот котел входил в состав Дарханского клада, но и категорически отрицать это нет достаточных оснований. Дно Иссык-Куля очень изменчиво. Вчера ты видел только чистый песок, сегодня приоткрылась какая-либо находка, а завтра на том же месте — опять чистый песок. Нужно продолжить поиск.

В 1987 г. инструктор водолазов Пржевальской детской морской школы В. П. Савинов на дне озера близ с. Долинка нашел еще один кладик. Он состоял из тонкостенного небольшого котла со сферическим дном, заполненного слитками бронзы, и грибовидных заполнений отверстий литников, отбитых от массивных уже вынутых из формы предметов. Долинский клад неказист, здесь нет радующих глаз предметов художественного литья, но он бесценен для науки. Слитки бронзы и заполнения отверстий литников, через которые в формы заливают жидкий металл, являются ни чем иным, как отходами бронзолитейного производства. А это значит, что иссык-кульские кочевники сами отливали какую-то часть найденных здесь прекрасных изделий

из бронзы, в том числе такие массивные, как жертвенники и котлы¹.

В. П. Савинов передал Долинский клад в фонды Пржевальского краеведческого музея.

На наш взгляд, клад со дна озера Иссык-Куль близ Долинки помогает ответить еще на один вопрос: зачем нужно было зарывать клады бронзовых вещей? Ведь некоторые из них были изломаны и не могли иметь практического применения, другие были сильно изношены и стертые. Скорее всего, литейщики Прииссык-куля собирали старые и сломанные вещи из всегда ценной бронзы для переплавки и отливки новых предметов.

Клад мастера. Он был найден школьниками большого и старого кыргызского села Барскоон, что на южном побережье оз. Иссык-Куль. Название Барскоон (Барсхан) известно еще по арабским рукописям IX в. Где-то неподалеку родился известный тюркский ученый Махмуд Кашгари (XI в.). Скорее всего, отсюда вышел основатель династии Газневидов в Хорасане тюрк из племени барсхан коварный и смелый Себуктечин (X в.). Место знаменитое.

В 1967 г. в урочище Кок-Ой, расположенном юго-восточнее села, сносили древние курганы, чтобы посеять мешок-другой пшеницы. Привычно манипулируя рычагами мощной машины, бульдозерист без особого труда уничтожил то, что невозможно восстановить никогда. Эти погибшие археологические памятники, как теперь можно заключить, были возведены далекими предками бульдозериста, по крайней мере, не позже V в. до н. э. Курганы были современниками отца истории Геродота, им шла уже вторая сотня лет, когда начал свои походы Александр Македонский, с высоты своих 1800 лет взирали они на пришедшие

¹ Мокрынин С. В. Обработка металла в Прииссыккулье в I тыс. до н. э. // Проблемы археологии степной Евразии. — Кемерово, 1987. С. 84–85.

в движение орды «потрясателя вселенной» Чингисхана. Погибали государства, исчезали целые народы, а курганы стояли и ждали своего часа, когда с помощью специалистов-археологов им удастся поведать миру историю племен, их соорудивших.

К сожалению, рассказать ее не удалось. Но все же умирая, один из курганов приоткрыл тайну, доверенную ему 2500 лет тому назад. Не все равнодушно взирали на гибель древнего памятника. Учащиеся барскоонской средней школы во главе с учителями М. Узакбаевым и К. Ибраимовым попытались спасти возможное. Школьники начали раскопки одного из курганов. Довести работы до конца ребята, конечно, не сумели (это могут только археологи), тем не менее на их долю выпала редкая удача — открытие клада ремесленника сакского времени с набором как готовых изделий, так и отходов производства.

У очевидцев находки создалось впечатление, что все предметы лежали в насыпи кургана компактно, как бы завернутые в узелок из ткани, отпечатки которой прослеживались на некоторых изделиях, на глубине 50–70 см. Костей человека и животных замечено не было. Сейчас трудно установить действительное количество изделий и отходов производства, погребенных в кургане, так как часть из них разошлась по рукам; а частью и, пожалуй, наиболее важной — обрезками и обломками металла, — юные исследователи пренебрегли. Археологам школьники передали 112 хорошо сохранившихся фигурных бляшек и 16 единиц отходов производства.

Фигурные бляшки по форме и характеру изображения можно подразделить на три типа: зооморфные, геометрические и растительные.

Первые представлены тремя видами. Прежде всего это личина «улыбающегося» тигроподобного хищника между двумя вертикальными гофрированными рамками (25 штук целых и один фрагмент). Контуры губ, носа, глаз, ушей

и косых треугольников на щеках даны выпуклой линией, высоко поднятые изогнутые брови контррельефны. На каждой рамке по шесть гофр, крайние из них имеют отверстия для крепления.

Второй вид — личина «угрюмого» волкоподобного существа между двумя вертикальными рамками с шестью гофрами на каждой (19 штук). Линия рта отсутствует, нижний обрез проходит под крыльями широко раздвинутых ноздрей. Способ изображения черт личины и крепления идентичен описанному выше.

И, наконец, третий — личина кабана между двумя вертикальными рамками с восемью гофрами на каждой (2 штуки). По сторонам пяточка две пары клыков. Все черты личины рельефны. Крепилась бляшка при помощи сквозных отверстий на крайних гофрах. На одной из бляшек в правом верхнем углу пробито два отверстия рядом.

Геометрические бляшки по форме и орнаментике более разнообразны. Здесь имеются прямоугольные со сложным рельефным орнаментом из вытянутых вертикальных воллют и завитков, обрамленных по краям гофрами (6 штук). Не исключено, что перед нами вариант изображения широко известного мотива «дерева жизни».

Интересны зиккуратообразные бляшки с тремя ступеньками (16 штук), имеющие у основания шесть гофр.

Девятью экземплярами представлены бляшки с тремя острыми зубцами и девятью гофрами по основанию.

Более редки бляшки с тремя овальными вершинами и девятью гофрами по основанию (7 штук) и пикообразные с опущенными жальцами и обильным черешком (8 штук). Ребра покрыты гофрами, между которыми рельефом отсиснут ромб с расходящимися воллютами.

По форме аналогична последним бляшка меньших размеров, орнамент которой представляет собой рельефный контурный треугольник, боковые стороны которого переходят

в завитки, опирающиеся на овал. Найдено также гофрированное кольцо с двумя отверстиями для крепления.

Десять четырехугольных бляшек, обрамленных гофрами, отличаются по орнаментации. Так, имеются экземпляры (5 штук) с рельефной точкой в центре, с четырьмя расходящимися лучами (1 штука), раздваивающаяся рельефная прямая, идущая параллельно длинной стороне бляшки с точкой в центре (2 штуки). Две бляшки вообще лишены орнамента.

К группе с растительным сюжетом можно отнести два вида бляшек. Это прежде всего трилистник с вертикальными центральными и расходящимися в стороны боковыми лепестками (16 штук). Цветкообразная розетка с двенадцатью рельефными лепестками, расходящимися от круглой чашечки (1 штука). Вместе с бляшками, как уже упоминалось, найдены обломки (5 ед.) и обрезки (11 ед.) металла. Не исключено, что среди них не только фрагменты бытовых предметов, но и части вышедших из строя орудий труда. Особый интерес представляют обрезки металла. Толщина их соответствует толщине художественных бляшек. Есть среди обрезков и Тзаготовка для четырехугольной бляшки, которая, видимо, уже подвергалась штамповке, но потом опять была прокована. Имеется фрагмент пластины, из которой вырезана бляшка с тремя острыми зубцами, и часть пластины, послужившей для изготовления трилистника. Примечательно, что шесть из одиннадцати полученных нами обрезков сложены вдвое.

По условиям и составу находки можно заключить, что школьники обнаружили клад. Он был зарыт в насыпи кургана по всей вероятности в IV в. до н. э. Критерием для датировки явилось близкое сходство, достигающее до тождества, барскоонских бляшек с бляшками, «усыпавшими» одежды «золотого человека», найденного казахстанскими археологами в кургане «Иссык». По аналогии с «золотым

человеком» можно определить, какие части одежды украшали те или иные формы бляшек. Пикообразные нашивались на кафтан и голенища сапог, прямоугольные служили своеобразными лампасами на штанах, ими же оконтуривались голенища сапог; бляшки с изображением животных обрамляли полы кафтана. Такие одежды не мог носить ни рядовой пеший общинник, ни даже более богатый конный воин. Владелец таких украшений принадлежал к высшим слоям кочевого общества. Есть предположение, что погребенный в кургане «Иссык» принадлежал к царскому роду и одновременно был носителем жреческих функций. Сам факт наличия богатых одеяний в совокупности с громадными курганами, которые сородичи насыпали только некоторым из умерших, свидетельствует о далеко зашедшем социальном расслоении саков Тянь-Шаня. Анализ характера изображений на бляшках уводит нас в мир Авесты и зороастризма, с которыми, как представляется, были знакомы и саки Прииссыккуля.

Подробный анализ Барскоонского клада — дело будущего. Главная его особенность — не высокохудожественные бляшки и не их богатый ассортимент, хотя сами по себе они представляют интересный материал для суждений об идеологии и культурных связях саков. Ценность клада в обломках и обрезках металла, которые являются неоспоримым доказательством местного производства высокохудожественных изделий, поражающих своим совершенством и вошедших в науку под названием «скифо-сибирский звериный стиль».

Барскоонские находки конкретизируют круг вещей, которые можно считать не импортированными, а произведенными в степи. Таковы высокохудожественные бляшки, украшавшие одежды сакских владык. Анализ находок позволяет «приоткрыть дверь» в мастерскую кочевого ремесленника, где обязательно были наковальня и молоток, чтобы проковать куски меди или бронзы до толщины

бумажного листа. Барсханский ремесленник располагал набором прочных штампов. Их было не менее двенадцати. Большинство бляшек были сдвоены, а это значит, что одновременно изготовлялось два экземпляра украшений. Для этого на штамп накладывалось сразу два листа металла, либо один лист сгибался пополам. Такая технология не влияла на качество изображения, следовательно, штампы имели высокий рельеф и были изготовлены из тугоковкого металла. Вырубка отштампованного изделия из медной ленты производилась небольшим и очень острым зубильцем. Среди инструментов такого ремесленника должен быть набор молоточков и мягкие (войлочные, кожаные) прокладки.

Каждый из девяти известных нам кладов времени кочевников-саков, найденных на территории Кыргызстана, содержит колоссальную информацию о самых различных сторонах культурной и производственной жизни населения Кыргызстана в VI—III вв. до н. э. Полное исследование еще предстоит.

ЗОЛОТО НА ГОРОДСКОЙ СВАЛКЕ

В жизни каждого настоящего мальчишки наступает время, когда его обуревают неистовое желание найти зарытый клад.

Марк Твен

Обычно такое или подобное заглавие украшает газетные репортажи народных контролеров, возмущенных бесхозяйственным отношением к вторсырью, а иногда и просто к ценному сырью, которое выбрасывают на свалки нерадивые хозяйственники. Нисколько не сомневаясь в актуальности этой темы, мы расскажем о достоверном факте, когда на городской свалке г. Бишкека был найден внушительный клад древних изделий из золота самой высокой пробы. И сделали все это, как часто бывает, мальчишки.

На северо-восточной окраине столицы республики за обводной шоссе трассой расположена городская свалка. Раньше здесь были глиняные карьеры кирпичного завода. Городские власти решили их рекультивировать: засыпать уродливые каверны отходами производства и бытовым мусором, а затем перекрыть все почвенным слоем. До полного завершения работ еще далеко, поэтому некоторые участки карьера, заполненные талыми и подпочвенными водами, стали местом летнего «отдыха» для мальчишек из поселка «Красный строитель». Выгода двойная. И по свалке, где всегда полно нужных железок, побродишь и в холодной воде освежишься. Мешают только низко стелющийся едкий дым (на свалке постоянно что-то жгут) да густая пыль из-под колес постоянно подвозящих мусор машин.

В жаркий июльский день 1985 года в таком искусственном озерце с удовольствием бултыхались ребята, съезжая по глинистому крутому скату прямо в воду. Один из мальчишек вдруг вывернул из земли какую-то кость, рядом —

железный наконечник стрелы. Позвал остальных. До самого вечера любопытные ребята ковырялись в земле, откладывали одни предметы, бросали в воду другие. Наконец, это занятие им надоело, да и темнеть стало. Мальчишки собрали находки и отнесли их домой, но особого значения им не придали и положили их у ворот в чистом дворике своего дома. Хорошо, что рядом оказался знающий человек — дядя Олега и Виталика Дорофеевых, которые вместе с Андрюшей Малковым нашли и забавлялись диковинными штучками. С. Казанцев — старший инженер Института высоких температур АН СССР — интересовался историей и сразу понял научную ценность древних предметов. Собрав находки, он вместе с ребятами отвез их в республиканский Исторический музей.

На место находки тотчас выехали археологи Б. В. Помаскин, Л. Г. Ставская, Л. М. Ведутова¹. Всем было ясно, что ребята случайно наткнулись на богатое и неразграбленное древнее погребение. В сентябре того же года мы с Л. Г. Ставской и братьями Дорофеевыми еще раз осмотрели это место на городской свалке. Что же дал осмотр?

Захоронение было осуществлено в естественном глиняном холме, который внешне напоминает насыпь гигантского кургана. Южная часть холма выбрана экскаваторами, здесь-то и образовалось озерцо. Внешних признаков захоронения (насыпи, каменной выкладки) не было. Следов перекопа, т. е. следов могильной ямы, в срезе холма не наблюдалось. У самой поверхности воды на глубине около 3 м от восточной стороны поверхности холма располагался небольшой останец — дно могильной ямы. Здесь ребята нашли скелет, лежащий на спине, головой на север, и погребальный инвентарь. Но раз есть дно могильной ямы, то должны же быть и её следы в срезе холма. Их полное

¹ Вечерний Фрунзе. 1985. 6 июня.

отсутствие позволяет предполагать, что могильное сооружение здесь, скорее всего, было типа катакомбы или, что вероятнее, подбоя. В этом случае можно допустить, что впускная яма в подбой (или катакомбу) была уничтожена карьерными работами.

Подведем итоги. Захоронение, открытое мальчишками на северо-восточной окраине г. Бишкека, было не совсем обычным для этого региона. Странными были три обстоятельства: полное отсутствие надмогильной насыпи или других внешних признаков погребения; довольно значительная его глубина; совсем необычный инвентарь.

В Исторический музей поступил комплекс из сорока трех предметов из железа, кости, бронзы, серебра и золота.

Железными были наконечники стрел, фрагменты кинжала с кольцевидным навершием, ножи, фибула (застежка), скобы. Наконечники стрел — трехлопастные, лопасти под тупым углом срезаны к черешку. Подобные наконечники стрел появляются еще до II в. до н. э. Воевали ими долго. Такие же наконечники попадаются в колчанах средневековых кочевников¹. Мало что дают для точной датировки и кинжалы с кольцевыми навершиями. Они были особо популярны у сарматов в первых веках нашей эры. Однако кольцевые навершия мечей и кинжалов изображены и на каменных изваяниях Кыргызстана VII—VIII вв. Интерес вызывают железные скобы. Обычно такими скобами соединяли различные деревянные части гробов. Братья Дорофеевы подтвердили нашу догадку. Действительно, кости и вещи лежали в слое древесной трухи. Попадались и отдельные куски дерева. Среди железных изделий есть еще маленькие ножи и пластина от панциря.

Привлекает внимание небольшой бронзовый сосуд: тулово яйцевидное, низкая горловина и широкий раструб

¹ Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск, 1986. С. 215.

венчика, отогнутого наружу. На боковине сосуда видны следы ремонта.

Особое внимание привлекает комплекс украшений из золота. Их восемь.

1. Пектораль (нагрудное украшение) в форме полумесяца с небольшим трапециевидным выступом. Сделана из цельного листа тонко прокованного золота. Вся площадь украшения покрыта едва заметными ромбовидными насечками. На концах полумесяца по отверстию для нашивки, три таких же отверстия расположены у основания трапеции.
2. Пара одинаковых браслетов с разомкнутыми прямыми концами. Сделаны из тонкой золотой пластины. Внешняя сторона браслетов украшена тремя параллельными продольными бороздками.
3. Три четырехугольные нашивные бляшки с едва вогнутыми сторонами. По краям бляшек – рельефный ободок, повторяющий форму изделия. В центре каждой бляшки отверстие. По паре таких же отверстий у края каждой из сторон четырехугольника.
4. Шаровидный бубенчик, сделанный из двух половинок; линия соединения их рельефная. К бубенчику прикреплена петелька для подвешивания.
5. Навершие головного убора в виде стилизованного «древа жизни». Ствол «древа» представляет собой несомкнутую трубочку. Верх трубки разрезан на семь пластин, которые, изгибаясь, имитируют семь «ветвей» пышной «кроны». Так же просто сделана «корневая система»: низ трубки разрезан на четыре полоски, которые отогнуты под прямым углом к стволу. У края каждой из отогнутых полосок пробито по отверстию для крепления.

Вес всех золотых украшений, найденных мальчишками на городской свалке, составил 78,98 грамма, проба 900, стоимость (по государственной оценке) 6318 рублей 40 копеек¹.

Наибольшее художественное значение из всего комплекса имеет четырехугольная серебряная ажурная пластинка. Каждая из ее сторон, как и у золотых бляшек, немного вогнута внутрь. (Пластинка была разломана при извлечении на две части). Небольшой фрагмент левого нижнего угла утрачен. Вся плоскость пластины заполнена профильными изображениями двух оленей, как бы противостоящих друг другу. Они соприкасаются мордами, грудью и коленями передних ног. Головки откинута, шея и грудь гордо выгнуты. Зеркальность изображения полная. Реализм в целом сочетается с условной трактовкой отдельных деталей. На бедре и лопатке каждого животного — шестилепестковые цветочные розетки, на шее и ребрах — растительные побеги. Шерсть передана косыми короткими штрихами. Но самое удивительное — ветвистые олени рога. Они разрастаются, достигают краев пластины вверху, по сторонам и даже внизу, незаметно становятся ветвями «древа жизни», как бы растущего между оленями. Ветви рога придают изображению и украшению легкость, ажурность. Все изображение заключено в широкую рамку, в целом украшенную треугольниками с косой насечкой².

Необходимо отметить, что 43 предмета — это далеко не полный комплекс вещей, который находился в погребении. Часть находок упала в воду, другую — мальчишки сами выбросили. Неизвестно еще, какой ущерб нанес «дядька», который, по словам братьев Дорофеевых, «копался с лопатой»

¹ Газиев А. Люди и клады // Литературный Киргизстан. 1988. С. 126.

² При описании коллекции мы пользовались рукописью буклета, подготовленного к печати Л. Г. Ставской. Авторы выражают ей благодарность за предоставление еще не опубликованных материалов.

на месте погребения после ухода ребят. Но и та часть вещей, которая попала в музей, является новым словом в археологии Северного Кыргызстана.

По письменным источникам известно, что скотоводов-саков на территории нашей республики во II в. до н. э. сменили скотоводы-усуни, прибывшие из Центральной Азии. Следовало ожидать, что и культура Кыргызстана с этого времени заметно изменится. Однако археологи до сих пор не умеют различать погребения саков и усуней. Мы хорошо знаем сакские погребения и только гадаем: а каковы же были усуньские? Те погребения, которые мы приписывали усуням, по сути дела ничем не отличались от более древних сакских захоронений. В науку вошел даже не совсем научный термин «сако-усуньская культура». Но разные народы должны иметь и разную культуру. Нам представляется, что на северо-восточной окраине города Бишкека летом 1985 г. было открыто первое погребение усуньского времени в Северном Кыргызстане. Для датировки его нужно рассмотреть комплексы и целые серии вещей из Афганистана и Центральной Азии.

Осенью 1978 г. весь мир облетела весть об «открытии века» в Северном Афганистане — сокровищах Тилля-тепе. Сотни рабочих-землекопов трудились над расчисткой храма конца II тыс. до н. э. Неожиданно лопата вывернула золотые украшения, относящиеся явно к более позднему времени — к кушанской эпохе. Впускные погребения нарушали античные слои, но совершенно не имели внешних признаков. Это спасло их от разграбления. На развалинах древнего храма был найден царский могильник с фантастически богатым погребальным инвентарем. Руководитель экспедиции с советской стороны доктор исторических наук В. И. Сарияниди высказал предположение, что это были захоронения местных правителей, происходивших из кочевников-юэчжей (тохаров), которые, предвидя последующее ограбление и осквернение могил предков, тайно хоронили

своих соплеменников на заброшенном к этому времени городище. В глубоких ямах помещали деревянные гробы, в которых лежали умершие, буквально усыпанные золотыми украшениями¹.

Затаив дыхание, слушали мы рассказ В. И. Сарияниди о раскопках Тилля-тепе на Всесоюзной конференции в Эрмитаже, посвященной памятникам древнего и средневекового искусства Кыргызстана, в июне 1983 г. За сезон было раскопано 6 могил царского некрополя, в которых обнаружено свыше 20 тыс. золотых изделий, в том числе крупные предметы художественного искусства, такие, как короны, подвески, ожерелья, пекторали, браслеты, перстни, ножи, кинжалы и прочее. На многих ювелирных изделиях ярко прослеживается греческое влияние, на других — кочевые традиции Центральной Азии, которые уходили своими корнями в мир засырдарьинских скотоводов на Тянь-Шань и далее на восток. Но монеты, найденные в могилах, как золотые, так и серебряные, были чеканены в Риме, Парфии, Индии, что и позволило довольно точно датировать захоронение рубежом нашей эры, т. е. эпохой Великих кушан — царской династии из кочевников, которые разгромили ранее могучее Греко-Бактрийское государство и на его развалинах создали державу. Не исключено, что именно в районе современного г. Шибарган в Афганистане находилась резиденция одного из правителей кушан ранней эпохи, пришедшего сюда из среднеазиатских пределов.

Поселившись за высокими стенами античного города Емшитепе, представители бывших кочевников, ставшие правителями государства, здесь же хоронили своих умерших предков с ослепительным, поистине варварским великолепием. Наряду с привозными изделиями в погребениях множество золотых фигурных бляшек явно местного

¹ Сарияниди В. И. Афганистан: сокровища безымянных царей. М., 1983.

происхождения. Особенностью последних является синкритический (смешанный) стиль, соединяющий эллинистическое влияние греко-римского мира с искусством горных и степных кочевников, так называемым «звериным стилем» саков. Здесь же встречаются зооморфные изображения, фантастические драконы, целые художественные композиции. Вот золотые нагрудные застёжки. На одной из них древний воин в полном боевом облачении, у ног его драконы, у головы — птицы с развевающимися лентами. На второй застёжке — крылатые амуры. А вот золотая бляшка с изображением человека с дельфином. Рядом золотая подвеска, в центре её фигура кушанского правителя, борющегося с двумя драконами, ниже на цепях свисают круглые бляшки. Вероятно, в качестве печатки использовалась литая золотая бляшка с изображением богини Афины. Золотая гривна и застёжка, отлитые в виде двух половинок с одинаковым скульптурным изображением воина, напоминают греческого бога войны Ареса. Примечательна золотая пластина с барельефным изображением поверженной лошади, на которую напали два разъяренных крылатых дракона.

Все сокровища были тщательно расчищены, пронумерованы и надёжно упакованы для транспортировки. Находки сразу же заняли достойное место на стендах Кабульского национального музея. Это был самый замечательный в стране и уникальный по своей коллекции музей, которому вполне могли позавидовать крупнейшие музеи мира. В больших залах двухэтажного особняка располагалась экспозиция памятников культуры доисторических времен Бактрии и эллинизма, кушан и буддизма, ислама. Летом 1978 г. было заключено соглашение между Кабульским музеем и Государственным музеем народов Востока СССР, предусматривающее дальнейшее сотрудничество по исследованию античных ценностей. Это было торжество культуры Тилля-тепе и содружества археологов обеих стран. Однако вскоре наступили иные времена.

⁶ Том В. В. М. Плоских

Раскопки, поведавшие миру о богатейших погребениях первых кушанских правителей, неожиданно и ярко открывшие одну из ранних страниц истории государства кушан, так многообещающе обнадежившие ученых всего мира, после прихода к власти Амина были приостановлены. Более того, с тилля-тепинскими находками поступили с истинным вандализмом. По приказу из резиденции Амина — дворца «Гольханэ» — помещение музея передавалось генеральному штабу армии. Срочно, в течение суток следовало «очистить» музей. Лихорадочно упаковывались в подручные средства бесценные античные скульптуры, старинное оружие, уникальные археологические находки, в том числе и сокровища Тилля-тепе. Отныне им отводился так называемый «дом Наима» — тесное здание в бывшем королевском дворце. Ящики в беспорядке свалили у здания и... «забыли» о них. Но не все. Грабители и нечистые на руку дельцы были тут как тут. Часть экспонатов перекочевала во дворец Амина и позже оказалась за границей.

Вернемся, однако, к погребению у города Бишкек. Что общего имеет наш памятник с погребениями безымянных царей в Афганистане? Таких моментов несколько: отсутствие внешних признаков (насыпь, каменная выкладка) захоронения; значительная глубина могильной ямы; погребение в деревянных гробах, составные части которых скреплены железными скобами; ориентирование погребенных головой на север. Таким образом, погребальный обряд и погребальные сооружения в обоих памятниках близки.

А что можно сказать о сопровождающем инвентаре? В Тилля-тепе есть железные ножи с кольцевым навершием, миниатюрные ножики, какие-то украшения из золотых трубочек, но в целом комплекс вещей из погребения у города Бишкек относится к другой культуре. Истоки её в Центральной Азии и Южной Сибири. Наиболее ярким показателем этого является серебряная ажурная пластинка с изображениями оленей. Точных аналогий пластинке нет.

Она относится к кругу широко известных гуннских поясных ажурных пластин. В основном они были распространены на территориях, находившихся в политической зависимости от гуннских владык (Монголия, Ордос, Южная Сибирь, Забайкалье). Датируются они в пределах II—I вв. до н. э. Только единичные экземпляры встречаются в I в. н. э.¹

В Средней Азии находки таких пластин крайне редки. Две из них обнаружены в Южном Таджикистане и одна — в Казахстане. Наша — четвертая, причем наиболее выразительная.

Далеко на восток от Кыргызстана уводят и поиски аналогий золотой лекторали. По устному сообщению монгольского археолога Д. Цевендоржа, с которым авторы осматривали (1988 г.), комплекс вещей, найденных в погребении у города Бишкека, подобная пектораль была случайно найдена в Монголии близ Улан-Батора.

Чуйская долина никогда не входила в состав державы гуннов. Во II в. до н. э. и позже здесь было образовано государство усуней, которое успешно противостояло гуннам. Но до переселения на Тянь-Шань усунь жили рядом с гуннами и в III в. до н. э. даже подчинились им. Тогда усунь могли позаимствовать некоторые специфические гуннские вещи, видоизменить их и принести с собой при переселении на Тянь-Шань. Усуньская принадлежность погребения у г. Бишкека, конечно, только гипотеза, которую нужно тщательно проверить. Нет сомнения только в одном: мальчишки из «Красного строителя» обнаружили ценный комплекс вещей, которые относятся к рубежу н. э., т. е. к усуньскому времени.

¹ Дэвлет М. А. Сибирские поясные ажурные пластины. II в. до н. э. — I в. н. э. М., 1980. С. 16. (САИ. Д. 4—7).

СОКРОВИЩА «ЧУЙСКОЙ ЦАРИЦЫ» (Археологический детектив)

*И все, что было под землю,
сделалось видимо, как на
ладони. Червонцы, дорогие
камни в сундуках, в котлах...*

Н. В. Гоголь

В сейфах республиканского Исторического музея в городе Бишкеке хранятся прекрасные ювелирные изделия из золота, серебра, позолоченной бронзы. Они украшены яркими самоцветами. Преобладают красные оттенки гранатов и янтарей. Работа ювелиров выше всяких похвал: тонкая, изящная, со вкусом. Сделаны эти украшения были еще в V–VII вв., но даже в наши дни любая женщина, даже с самыми большими претензиями, сочла бы за честь хоть разок покрасоваться в таком гарнитуре.

Найдены были эти украшения в катакомбных и подбойных погребениях Центрального Тянь-Шаня, Алая, Кетмень-Тюбе, в долине реки Талас. Постепенно в Историческом музее была собрана внушительная коллекция, которая уступает, пожалуй, только всемирно известному эрмитажному собранию¹. Основу этой коллекции составляют сокровища, случайно найденные в Чуйской долине.

В начале августа 1958 г. на узком поле у входа в ущелье Шамши, что расположено к югу от города Токмака, колхозники убрали урожай. Вдруг колесо комбайнового агрегата провалилось, машина резко накренилась, но устояла. Когда ее вытащили, то увидели подземную камеру, потолок которой не выдержал многотонной тяжести и провалился. Несмотря на то, что камера была полузасыпана землей,

¹ Засецкая И. П. Золотые украшения гуннской эпохи. Л., 1978.

люди увидели золото... Много золота! Как же они поступили с находкой? Может быть, сообщили властям, милиции или ученым из Академии наук республики? Ничуть не бывало. Люди спрыгнули в провал, разгребали землю руками, срывали с костей усопшей драгоценности. Потом разделили добычу на части и припрятали в домашних тайниках.

Что же укрыли в своих сундуках современные грабители? Они упрятали ни много, ни мало — около 80 прекрасных изделий раннесредневековых ювелиров. Среди них и золото, и серебро, и самоцветы. Приведем здесь лишь краткое описание шамшинского комплекса¹.

Изделия из золота. Маска на лицо из тонкого листа. Черты лица намечены схематично. Широкий рот с тонкими губами. Миндалевидные глаза из сердолика закреплены тонкой ленточкой золота, припаянной ребром к основе. Острый прямой нос сделан из отдельного листа и тоже припаян. На носу и щеках проколами изображены три елочковидные «древа жизни» (имитация татуировки?). По краям маски имеются отверстия для крепления. Вес 61,49 г.

Круглодонная тонкостенная кружка с отогнутым венчиком. Ручка прикреплена к стенкам при помощи круглых заклепок. Дно припаяно. Вес 60,31 г.

Два совершенно одинаковых перстня. Кольцо — тонкая золотая лента, на которую с внешней стороны напаяны рельефом «веревочки» из двух перевитых проволочек, между которыми размещена «спираль» из окрученной ленточки. Щиток перстня состоит из трех частей: центральный овальный, крупный, с двух сторон к нему примыкают маленькие круглые. Вставки из гранатов, закрепленных в гнездах из вертикально напаянных ленточек. Вокруг гнезд ободки из зерни. Вес 18,5 г.

¹ Полное описание см.: Памятники культуры и искусства Киргизии: Древность и средневековье: Каталог выставки. Л., 1983. С. 46—50.

Медальон, основанием которого служит овальная пластинка. В нем погрудное изображение женщины монголоидного облика. Волосы расчесаны на прямой пробор. Одежда с широкими отворотами и глубоким декольте. Барельеф исполнен из двух хорошо пригнанных кусков граната и окружен широким ободком, разделенным на отдельные гнезда с вставками из граната. В шести местах к медальону крепилось ожерелье, составленное из отдельных звеньев. Каждое звено представляет собой стилизованный лист дерева, сделанный из яркого граната и оправленный золотом. Вес 65,52 г.

Пара сережек, составленных из трех разных последовательно соединенных между собой колечками звеньев. Звенья разделены между собой перегородками для вставок из самоцветов. Вставки не сохранились. К серьгам с боковых сторон прикреплены подвижные «шумящие» подвески — такие серьги приятно звенели даже при легком повороте головы. Вес 28,28 г.

Пара наконечников подвесок, каждая состоит из трех частей: двух полых шариков и полушария с пирамидальными подвесками. Поверхность шариков покрыта округлыми и восьмеркообразными напаянными узорами из проволоки. Вес 29,3 г.

Из золота, серебра и янтаря сконструировано сложное украшение женского головного убора. Основу его составляет серебряный обруч, который украшен золотыми вертикальными рядами лжезерни и яркими янтарями. От обода вверх, изгибаясь наподобие остова юрты, шли золотые пластинки, образующие полусферу. Внизу обруча закреплено свыше шестидесяти цилиндрических «шумящих» подвесок.

Чистое серебро пошло на изготовление двух цилиндрических коробочек с крышками, свыше тридцати круглых бляшек с вставками из красного стекла, ложечки для косметики. Этим же металлом были украшены широкий

кожаный пояс, деревянная основа грифа музыкального инструмента (?) и еще ряд изделий.

Читатель, видимо, устал от перечня сокровищ из золота, серебра и драгоценных камней, напоминающего инвентаризационную опись сокровищ пещеры Али-Бабы. А ведь в погребении кроме золота и серебра была найдена еще и роскошная конская сбруя художественной работы, выполненная из серебра и позолоченной бронзы с украшениями из самоцветов и стекла. Немалую ценность имели и восемь браслетов, выточенных из цельных кусков дымчатого нефрита с легким коричневатым оттенком.

В общем, современным грабителями крупно повезло. Дармовое богатство как с неба свалилось. Наверное, у читающего эти строки давно напрашивается вопрос: «А откуда авторам, собственно говоря, известны такие подробности о древних сокровищах, припрятанных в чужих сундуках?» Дело в том, что в сундуках они пролежали недолго. Наивно было полагать, что в таком селе, как Шамши, где «все про всех всё знают», можно было сохранить тайну. Шила в мешке не утаишь. Нашелся-таки гражданин, который сообщил о кладе властям. И что же власти? К их чести, они провели оперативную тонкую психологическую работу и изъяли весь клад до вещицы. В наше время, время гласности, впервые предоставилась возможность рассказать об этой операции со слов ее участников.

По получении информации в село сразу же выехала группа в составе одного из руководителей КГБ республики в полковничьей форме и при всех регалиях, директора Института истории АН Кыргызстана, двух подтянутых молодых людей в строгой гражданской одежде и с нужным для поисков драгметаллов прибором. В списке предполагаемых похитителей сокровищ значилось одно женское имя. С этой женщины и решили начать. Подошли к дому, вежливо поздоровались. Хозяйка удивлена неожиданным гостям, но держится невозмутимо. Пригласила войти.

— Гражданка, люди говорят, что вы нашли золото, — обратился к хозяйке офицер. — Если Вы его сдадите добровольно, то не понесете наказания за нарушение закона.

(Длительное и искреннее возмущение, из которого можно было понять, что врагов у всех много, и что золото она за всю жизнь и в глаза не видела).

— Ну раз золота нет, то и разговора нет, — говорит офицер. Подпишите бумагу, что у Вас действительно нет золота, и покончим с этим.

(Хозяйка решительно берется за протянутую бумагу и ручку, садится к столу, но боковым зрением замечает, что молодые люди достают и налаживают какой-то прибор. Она поднимается, идет в соседнюю комнату и выносит узелок. Развернули: часть позолоченных украшений конской сбруи и горсть серебряных бляшек).

— Больше нет? Подпишите бумагу... — Офицер кивнул в сторону молодых людей: — Ищите!

(На глазах женщины выступили слезы... На свет появляется золотая маска. Янтарные глаза, казалось, благодарно лучатся. А хозяйка с видимым облегчением подписывает бумагу). Пока молодые люди под диктовку директора Института истории составляли предварительную опись сокровищ, хозяйка отвела офицера в самый дальний угол и долго что-то говорила. Расстались по-доброму.

— Что она тебе шептала?— спросил директор на улице.

— Обыкновенная человеческая слабость, — улыбнулся офицер. — Подробно и толково рассказала, кто участвовал в дележе, где живет и кому что досталось.

С другими было легче. «Счастливики» добровольно и полностью сдали награбленное. Так сотрудники республиканского КГБ не дали пропасть сокровищу, законному достоянию республики. Клад оказался там, где и должен был находиться, — в Историческом музее.

А что же с людьми, нашедшими и утаившими клад? К ответственности их не привлекали, так как была оформлена

добровольная сдача находки, но и положенного по закону вознаграждения они не получили — «добровольность» то была вынужденной.

Много лет спустя одному из авторов этих строк — В. П. Мокрынину — пришлось поблизости от места находки знаменитого Шамшинского клада вести раскопки в селе Калиновка, что на левом берегу реки Шамши. Здесь судьба неожиданно свела археолога и «грабителя». Он сам подошел и рассказал о случившемся. По его словам, если бы они в то время знали законы, то, конечно, сдали бы сокровища государству и довольствовались бы положенным вознаграждением. Кроме того, они полагали, что нашли не древние произведения искусства уникальной научной ценности, а погребение жены бая или манапа времен коллективизации. Отсюда вывод: необходимо вести серьезную работу по историческому образованию населения республики, разъяснению советского законодательства относительно памятников истории, широко популяризировать и пропагандировать сами памятники археологии.

Что же удалось выяснить ученым, которые провели опрос участников находки и обследовали само погребальное сооружение в ущелье Шамши? Археологи П. Н. Кожемяко и Д. Ф. Винник прежде всего тщательно осмотрели местность. Когда-то здесь был курганный могильник, но в результате многолетней распашки он превратился в почти ровное поле. Это было грубым нарушением законодательства о памятниках истории. Нужно было получить разрешение Совета Министров республики на снос курганов, но предварительно дать возможность археологам изучить их. Кое-где еще были видны остатки курганных насыпей. Если бы не случай, об этом могильнике никто бы не вспомнил. Археологи расширили провал, перебрали всю землю в погребальной яме-камере, а затем просеяли ее через сито. Новых находок практически не было, но выяснили ученые не так уж и мало. Курган Шамши был

примерно 20 м в диаметре. Обычно насыпь таких курганов не превышает 2 м. Погребальное сооружение представляло собой комбинацию из прямоугольного дромоса — ямы и катакомбы (небольшой пещерки, выдолбленной в стенке ямы). Вход в катакомбу был закрыт тремя крупными камнями. Погребение совершалось в катакомбе. Умершую поместили в гроб, сделанный из тонких досок, скрепленных медными скобами. Гроб поставили на слой древесного угля. Скелет в гробу был хорошей сохранности. Череп погребенной оказался искусственно деформированным. (При жизни эта женщина, на наш взгляд, выглядела странно: голова, как самаркандская дыня, неестественно вытянута вверх. Но для своих современников она была писаной красавицей). Череп в то время, как показали раскопки, искусственно деформировали многие. Еще в раннем возрасте голову бинтовали, сжимали и вытягивали. Для чего? Ученые еще не нашли удовлетворительного ответа. Почти все золотые украшения располагались в области черепа и грудной клетки. Вне гроба, в ногах, найден бронзовый казан с четырьмя ручками, здесь же были конская сбруя, глиняный кувшин, кости барана¹.

Обладательница шамшинских сокровищ была очень богатой женщиной. Только ее личные украшения, как золотой лом, по нашим государственным закупочным расценкам оценивались суммой свыше 30 тысяч рублей. А серебро, нефрит, гранаты, роскошная сбруя? Да еще оплата работы мастеров? Названную при определении стоимости личного имущества этой женщины сумму без боязни грубой ошибки можно удвоить. Мы условно назвали погребенную в Шамши «чуйской царицей». Социальный статус ее был очень высок. Возможно, она принадлежала к родовитой знати кочевников, но не исключено, что и к ханскому роду.

¹ *Плоских В. М.* Иссык-Куль: путешествие в историю. Фрунзе, 1981. С. 32–34.

Археологи в Кыргызстане раскопали очень много погребений в катакомбах, особенно в Таласской и Кетмень-Тюбинской долинах, но вот неграбленное богатое погребение удалось открыть только одно. Это произошло в 1968 г. на высокогорном плато Алая. Археолог А. К. Абетеков приступил к изучению могильника Джалпак-Дюбе. Это свыше тысячи едва различимых могильных насыпей. И практически все они носят следы ограбления в древности. Чего можно ожидать на таком объекте? Пару-другую глиняных горшков. Однако археолог никогда не знает, где найдет, а где потеряет. Нежданно-негаданно один из самых невзрачных курганчиков, который и заметить-то может лишь опытный глаз археолога, преподнес сюрприз. Он оказался неграбленным, но со странностями. В погребальной камере-подбое лежал не скелет умершего, как обычно, а деревянная чурка. Но чтобы никто не сомневался, что она заменяет реального умершего человека, на одном конце ее лежала маленькая маска из золотой фольги. Глаза и рот грубо прорезаны, вместо носа — две дырки. Правда, могила без скелета для археологов не акая уж странность. Это условное захоронение (кенотаф), которое совершалось родственниками, когда человек умер, а тела его нет (погиб в дальнем походе, утонул и быстрая горная река унесла труп, растерзали хищные звери и т. п.). В кенотафах, как правило, находят очень мало вещей. В лучшем случае в пустую могилу клали горшок и кусочек баранины. Кенотаф же могильника Джалпак-Дюбе оказался богатым. В нем найдено 30 золотых предметов: медальон и серьга с гранатовыми вставками, круглые и квадратные нашивные бляшки. Дивной работы перстень, круглый щиток которого оконтурен зернью. В круг вписана шестилепестковая розетка из вертикально напаянных золотых пластин. лепестки розетки инкрустированы ярко-красными самоцветами, а промежутки между ними — голубой пастой. Получился аленький цветочек на лазоревом фоне.

Здесь же были золотые цепочки, две застёжки, украшенные гранатами, и другие драгоценности.

Как положено, «дух» воина снабдили одеждой из шелка с вышивкой золотом, мечом, луком со стрелами, ножом с рукоятью из слоновой кости и двумя чашами. Одна из них — плоскодонная металлическая, другая — стеклянная, изумительной красоты. Она сделана из матового стекла, стенки округлые, слегка загнутые во внутрь, имеет две ручки в виде головок львов. Стенки чаши и дно украшены резным орнаментом. Основа его — мотив вьющейся виноградной лозы. Точных аналогий чаше нет, но подобные ей производились в сирийских провинциях Римской империи¹.

В целом кенотаф могильника Джалпак-Дюбе является замечательным памятником, принадлежащим к той же культуре и к тому же времени, что и сокровища «чуйской царицы». Единичные изделия того же облика найдены в Кетмень-Тюбинской и Таласской долинах и в Центральном Тянь-Шане.

Украшения, найденные в Кыргызстане, далеко не уникальны. Они известны в Казахстане, Причерноморье, Молдавии, Венгрии, Румынии. Их практически нет в Южной Сибири и Монголии, если не учитывать единственный предмет, найденный монгольским археологом Д. Цевендоржем. Следовательно, в настоящее время наша республика является самым восточным крупным очагом распространения изделий подобного рода. Ювелирные украшения из золота с самоцветами в науке условно назвали изделиями полихромного (многоцветного) стиля. Отличительной чертой их являются массивность, многоцветность, геометричность форм, что достигалось такими техническими приемами, как литье, ковка, штамповка и напайка. О происхождении искусства полихромного стиля высказывались различные

¹ *Абетеков А. К.* Культура кочевников древней Киргизии // Сквозь века. Вып. II. М., 1986. С. 36–38.

гипотезы. Их рассматривали как произведения готов, греко-сарматов, сармато-алан, гуннов. До сих пор в науке этот вопрос однозначно не решен. На наш взгляд, носителями искусства полихромного стиля в Кыргызстане могли стать племена, тесно связанные с гуннским государством Атилы в Восточной Европе. В середине V в., после смерти великого вождя, держава распалась. Часть тюркоязычных племен откочевала в Среднюю Азию. Характерными этнографическими признаками их были погребения в катакомбах и подбоях, однолезвийные палаши и кинжалы, изделия полихромного стиля, стеклянные сосуды римской работы. По этим признакам они близки протоболгарским тюркоязычным племенам оногурам и другим. Иранские письменные источники называли их кермихионитами (красными гуннами), а древнетюркские — он ок бодун (народ десяти стрел)¹. К середине VI в., когда древнетюркский каган Истеми завоевал Семиречье и Тянь-Шань, они были уже аборигенами этих мест и составили этническое ядро Западнотюркского каганата. Конечно, это всего лишь гипотеза, которая требует серьезного обоснования.

¹ Мокрынин В. П. По следам прошлого. Фрунзе, 1986. С. 86. (Значение протоболгарского этнонима *оногур* — десять племен; этноним *он ок бодун* имеет то же значение).

РЕЛИКВИИ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ

*И в земле не хороните (богатства),
то нам есть грех великий.*

Владимир Мономах

Всех, кто знаком с традиционным искусством кыргызских ювелиров, поражало обилие и разнообразие изделий из серебра. В не столь уж далеком прошлом в гарнитуры украшений состоятельной кыргызки входили кольца (*шакек*), браслеты (*билерик*), серьги (*сойко*), подвески к косам (*чач учтук*), пуговицы (*топчу*) и другие предметы. Серебром оковывали седла, украшали сбрую коня, камчу, кожаные и деревянные сосуды. А почему не золотом? Ведь мог же всемогущий манап Шабдан оковать луку своего седла золотом, а Курманджан-датха при желании сменить серебряные украшения на изделия из золота? Но не оковывали и не меняли. И дело здесь, на наш взгляд, не столько в разнице стоимости основных драгоценных металлов, сколько в древней традиции.

На Востоке Кыргызстан издавна был известен как крупный поставщик серебра. Самые крупные залежи его были в Таласской долине. Они разрабатывались еще в начале нашей эры. Наиболее интенсивные разработки таласских месторождений серебра велись в средневековье (IX—XII вв.). В арабо-персидских источниках верховья реки Талас назывались областью Шельджи. Временами там кроме местных рудокопов трудилось до 10 тысяч горняков из области Исфаган (Иран). Археологи насчитали в горах, окружающих долину, свыше 70 горных выработок¹.

¹ Бубнова М. А. Добыча серебро-свинцовых руд в Шельджи // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963. С. 225—262; Мокрынин В. П. Торговые связи Киргизстана (VI—X вв.) // Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 104—105.

Серебряных дел мастера средневекового Тянь-Шаня добились высочайшего мастерства. Изделия их школы наряду с иранскими и согдийскими высоко котировались на мировом рынке. Наиболее известные из них аниковское и григоровское блюда, украшенные изящными иллюстрациями к религиозным преданиям, были найдены в далеком от семиреченских городов Приуралье.

Однако кладов изделий из серебра на территории Кыргызстана на удивление мало, а в Таласской долине и вовсе не обнаружено. Видимо, и здесь не обошлось без серебряного кризиса XI–XII вв., когда столовое серебро и украшения перечеканивались в звонкую монету.

В Кыргызстане найдено три клада серебра.

Подделка средневекового мастера

Январским днем 1923 г. малолетние Мария и Владимир Банченко копали глину для ремонта сарая. Дети жили в селе Покровка, которое располагалось на почтовом тракте восточнее уездного города Пишпек¹. Глину дети брали из большого холма, который возвышался на площади села и считался общественным достоянием; его разбирали на хозяйственные нужды все, кому не лень, даже не подозревая о том, что разрушают средневековое поселение. Вдруг лопата Марии ударилась обо что-то твердое. Девочка разгребла землю и увидела красивый кувшин, стоящий на блюде. Рядом была изящная кружка. Так был найден пока единственный в Кыргызстане клад согдийского серебра.

Кувшин был грушевидной формы с плоским дном. На шейке носик-слив, ручка петлеобразная, приклепанная к тулову одним и к шейке сосуда другим концом. Высота

¹ Ныне село Ново-Покровка Аламединского района.

кувшина 28 см, вес 1559 г, емкость 4,9 л. На дне кувшина отчеканены крестообразные знаки — клеймо мастера.

Блюдо круглое, плоское с едва возвышающимися краями. К нему прикреплено кольцо для удобства удержания блюда. Диаметр блюда 26,6 см, вес 703 г.

Кружка массивная с округлым дном. К нему припаяна ножка в виде раструба. Стенки кружки немного вогнуты. Ручка фигурная с круглым медальоном. В нем профильное изображение головы человека античного облика. Высота сосуда 8,5 см, наибольшая ширина 9,5 см, вес 460 г¹.

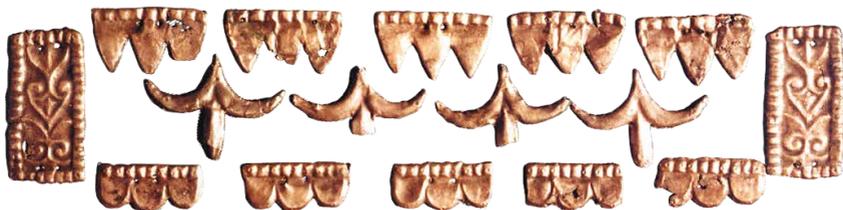
Ученых заинтересовал Покровский клад, так как он приоткрывал очень интересную ситуацию, связанную с ремеслом и торговлей на Великом шелковом пути. Дело в том, что на дне кувшина были воспроизведены клейма, которыми маркировали свои изделия византийские мастера серебряных дел из далекого Константинополя. Что же тут такого? Если учесть, что профильное изображение головы мужчины на медальоне ручки имело греческий облик, то можно с уверенностью говорить о византийском импорте в средневековые города Кыргызстана. Но специалистов предостерегала от столь ответственного вывода форма сосудов: типичная среднеазиатская. Такие сосуды были распространены во второй половине VII — середине VIII вв. Все они были местного производства. Пришлось более тщательно сопоставить покровские и константинопольские клейма. И тогда все стало ясно: покровские оказались... подделкой. Только через 1200 лет была раскрыта хитрость средневекового согдийского заргара (серебряных дел мастера), пытавшегося выдать свои изделия за экзотичный византийский товар².

¹ *Городецкий В.* Серебряные сосуды из курганов села Покровского Пишпекского уезда // Изв. Средазкомстарис. Вып. 1. Ташкент, 1926. С. 77–81.

² *Маршак Б. И.* Согдийское серебро М., 1971. С. 83.

**Серьги – украшения. Золото. V–III вв. до н. э.
Иссык-кульская котловина**

**Нашивные бляшки. Золото. V–IV вв. до н. э.
Иссык-кульская котловина**

**Ременная бляшка.
Бронза. VIII–X вв.
Иссык-кульская котловина**

**Печать.
Бронза. VIII–X вв.
Иссык-кульская котловина**

**Колокольчики. Бронза. VIII–X вв.
Иссык-кульская котловина**

**Ременные разделители. Бронза. VIII–X вв.
Иссык-кульская котловина**

**Фигурки. Бронза. VIII–XII вв.
Иссык-кульская котловина**

**Нашивные ременные бляшки. Бронза. VIII–X вв.
Иссык-кульская котловина**

**Патрицы. Бронза. VIII–X вв.
Иссык-кульская котловина**

**Календарь с изображением звериного цикла.
Бронза. VIII–X вв. Иссык-кульская котловина**

**Фрагмент замка. Бронза. VIII–X вв.
Иссык-кульская котловина**

**Кольцо. Бронза. V–III вв. до н. э.
Иссык-кульская котловина**

**Кольца. Бронза. X–XII вв.
Чуйская долина**

**Буддийские статуэтки.
Бронза. VIII–X вв.
Иссык-кульская котловина**

**Ажурные бляхи из буддийского храма.
Бронза с позолотой. VIII в. Чуйская долина**

Где творили эти заргары? Скрупулезное изучение их изделий ленинградским ученым Б. И. Маршаком позволило лишь очертить зону возможного производства таких сосудов — северо-восточные области Средней Азии. Их могли делать в городах Семиречья и Восточного Туркестана. Не исключено, что «хитрый» мастер жил в Чуйской долине и здесь подделывал свои изделия под византийские образцы. Несомненно лишь одно — он очень хорошо был знаком с константинопольскими подлинниками.

Отметим еще одну немаловажную для нашей темы деталь. Клад из села Покровка едва не разошелся по рукам. Мать нашедших серебряные сосуды Володи и Марии Банченко подарила кружку пишпекскому учителю Д. Масленникову, а тот — своему сыну. Кувшин и блюдо пытались продать за 400 рублей. Только энергичные действия археолога В. Д. Городецкого через Джетысуйский облисполком спасли клад для науки.

Клад заргара из Баласагуна

Второй клад серебра был найден в совсем необычном месте — в русле реки Буранинки, которая пересекает древний город Баласагун с юга на север. Он был зарыт примерно в 300 м к югу от крепостных стен центральных развалин Буранинского городища. Часть его была вымыта внешними водами и снесена вниз по течению реки. Хорошо, что на это серебро случайно наткнулся житель с. Дон-Арык Чуйского района, человек серьезный и думающий. Дело, как рассказал счастливцев, было так. Работник райотдела МВД республики Алым Кылычев в марте 1987 г. совершал очередной служебный обход. Среди камней-окатышей, покрывающих дно речушки, он увидел один необычный. Поднял — тяжелый. Решил, что свинец пригодится ребятам альчики заливать. Дома разглядел внимательнее: пожалуй,

⁷ Том В. В. М. Плоских

не свинец. Вспомнил старинные украшения чон апы, которые бережно хранились в семье. А что если серебро? Вполне может быть. находка попала на территории древнего и, как пишут историки, богатого торгового города. Здесь где-то были дворцы Караханов, повелевавших всей Средней Азией; здесь жил великий тюркский поэт Юсуф Хас Хаджиб Баласагуни. Вспомнил Алым, что где-то в русле той же Буранинки ребята из Чуйского интерната, что рядом с его селом, нашли кувшин с золотыми монетами...

С тех пор в свободное время зачастил сержант милиции к месту находки. Поднял обломок монеты, в другой раз — несколько кусков проволоки; потом — еще кольцо и обломок того же металла. Со временем Алым понял, что река размывала клад и частично рассеяла его. Где-то рядом должна быть основа сокровища, его ядро, и располагаться оно должно где-то выше уже сделанных находок, снесенных водой. Он думал и искал. И нашел-таки! Уже в апреле заметил Алым в обрыве берега реки едва заметный кончик тусклого металла, стал расчищать — слиток, второй, третий, и пошло...

Когда мы впервые увидели кучу серебра, составлявшего Буранинский клад, невольно вспомнилась надпись на карте Билли Бонса, найденной юным Джимом Хокинсом. На оборотной ее стороне мелким, четким почерком Флинта было выведено: «Слитки серебра в северной яме. Отыщешь ее на склоне восточной горы, в десяти сажнях к югу от черной скалы». Если верить Р. Л. Стивенсону, искатели сокровищ пиратов пренебрегли этими слитками, довольствовавшись золотом. Алым Кылычев не стал пренебегать. Он сдал в Исторический музей республики 23 целых и 270 фрагментов слитков, более 50 обломков монет, небольшое количество незаконченных изделий и лома общим весом 9390,3 г серебра¹.

¹ Клад подготовили к изданию зам. директора Исторического музея археолог Н. Г. Галочкина и доцент исторического факультета КГУ

Итак, основу Буранинского клада составили однообразные слитки серебра. Однако это на первый взгляд. Все слитки отличаются друг от друга размерами, весом и пробой. Нет и двух, совпадающих по этим показателям. Однообразными их делает форма: одна сторона слитков плоская, а другая — сферическая. Они напоминают плосковыпуклую линзу. Делались слитки серебра по самой примитивной технологии: в земляном полу мастерской поворотом ножа делали овальную лунку диаметром примерно 3×4, 5×6, 6×7 или 8×9 см и заливали ее расплавленным серебром. Слитки получались неприглядными — с ноздреватой поверхностью, края неровные, с зазубринами. Вес их колеблется от 45,4 до 600 г. В пробе слитков тоже полный разноряд — от 730,3 до 975,6. Создается впечатление, что хозяин клада, набрав даже малую толику серебра, спешил изготовить слиток и спрятать его.

Для чего нужны были такие слитки? Известно, что в Средней Азии они заменяли деньги. Кыргызы, например, и сейчас называют рубль сом. Этот термин восходит еще к средневековью. Так, флорентийский купец XIV в. Пегалотти советовал везти из Европы в хорезмский Ургенч полотняные ткани, а там запастись *сомами* (слитками серебра), ходившими в татарских странах как деньги¹. Слитки серебра у кыргызов в XIX в. под названием *джамбы* или *тайтуяк* («копыто жеребенка») обращались в качестве примитивной формы денег. Но *сомы*, *джамбы* и *тайтуяки* имели строго фиксированный вес и пробу. Ни то, ни другое не характерно для буранинских слитков, что полностью исключает их применение в качестве

М. Н. Федоров. Пользуясь случаем, выражаем им благодарность за предоставление еще не опубликованных материалов.

¹ Бартольд В. В. Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времен до XVII в. М., 1965. Т. 3. С. 59.

денег. Скорее всего, основу Буранинского клада составили «рабочие слитки» баласагунского ювелира.

Можно ли извлечь из такого клада научные исторические сведения? Можно, но весьма ограниченные. Прежде всего датировка клада. Она представляла бы большие трудности, не будь в нем обломков монет. На некоторых из них сохранились надписи имен халифов, караханидских правителей, фрагменты их титулатуры, наименования монетных дворов. По определению известного нумизмата М. Н. Федорова, дирхемы клада были отчеканены между 1015 и 1039 годами монетными дворами Узгенда, Баласагуна (Куз Орду), Яркенда (или Тункета?). Предполагается, что отдельные монеты выпущены в Бухаре, Шаше, Ходженте. Это значит, что данный клад был зарыт, судя по самой «молодой» монете, после 1039 г. Не противоречат этой датировке и другие вещи из клада. В нем среди серебряного лома находился крупный фрагмент браслета, свитого из трех жгутов. Конец его оформлен в виде головки какого-то животного. Поверхность браслета сильно потерта — от длительного употребления. Подобные изделия ювелиров уже находили в составе Чимкентского клада, в Чиназе (Ташкентский оазис) и на городище Шиш-Тюбе (г. Кара-Балта в Кыргызстане). Они датированы X—XI вв. Однако бытовали такие украшения довольно долго. Три витых браслета с концами, оформленными в виде головок животных, найдены в Отрарском кладе, который был сохронен во второй половине 60-х годов XIII в¹.

Многочисленные слитки серебра из Буранинского клада мало что дают для изучения метрологии средневекового Кыргызстана вследствие полного несоблюдения весовых стандартов при их изготовлении. Кроме того, на некоторых

¹ Байлаков К. М., Настич В. Н. Клад серебряных вещей и монет XII в. из Отрара // Казахстан в эпоху феодализма. Алма-Ата, 1981. С. 22—24, 57. Рис. 1,4.

слитках видны следы изъятия части их массы для мелких поделок. Тем не менее М. Н. Федорову удалось вычислить, что при изготовлении слитков использовались плавильные тиглы, рассчитанные на 3000, 2500, 2000, 400 и 200 килоратов серебра (*кират* — весовая единица, равная 0,2 г).

Таким образом, в мастерской баласагунского серебряных дел мастера имелось не менее пяти плавильных тиглей, которые использовались в зависимости от веса поделки.

Мы уже привыкли «считать деньги в карманах наших предков», поэтому на материалах Буранинского клада попытаемся определить финансовые возможности крупного ремесленника-ювелира середины XI в. в Чуйской долине. Общий вес серебра, спрятанного им, составляет 9390,3 г. Из этого металла можно выбить 3150 высокопробных караханидских дирхемов (канонический вес дирхема составлял 2,9645 г). Эквивалентом этой суммы в золоте являются 210 динаров. На эти деньги хозяин мог купить у кочевников на ярмарке 7375 кг мяса (без костей) или 630 каракулевых шкурки самого лучшего качества и модного тогда коричневого цвета¹. А ведь он, как минимум, владел еще домом, мастерской, лавкой, утварью, инструментами...

За какое же время простой труженик честным трудом мог накопить такое богатство? По подсчетам М. Н. Федорова, заработок простого ремесленника в то время составлял примерно 32, а подмастерья — 15 дирхемов в месяц. Следовательно, чтобы собрать сумму, равную лишь части состояния крупного ювелира, простой ремесленник должен был работать в течение около восьми с половиной лет, при этом не есть и не пить, а подмастерье вынужден был бы положить на это семнадцать с половиной лет! Если учесть, что прожиточный минимум семьи в IX—XI вв. составлял 25 дирхемов в месяц, то сумма, превышающая 3 тысячи

¹ Мокрынин В. П. Торговые связи Киргизстана (VI—X вв.) // Арабско-персидские источники о тюркских народах. С. 115—117.

дирхемов, для трудового люда становилась практически недостижимой¹.

Бурагинский клад серебра, таким образом, дал ценные и конкретные сведения о значительном имущественном неравенстве среди ремесленников в городах Кыргызстана XI в.

И последнее. Почему же клад серебра, найденный Алымом Кылычевым, был спрятан в русле реки? Не опрометчиво ли поступил его хозяин? Нет, не опрометчиво. Клад не был зарыт на дне реки. По наблюдениям археолога Л. М. Ведутовой, на дне реки, пересекающей городище, видны остатки стен помещений и другие признаки былых строений. А это значит, что в период процветания славного Баласагуна река протекала в другом месте и лишь потом, изменив свое русло, разрушила на своем пути часть городской архитектуры и обнажила клад.

Пропавший клад

В Чуйской долине в 50-х годах был найден еще один клад серебряных изделий — он обнаружен при разборке для строительных нужд развалин одного из строений средневекового городища Шиш-Тюбе (севернее г. Кара-Балта). Клад моментально разошелся по рукам. Ученым достались лишь четыре массивных браслета. Все они выполнены в одной технике: три гладкие толстые проволоки свиты жгутом, в углублениях между свитыми проволоками проходят тонкие жгутики, скрученные из двух тонких проволочек. Концы браслетов, оформленные в виде головок стилизованных

¹ Мокрынин В. П., Федоров М. Н. Из истории торговых отношений Киргизстана и сопредельных регионов в VII—XII вв.: К вопросу о ценах // Археологические памятники Прииссыккуля. Фрунзе, 1975. С. 142—143.

животных, разомкнуты¹. Точно такие браслеты входили и в Отрарский и Буранинский клады серебра. Расхищение Кара-Балтинского клада нанесло серьезный ущерб исторической науке Кыргызстана.

¹ *Кожемяко П. Н.* Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959. С. 64.

ДИРХЕМЫ, ДИРХЕМЫ, ДИРХЕМЫ...

*Отыскать... сокровища не составит
никакого труда и денежки наши:
хоть пируй, хоть купайся в них,
хоть бросай их на ветер.*

Р. Л. Стивенсон

Денежные клады не столь уж большая редкость. Наши предки всегда почитали землю не только как мать-кормилицу, но и как самый надежный сейф. Пряча свои сбережения, владелец их, разумеется, и мысли не допускал, что расстается с ними навсегда, и что они много сотен, а то и тысяч лет спустя попадут в руки его отдаленных потомков. За каждым кладом — трагедия. Что помешало хозяину «востребовать» свои деньги? Внезапная смерть? Плен? Потеря ориентиров тайника? В каждом конкретном случае на этот вопрос ответить невозможно¹.

Деньги зарывали всегда, с самого начала их появления. В русском языке бытует выражение «зарыть свой талант». Его употребляют, говоря о человеке, который подавал большие надежды» но не умел (или не смог) реализовать свои потенциальные способности. Наверное, не все знают, что это выражение не имеет отношения к людским талантам, а восходит к библейской легенде о денежных кладах. По древнему преданию, некий господин, отправляясь в длительное путешествие, оставил доверенным рабам свои сбережения — 8 талантов серебра (*талант* — денежная единица Восточного Средиземноморья, весом около 26 кг). Два раба, получив 7 талантов, пустили их в торговый оборот и значительно приумножили и без того громадную сумму. Третий, получив всего один талант

¹ *Рябцевич В. Н.* О чем рассказывают монеты. С. 46—47.

и не желая рисковать, зарыл его в землю. Прибыли, конечно, он не получил, за что подвергся порицанию возвратившегося господина. Эта притча является одним из первых письменных свидетельств, где упоминается о сокрытии денег в земле, с моралистическими рассуждениями о неразумности подобных деяний.

На территории Кыргызстана столь древние клады не могли быть ни спрятаны, ни найдены, так как собственная денежная эмиссия здесь появилась только в VIII в. Первые медные монеты в городах Чуйской и Таласской долин стали выпускать господствующие здесь тюргешские каганы и их вассалы. До сих пор в руки ученых не попало ни одного клада тюргешских монет. Но они были. Так, в 1962 г. учащиеся бишкекской средней школы № 10 Слава Тымчик и Гера Бакулин во время похода кружковцев на городище Шиш-Тюбе (севернее города Кара-Балта) нашли четыре слипшиеся тюргешские монеты. Они, судя по их состоянию, входили в более крупный массив монет, т. е. в клад. Поиски его не имели успеха, так как ученики не могли указать точного места находки. В конце 70-х годов клад медных тюргешских монет был найден в окрестностях городища Ак-Бешим (близ города Токмака). Клад находился в глиняном горшке и, по словам очевидцев, содержал несколько сотен монет, которые тут же разошлись по рукам местных жителей. К археологу А. Д. Дегтяревой из состава этого клада попало всего два кружочка, да и то плохой сохранности. Расхитители Акбешимского клада медных тюргешских монет, несколько не обогатившись лично, нанесли огромный вред исследованию раннесредневековой истории Кыргызстана и истории своего села. Здесь в VI в. была столица Западнотюркского каганата — город Суяб. Ученые предполагают, что в этом городе мог быть монетный

двор тюргешских каганов и их вассалов¹. Изучение клада наверняка предоставило бы в распоряжение специалистов новые дополнительные материалы по этому вопросу.

Если клады тюргешских монет еще предстоит найти и изучить, то кладов караханидских монет в земле нашей республики найдено много. Кто такие Караханиды? В середине X в. в Семиречье, Центральном Тянь-Шане и Восточном Туркестане тюркские племена, объединившись, создали мощное государство, которое к началу XI в. подчинило себе почти всю Среднюю Азию. Правители этих тюрков именовали себя караханами. От этого термина произошло и название всей династии сначала в русской, а затем и в зарубежной исторической науке. При Караханидах расцвели наука, культура, ремесла. Достигли высшего своего уровня градостроительство, торговля и связанное с ней монетное дело². Достаточно отметить, что на территории Кыргызстана в XI–XII вв. чеканили деньги на монетных дворах городов Узгенда, Оша, Барсхана (на Иссык-Куле), Баласагуна (близ Токмака), Шельджи (с. Кировка в Таласской долине). Монетные дворы средневекового Кыргызстана выпускали медные фельсы, серебряные дирхемы и, правда, очень редко, — золотые динары. На этих трех китах и зиждилась финансовая система государства Караханидов, которая нашла свое отражение в кладах.

В X — начале XI в. тюркские владыки выпускали дирхемы из серебра высокой пробы. Такие монеты были найдены в кладах на городище Шиш-Тюбе. В 1960 г. студент истфака КГУ М. Оморов, серьезно увлекавшийся археологией, в который уж раз обследовал развалины средневекового городища. Оно располагалось близ дома

¹ *Смирнова О. И.* Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М., 1981. С. 60–61.

² *Караев О.* История Караханидского каганата (X — начало XIII в.). Фрунзе, 1983.

студента в городе Кара-Балта, потому такие обследования были довольно частыми. Были они результативными. В свое время М. Оморов, лучше всех знавший топографию развалин, нашел в пределах стен средневекового городища более древнее поселение, собрал интересную коллекцию материальной культуры, которую передал в музей средней школы № 10 столицы республики. Среди его находок особенно интересны терракотовая личина согдийца с лихо закрученными усами и крылатый горный козел на донце поливного блюда. Обе находки войдут в историю изобразительного искусства средневекового Кыргызстана. И вот теперь — клад¹.

На старых городищах лучшее место для сбора подъемного материала то, где работает сельхозтехника. Пласты земли переворачиваются, то, что было скрыто, — обнажается. Как правило, наиболее частыми находками на городищах бывает керамика. Поэтому студент несколько не удивился, когда на полоске взрыхленной бульдозером земли увидел слегка поврежденный ножом машины верх сосуда. После расчистки стало ясно, что сосуд был необычной формы: бочонок, в верхней крышке которого узкая щель. Кубышка! Что же в ней? А в ней оказалось тридцать высокопробных серебряных монет, обломки серебряных украшений и проволоки, около 1 000 целых монетных кружков и несколько сотен обломков.

Кубышку-копилку М. Оморов передал в музей школы № 10, а монеты изучил и, будучи уже доцентом исторического факультета КГУ, издал (в соавторстве с нумизматом М. Н. Федоровым)².

¹ По результатам собственных разведок М. Н. Оморов написал дипломную работу «Городище Шиш-Тепе» (1962).

² Оморов М. Н., Федоров М. Н. По поводу клада караханидских монет с городища Шиш-Тепе // Тр. КГУ. Серия историч. наук. Вып. XIII. Фрунзе, 1975. С. 63–70.

Клад оказался очень редким, если не уникальным. Как было установлено, он состоит из двух кладов и создавался, по меньшей мере, на протяжении двух поколений.

Сначала в копилку поместили тридцать серебряных монет. Они были выпущены между 1016 и 1027 годами на монетных дворах Восточного Туркестана и Средней Азии. Особо порадовали специалистов два дирхема, выпущенные монетным двором Куз-Орду, который функционировал всего в 120 км к востоку от Шиш-Тюбе в городе Баласагуне (близ Токмака). Они помогли уточнить важную для истории средневекового Кыргызстана дату. Видный историк XI в. Абу-л-Фазл Байхаки писал о вмешательстве могущественного султана Махмуда Газневи в борьбу между караханидскими ханами Кадыром и Туганом за город Баласагун. Махмуд помог Кадыру и тот захватил Баласагун в 1030 г. Уж не знаем, по какой причине, но здесь историк допустил хронологическую неточность. Дело в том, что в кубышке, найденной студентом, было два серебряных дирхема, выпущенных в Баласагуне: один от имени Туган-хана в 1025–26 г., другой от имени Кадыр-хана в 1026–27 г. Кому в подобных случаях верят ученые, авторитетному историку или монете? Конечно, монете, ибо она является наиболее объективным и беспристрастным носителем хронологии. Отсюда следует, что Кадыр-хан занял Баласагун отнюдь не в 1030 г., а в 1026–27 г. Вторая часть клада, состоявшая из медно-свинцовых дирхемов, стала откладываться только через 30 лет после выпуска самого «молодого» серебряного дирхема (1027 г.).

Недолго Караханиды чеканили дирхемы из высокопробного серебра. В XI–XIII вв. весь мусульманский Восток был охвачен серебряным кризисом. Он начинался и завершался в разных регионах не в одно и то же время, развивался разными темпами и приобретал различные формы. Особо остро нехватка серебра для выпуска денег ощущалась в Восточном Караханидском каганате, в состав которого

входила тогда территория современного Кыргызстана. Монетные дворы Семиречья и Ферганы в начале второй половины XI в. стали чеканить монету из сплава меди со свинцом. Внешне они были непривлекательны: разные размеры, толщина и вес, неправильная форма, «рваные» края. Несмотря на то, что в составе этих монет совсем не было серебра, в надписях они названы дирхемами, т. е. предназначались для сферы серебряного обращения. Медно-свинцовые дирхемы по сути дела были государственными фальсификатами с принудительным курсом обращения. Население прекрасно знало их истинную цену, но принимало, так как нуждалось в средствах обращения.

Крупные клады медно-свинцовых дирхемов известны исключительно в Северном Кыргызстане. Только на городище Беловодская крепость (севернее села Беловодское Московского района) было найдено два крупных клада. К сожалению, в руки ученых оба попали не в полном составе. Первый клад был найден еще в 1941 г. у реки Ак-Суу на островке. Монеты лежали в глиняном сосуде. Часть их тут же разобрали местные жители и только 3045 экземпляров попали в Исторический музей.

Точно такая же история приключилась и со вторым кладом. Его нашли весной 1970 г. в селе Беловодском при рытье котлована под новый дом во дворе Салпагаровых. В котловане был обнаружен большой глиняный хум с позеленевшими от времени монетами. Весть о находке клада взбудоражила соседей. Каждый, кто приходил во двор Салпагаровых, дивился находке и, уходя, уносил горсть, а то и две ценных только для науки монет. Огромный клад таял с катастрофической быстротой. Хорошо, что о находке узнал местный краевед И. Трофимов. Он прекратил бессмысленное разграбление клада, собрал оставшиеся монеты и сдал их в Исторический музей. О трагической судьбе второго Беловодского клада сотрудник музея — археолог и нумизмат Б. Д. Кочнев опубликовал в 1970 г. статью,

в которой рассказал о значении монет как источника по средневековой истории Кыргызстана и обратился к читателям газеты с просьбой вернуть монеты. Часть читателей вняли просьбе ученого и в музей поступило еще несколько сотен монет. Всего из состава второго Беловодского клада в Исторический музей попало 2245 экземпляров медно-свинцовых дирхемов¹.

К сожалению, подобное повторилось весной 1976 г. В двух километрах к северо-западу от центральных развалин городища Шиш-Тюбе велась планировка развалин древних строений под запашку. Археологов для предварительного изучения уничтожаемых памятников истории, как повелось, не пригласили. Бульдозер врезался в один из холмов, который был когда-то домом горожанина. Вдруг из-под ножа его посыпались монеты. Механизаторы собрали их, расчистили место находки. Оказалось, что монеты лежали в двух хумах на глубине около полутора метров. Один из бульдозеристов собрал 3572 медно-свинцовых дирхема и сдал их в республиканский Исторический музей. Однако значительная часть монет опять была растащена «любителями древностей». Для археологического надзора за планировкой местности был направлен археолог Д. Ф. Винник. Ему удалось собрать здесь еще 1287 монет. По сути дела, при планировке средневековой постройки на городище Шиш-Тюбе было найдено два клада, очень близких по составу. Конечно, каждый из них должен был обладать некоторой спецификой. Увы! Монеты перемешались. Их невозможно изучать как разные клады, поэтому предполагаемая специфика уже никогда не будет установлена².

¹ *Кочнев Б. Д., Федоров М. Н.* Два клада караханидских дирхемов середины XI в. из Киргизии // Нумизматика и эпиграфика. Т. XI. М., 1974.

² *Винник Д. Ф., Федоров М. Н.* Два клада караханидских дирхемов с городища Шиш-Тюбе // Киргизия при Караханидах. Фрунзе, 1983.

Земля Кыргызстана скрывала в себе и не столь крупные собрания монет. Клад медно-свинцовых дирхемов середины XI в. был найден в 1974 г. при ремонте арычной системы в столице республики на пересечении улиц Алма-Атинской и Салиевой. Рабочие доставили 512 монет в Институт истории АН Кыргызстана и передали их археологу А. К. Абетекову. Еще раньше около тысячи дирхемов было обнаружено в селе Петровка Московского района, правда, в Исторический музей из них попало всего около сотни монет¹.

При раскопках городища Ак-Бешим в 1953 г. был найден клад из 75 монет, закопанный в развалинах буддийского храма. Чекан середины XI в.²

В 1958 г. в Оше во дворе средней школы им. Калинина под корнями старой чинары был найден глиняный горшок на глубине 1,5 м с 399 медными посеребренными дирхемами. Здесь же лежало три витых серебряных браслета. Клад хранится в Ошском краеведческом музее.

Во время строительства электролампового завода в г. Майли-Сай (в Ошской области) в 1968 г. рабочие обнаружили глиняный сосуд с медными посеребренными дирхемами XII в. Монетных кружков в кладе было больше сотни. Только 17 из них попали в фонды Исторического музея. Три монеты оказались в Ферганском областном краеведческом музее. Остальные монеты стали сувенирами свидетелей находки клада.

Примеры можно умножить. Однако сказанного вполне достаточно, чтобы читатель понял: недра Кыргызстана сохранили для нас самое богатое собрание медно-свинцовых дирхемов, которые являются важным источником по истории республики во времена Караханидов.

¹ Советская Киргизия. 1975. 28 марта.

² Давидович Е. А. Ак-Бешимский клад караханидских монет XI в. // Тр. КАЭЭ. Т. II. М., 1959. С. 242.

Но чтобы эти монеты стали историческим источником, их надо изучить. А это, ох, как трудно! Во-первых, монеты, пролежав в земле более 900 лет, попадают в руки ученых окисленными. Для того, чтобы прочитать текст на них, монеты нужно сперва очистить. И спешить здесь нельзя, так как легко можно повредить легенду (текст). Во-вторых, тщательно очищенная монета зачастую оказывается сильно потертой из-за длительного обращения. Читабельны, и то не всегда, только обрывки легенды. В-третьих, даже если монета очищена и текст оказался хорошей сохранности, и тогда правильно прочитать его не так-то просто. На караханидских дирхемах надписи выполнены арабской графикой, но без диакритических знаков. А это допускает разночтения, что ведет к ошибочным историческим выводам. Хлеб ученого-нумизмата горек. Не одну тысячу монет придется рассмотреть и изучить, пока они признают тебя своим и «заговорят», дадут верные сведения.

Кладам свинцово-медных дирхемов Кыргызстана повезло. Их изучали очень опытные ученые. Это академик АН Узбекистана М. Е. Массон (г. Ташкент), профессор Е. А. Давидович (г. Москва), кандидаты исторических наук Б. Д. Кочнев (г. Самарканд) и наш земляк М. Н. Федоров. Изученные ими дирхемы позволили с достаточной определенностью судить о политической карте Кыргызстана в середине XI в., о количестве феодальных уделов, их размерах, переменах границ, сменах правителей, времени их правления, о феодальной иерархии и титулатуре, о ленных пожалованиях и многом другом, чего нет в скудных письменных источниках. Монеты являются ценнейшим источником по истории торговли, торговых связей и экономике Кыргызстана того времени.

В XII–XIII вв. в денежном хозяйстве Средней Азии возросла роль золота. Золотые динары выпускали Караханидские правители Мавераннахра, хорезм-шахи, правители

Хорасана. Этот очень серьезный экономический акт нашел свое отражение и в кладах Кыргызстана.

На территории республики найдено всего два клада золотых монет и оба — на городище Бурана. Первый найден в 1965 г., в Исторический музей Кыргызстана из него поступило 13 целых золотых динаров и множество обломков. Б. Д. Кочневу удалось определить 8 целых монет и 15 обломков. Среди них были монеты выпуска Сельджукидов, Гуридов, хорезм-шахов и Караханидов¹.

Ранней весной 1966 г. учащиеся Чуйской школы-интерната № 2 Коля Коломицкий и Алеша Аккулаков «исследовали» древние развалины недалеко от интерната. В стенке обрыва мальчики увидели глиняный кувшинчик. Откопали, вымыли—пригодится для школьного музея. Кувшинчик был забит землей. Но ребята не стали ее извлекать, так как опасались, что хрупкий сосуд, да еще с трещинами, развалится. Землю вынули только в интернате и под ней на дне кувшинчика обнаружили четыре целых золотых динара и несколько рубленых кусочков от монет. Вес всего золота составил 85 г. По настоянию директора интерната Ф. В. Тимофеева клад был отдан в Республиканский музей. Н. Коломицкий и А. Аккулаков получили соответствующее вознаграждение.

Начало XIII в. было катастрофичным для городов Кыргызстана. Их разрушали пришельцы — неверные каракитая, войска правоверного мусульманина хорезм-шаха Мухаммеда, притеснял степной узурпатор Кучлук. Всех их в 1219 г. разогнала конница Чингисхана. Городской культуре и экономике Северного Кыргызстана был нанесен удар, от которого она так и не оправилась вплоть до второй половины XIX в. Естественно, что в таких условиях

¹ Кочнев Б. Д. Новые нумизматические данные по истории Караханидов второй половины XII — начала XIII в. // Киргизия при Караханидах. Фрунзе, 1983. С. 81.

⁸ Том V. В. М. Плоских

навсегда прекратили свою деятельность все монетные дворы Кыргызстана. Только в XIV в., да и то нерегулярно, функционировал монетный двор в городе Ош. Постепенно монгольские правители Средней Азии Джагатаиды (потомки сына Чингисхана Джагатая) упорядочили денежное обращение. Хан Кепек в 1321 г. провел денежную реформу. Отныне в государстве имели хождение серебряные дирхемы весом 1,4 г и серебряные динары, равные по весу шести дирхемам, т. е. 8,4 г. Число монетных дворов сократилось, все монеты чеканились по единому образцу с обязательным указанием имени правящего хана¹. Имя хана-реформатора Кепека, хотя он и правил недолго (1318–1326 гг.), появилось в русском языке при посредстве золотоордынцев еще в XV в. для наименования мелкой серебряной монеты «копейка» и сохранилось до сих пор.

В Кыргызстане известно два крупных пореформенных клада джагатаидских монет. Первый из них был найден в 1928 г. жителями села Орловка (Таласская долина) во время полевых работ в 5 километрах восточнее села, в урочище Куян-Тугай. Монеты находились в керамическом грубой работы кувшине с узким горлом. Ручка сосуда была отломана. Всего в кувшине было около 600 серебряных монет. Клад был доставлен во Фрунзе и передан в Научно-исследовательский институт республики. Лицу, нашедшему и доставившему клад, было выдано соответствующее вознаграждение. В то время в Кыргызстане не было учено-нумизмата, который мог бы определить монеты и дать им научную оценку. Поэтому исполняющий тогда обязанности директора института С. М. Абрамзон обратился за помощью в Ташкент к известному специалисту М. Е. Массону. Последний смог вырваться во Фрунзе с оказией лишь летом 1930 г. и то лишь на четыре дня. За столь короткое

¹ Федоров М. Н. Нумизматика Средней Азии. Фрунзе, 1977. С. 129–130.

время М. Е. Массон сумел определить большинство из 563 монет. Однако индивидуальные метрологические измерения каждой монеты (вес, размер, степень сохранности, особенности) он смог сделать лишь спустя 13 лет, когда был приглашен во Фрунзе на открытие Кыргызского филиала АН СССР в 1943 г. С огорчением отметил нумизмат, что Таласский клад стал «таять». Всего в кувшине было найдено без малого 600 монет, Институт по акту принял 568, в 1930 г. М. Е. Массон видел уже 563 монетных кружка, в 1943 же году оказалась утраченной еще часть монет, несмотря на то, что клад хранился уже в музее. Эффект «шагреновой кожи», как видим, характерен для большинства монетных кладов Кыргызстана.

Что же рассказал Таласский клад о денежном обращении Кыргызстана в XIV в.? В кладе было 66 динаров и 497 дирхемов. Большинство из них (438) были выбиты на монетных дворах Бухары, Отрара и Самарканда. На монетах упомянуто еще семь монетных дворов, но продукция их исчислялась единицами. Деньги, вошедшие в состав клада, принадлежали трем государствам: Золотой Орде (6 монет), независимым шахам Бадахшана (2 монеты) и державе среднеазиатских Джагатаидов (555 монет). Большинство монет (55,6%) было выпущено при хане Гармаширине (1326–1334 гг.). На монетах упомянуты имена еще одиннадцати джапатаидских ханов, двух шейхов Бадахшана и трех золотоордынских (джучидских) правителей. Все это свидетельствует о том, что имелась теснейшая экономическая и торговая связь Таласской долины с Мавераннахром (междуречьем Амударьи и Сырдарьи). Самая «старая» из джучидских монет клада была выпущена при хане Кепеке в 1321 г., а самая «молодая» отчеканена от имени хана Шах Тимура в 1358 г. Кувшин

с монетами был зарыт вскоре после 1358 г. и пролежал в земле почти 600 лет¹.

К какому слою населения принадлежал таласский житель XIV в., спрятавший кувшин с деньгами в землю близ современного села Орловки? Для этого нужно выяснить «покупательную способность» его сбережений. Если перевести дирхемы клада в динары (1:6) и добавить имевшиеся в составе 66 динаров, то получится сумма примерно 149 динаров. Как раз в период, охваченный хронологией клада, по Золотой Орде и государству Джагатаидов путешествовал молодой, но уже известный богослов и землепроходец Ибн Баттута. Он занимался бытовыми торговыми операциями и поэтому в его повествовании о Средней Азии есть упоминания о ценах того времени. Например, замученных длительным переходом упряжных лошадей караванщики продали по 4 динара за голову, хороший скакун в Хорезме стоил 35 динаров, комплект одежды — 10 динаров, соболья шуба, которую хан Тармаширин подарил Ибн Баттуте, оценивалась в 100 динаров².

Владелец Таласского клада, исходя из данных путешественника, на свои 149 динаров мог купить табун в 37 голов плохих лошадей или 4 отличных скакуна, мог приобрести 15 комплектов обычной одежды или полторы собольих шубы. При определении социального статуса владельца клада сразу исключим две противоположности — высшую знать и бедноту. Удельный князь Хорезма, например, подарил Ибн Баттуте 1000 дирхемов, а его супруга — соболью шубу и хорошего коня, хан Тармаширин, не моргнув глазом, преподнес 700 динаров и соболью шубу. Ну, а беднота

¹ *Массон М. Е.* Исторический этюд по нумизматике Джагатаидов. (По поводу Таласского клада монет XIV в.) // Тр. САГУ им. В. И. Ленина. Археология Средней Азии. Вып. IV. Ташкент, 1957. С. 41–100.

² *Ибраимов Н.* Ибн Баттута и его путешествие по Средней Азии. М., 1988. С. 72, 77, 78, 87.

исключается потому, что во все времена у всех народов едва-едва сводила концы с концами.

Не принадлежал владелец клада ни к высшему духовенству (жена кади Хорезма свободно распоряжается суммой в 100 дирхемов), ни к среднему купечеству. Ибн Баттута приводит эпизод с купчиком, который оперировал суммой в 600 дирхемов. Скорее всего, Таласский клад принадлежал человеку среднего достатка. Он мог быть хорошим ремесленником, городским торговцем, настоятелем мечети в небогатой общине мусульман, десятником в войске феодала и т. п.

Второй крупный клад пореформенного джагатаидского серебра был найден в окрестностях города Бишкека. Он не может быть описан, так как был целиком похищен и вывезен за пределы республики¹.

Самыми «молодыми» средневековыми денежными кладами в Кыргызстане являются сокрытые на Сулейман-горе в городе Ош медные фельсы (фулусы), выпущенные в оборот потомками Тимура. Здесь найдено три клада фельсов. В декабре 1924 г. на мусульманском кладбище, расположенном на южном склоне горы, копали могилу и нашли ведро с медными монетами. Часть их, как и всегда, разошлась по рукам, другая — оставалась в могиле, так как находившиеся здесь представители местного духовенства запретили изымать из нее монеты. При этом присутствовал любознательный школьник Г. Д. Аджигирей, который собрал у людей и зарисовал свыше полутораста монетных кружков. Эти зарисовки изучил М. Е. Массон и определил, что монеты клада относятся к XV в.

Второй клад монет был найден на той же горе в 1925 г. Он был зарыт в глиняном сосуде. Только 36 экземпляров из этого клада попало к профессору Н. Л. Корженевскому,

¹ Об этом подробнее см. раздел «Законы и клады».

который 6 марта 1926 г. передал их в Главный среднеазиатский музей (г. Ташкент). Все они оказались медными фельсами Тимуридов XV в. Подавляющее большинство их (25 штук) было выбито в Бухаре, десять — в Кашгаре. Один кружок не поддавался определению из-за плохого состояния.

Больше повезло третьему кладу с Сулейман-горы. Он был найден летом 1954 г. жителем г. Ош под камнем у самого подножья горы. В составе клада 300 монет и все они (или почти все) поступили в республиканский Исторический музей. В феврале 1954 г. археолог П. Н. Кожемяко доставил для определения М. Е. Массону в Ташкент 30 монет из этого клада. Они заинтересовали ученого, и тогда из Фрунзе ему была направлена для изучения 251 монета. Самая ранняя монета клада была выбита в Ширазе (селение под Самаркандом. Не путать с иранским городом Шираз!) в 1420 г., наиболее поздняя выпущена в Герате в 1458—1459 гг. Клад, таким образом, как установил М. Е. Массон, был схоронен примерно в середине третьей четверти XV в., но, видимо, до того, как в Фергане стал править Омар-Шейх, отец поэта и завоевателя Бабура. Некоторые монеты клада выполнены очень небрежно, варьируют в размере и весе, рисунок матриц зачастую больше площади монеты, сами матрицы вырезались мастерами (*мухракамами*) низкой квалификации, чеканчики монет (*зарабоны*) зачастую были мало искусны. Однако нельзя спешить с напрашивающимися историческими выводами. Все эти признаки в совокупности свидетельствуют не об упадке, а напротив, об интенсификации экономической жизни в стране и, как следствие этого, — возросшей потребности внутреннего рынка в медной монете.

В составе клада было 125 монет, выбитых в Бухаре, 46 — в Кашгаре, 42 — дуглатского чекана Восточного Туркестана. На единичных экземплярах значились монетные дворы Орду, Шираза, Герата, Хутталана, Самарканда.

На некоторых были надчеканы Андижана, Карши, Термеза, Шахрухии¹. Как видим, клады с Сулейман-горы рассказали нам много больше о торговых связях средневекового Оша, чем все письменные источники, вместе взятые.

Столь широкие связи от Герата до Кашгара, зафиксированные не в золотой и серебряной монете, которая является ценностью сама по себе, а в расхожей медной, и предположить было трудно.

Не случайно, на наш взгляд, в составе кладов преобладают монеты чекана Бухары и Кашгара. Ош XV в. имел с этими городами какие-то еще не выясненные особые торговые взаимоотношения. Достоинно внимания и то, что в кладах на Сулейман-горе не было ни единой монетки, выбитой в Оше. Это свидетельствует об исчезновении в XV в. последнего (ошского) монетного двора на территории современного Кыргызстана, который функционировал еще в XIV в.

* * *

До чего же часто деньги оказывались зарытыми в землю! Периодические издания в информационных рубриках типа «Калейдоскоп» не упускают случая, чтобы не сообщить о вновь открытых кладах. В Польше найден горшок с серебряными испанскими талерами, в Сирии — кожаный мех с римскими динариями, в Египте деньги прятали, казалось бы, штатные бессребреники — монахи Коптского монастыря Дейр аль-Абьяд. В ходе реставрации под полом одной из келий нашли кувшин с 400 византийскими золотыми монетами VI–VII вв. Спустя несколько дней в другой келье также нашли кувшин с 420 золотыми монетами².

¹ *Массон М. Е.* Клад медных монет XV века из Оша // ЭВ. Вып. XIII. 1960. С. 110–124.

² Известия. 1988. 6 янв.

В день завершения авторами этого раздела появилось сообщение: в окрестностях французского города Абвиля (департамент Сома) в ходе строительства нового предприятия был найден ценнейший клад, в состав которого входило 7 тысяч серебряных монет, выпущенных в Риме в III в.¹

Статистика показывает, что деньги зарывали не только очень богатые или просто состоятельные люди. Находили кувшины, в которых было до десятка медных монет, какие-то «железки», грошовые украшения. Видимо, были случаи, когда деньги хоронили все, кто их имел хоть малую толику. Почему же люди прятали деньги в землю? Причин могло быть много. Относительно каждого конкретного клада с достоверностью установить их никогда не удастся. Но есть два глобальных побудительных мотива, когда человек брал лопату или кетмень, искал укромное место, дожидался темной ночи и зарывал свои деньги. Это — война и инфляция.

«Горе побежденным» — пожалуй, единственный принцип, который всегда осуществлялся во время военных действий. Если первая заповедь Марса — убийство, то вторая — грабеж. Люди знали это и старались застраховать себя. Так образовались многие неостребованные клады. Победители хорошо знали, что деньги где-то припрятаны и искали их. Ибн Баттута, например, рассказал о поисках клада по приказу самого Чингисхана в одном из разрушенных тохаристанских городов. Поводом к этому необдуманному приказу послужила старая притча, согласно которой некая женщина пристыдила одного из Аббасидских халифов тем, что отдала свое платье в уплату немислимо крупного побора с города. Платье было шито драгоценными камнями, стоимость которых даже превышала неслыханную сумму, затребованную халифом. Владыка

¹ Советская Киргизия. 1989. 25 марта.

правоверных оказался великодушным и вернул платье. Но если женщина решила досадить кому-то, а это не удалось, разве ее остановишь? Она не пожелала даже прикоснуться к одежде, которую видел мужчина не из ее рода и продала драгоценность. Но и это не все. Она даже не сочла возможным воспользоваться деньгами, вырученными за платье, которое видел халиф. Вся сумма пошла на постройку целого архитектурного ансамбля в родном городе, состоящего из мечети, караван-сарая и странно-приимного дома. Постройки были шикарными, но и на них ушло только две трети стоимости платья. Тогда женщина приказала зарыть оставшиеся деньги под одной из колонн мечети.

«Чингиса осведомили об этой истории,— писал Ибн Баттута, и он приказал разрушить колонны мечети. Около трети их было сломано, но ничего не нашли. Остальные оставили»¹. В рыночной практике сплошь и рядом наступали времена, когда деньги вынуждены были менять свою активную жизнь на затворничество в тайниках. Это случалось тогда, когда денег было много, а товаров мало. Тогда деньги падали в цене и росла дороговизна. Умные люди старались попридержать «денежку» до лучших времен. Деньги превращались в мертвое сокровище, которое оживало лишь тогда, когда рынок ощущал денежный голод, а товары падали в цене. Это вторая глобальная причина появления кладов. В этом случае они обретали функцию регуляторов нормальной работы рыночных механизмов².

Клады будут находить еще и еще. Возможно, их отыщет наш читатель, его сосед, знакомый. Важно, чтобы клад без единого изъятия, целиком и полностью попал в руки специалистов. Тогда он будет полноправным и максимально

¹ *Ибраимов Н. Ибн Баттута. С. 95–96.*

² *Рябцевич В. Н. О чем рассказывают монеты. С. 46–47.*

компетентным свидетелем своего времени. От этого выиграют историческая наука, интеллектуальный потенциал республики, а это значит, что и мы с вами.

ЗАГАДКА УСТО АХМАДА (Клад гидростроителей Токтогульской ГЭС)

*Благословение, и благо, и здравие,
и счастье, и радость, и владельцу
сего в помощь.*

**Арабская надпись на бронзовом
сосуде XII в.**

Снос или перемещение памятников истории и культуры, в том числе и археологических, по нашему законодательству запрещен. Однако законом предусмотрены исключения, когда это связано с острой хозяйственной необходимостью. В этом случае заинтересованная организация должна получить разрешение правительства республики на снос или перемещение памятника, но с условием, что обреченная древность будет изучена специалистами. Все расходы на изучение, согласно закону, осуществляются за счет организации, получившей такое разрешение¹.

В конце 50-х годов такое разрешение получила Дирекция Токтогульской ГЭС, а в 60-х годах в зоне строительства её развернулись крупные археологические работы. Руководил ими кандидат исторических наук Исман Кожомбердиев. В долине Кетмень-Тюбе, которая подлежала частичному затоплению, было немало древних могильников и средневековых городищ. В многолетнем их изучении приняли участие многие специалисты, в том числе и авторы этих строк.

Заранее скажем, что археологи перевернули тысячи кубометров земли, сделали крупные научные открытия, но ни одного клада не нашли. Как и должно быть, он был найден теми, кто его не искал.

¹ Об охране и использовании памятников истории и культуры: Закон Киргизской ССР. Фрунзе, 1978. С. 47.

Запомнился августовский день 1965 г., когда мы приехали в поселок гидростроителей Кара-Куль. Жара в каньоне Нарына была выше 40°. Ни ветерка, ни дуновения. А потому мы испытывали ни с чем не сравнимое удовольствие, попав в тенистый дворик дома директора строящейся Токтогульской ГЭС В. К. Байбуза. Прохлада, зеленый чай, дружеская беседа. И сам директор, и начальник стройки З. С. Серый, и непосредственный строитель нового поселка Токтогул Ш. Э. Эльчибаев, отвечавшие за финансирование наших раскопок, давно стали друзьями археологов, постоянно интересовались результатами исследований, приезжали на объекты, помогали техникой. В. К. Байбуз подписал нашу финансовую документацию, и мы стали откланиваться.

— Исман, — сказал Виктор Константинович на прощанье, — а ты знаешь, что мои хлопцы нашли клад?

Так мы впервые узнали про клад, найденный гидростроителями в узком ущелье, где теснились домики поселка Кара-Куль. Оказалось, что бульдозеристы копали водоем («Комсомольское озеро») и наткнулись на бронзовый кувшинчик. Тогда они аккуратно, лопатой и ножом, расчистили место находки и обнаружили все остальное. Сотрудник техотдела А. И. Дайненко собрал древние вещи и отнес в помещение дирекции, где они и хранились, пока не попали к нам.

Клад состоял из пяти предметов из бронзы. Металл сохранился хорошо.

1. Чаша полусферическая, венчик немного отогнут, высота 10,8 см, диаметр 21,6 см. Заметна большая трещина на крае. Вся внешняя поверхность чаши заполнена богатым восточным орнаментом, размещенным в десяти горизонтальных полосах и четырех медальонах. Четвертая сверху полоса — красивая вязь арабской надписи, которая гласит: «И счастье, благополучие, и счастье, и счастье». Боковые медальоны заполнены пальметами

и надписью: «И счастье, и счастье, и счастье.» Даже дно сосуда украшено красивыми медальонами с обеих сторон. С внешней стороны изображен идущий вправо павлин. Голова его повернута назад к высоко поднятому распущенному хвосту. На медальоне с внутренней стороны — растительный узор.

Чаша выглядит очень нарядной, мастерство чеканщика — совершенно.

2. Чаша той же формы, но меньше в диаметре. Большая часть дна выломана. Стенки, в отличие от первой чаши, украшены очень бедно. Мотив орнамента примитивный: ряд кружков с точкой, помещенных между двумя параллельными выгравированными линиями.
3. Подставка-кольцо на трех ножках. Высота ее 8 см, диаметр 18,7 см. Литье. Верх широкого кольца имеет шесть фигурных выступов в виде трилистника. На них выгравирован растительный орнамент. Ножки отлиты в виде звериных лап, которые венчает головка круторогого барана.
4. Фрагмент кольца от такой же подставки с одним выступом-трилистником, заполненным растительным орнаментом.
5. Кувшин, тулово грушевидное на конической подставке. Шейка высокая, восьмигранная, заканчивается шаровидным расширением с приподнятым длинным носиком-сливом. На тулове кувшином каллиграфическим шрифтом вырезана надпись мастера: «Сделал Ахмад». Высота кувшина 25 см, ручка и крышка выломаны, дно отпаялось, на стенках сосуда вмятины и трещины.

Отдельные находки подобных изделий из бронзы известны на территории Средней Азии и Ирана. Немало их в Кыргызстане. В экспозиции и в фондах республиканского Исторического музея имеются несколько богато орнаментированных чаш, ступки, части бронзовых светильников. Еще

более богатая коллекция средневековой бронзы хранится в Ошском краеведческом музее. На городище Бурана найден полный комплект массивного бронзового светильника. Учащиеся школы № 10 г. Бишкека отыскали на городище «Кузнечная крепость» светильник на трех ножках. В районе села Чон-Арык (южнее г. Бишкека) найден комплект из двух чаш, очень напоминающих каракульские. Одна из них богато украшена гравированным орнаментом, другая — только рядом кружков с точкой (хранятся в Чуйской школе-интернате). Частые находки средневековых изделий из бронзы и их большой ассортимент позволяют заключить, что они были рядовой продукцией многих мастерских.

Что же нового при таком обилии подобных изделий может дать исторической науке клад гидростроителей из города Кара-Куль?

На этот вопрос ответил крупнейший специалист по средневековой бронзе Средней Азии сотрудник Эрмитажа А. А. Иванов, которому И. Кожомбердиев передал клад для изучения¹.

Прежде всего, все вещи клада относятся к XI—XII вв., хотя время сокрытия их точно установить трудно. Состав его неоднороден. Здесь собрана продукция разных мастерских, а скорее, даже разных ремесленных центров Мавераннахра, Хорасана и еще неопределенных (кольцевая подставка на трех ножках). Каракульская находка является комплектом бытовых предметов одного хозяйства и свидетельствует о торговых связях населения горного Кыргызстана с крупными ремесленными центрами средневекового Востока.

Наибольший интерес в составе клада из Кара-Куля вызывает изящный кувшинчик с указанием имени мастера: «Сделал Ахмад». А. А. Иванову было известно десять находок кувшинов такой формы, иногда почти полностью

¹ *Иванов А. А., Кожомбердиев И. К.* Клад бронзовых вещей из Кетмень-Тюбе // Киргизия при Караханидах. Фрунзе, 1983. С. 193—202.

совпадающих по размерам и пропорциям. Все они были найдены в северо-восточных областях Средней Азии. К ним можно добавить одиннадцатый, входящий в так называемое узунское собрание бронзы (или Лягманский клад) в Южном Таджикистане, который по месту находки выпадает из раннее очерченного ареала распространения таких кувшинов¹. Но самым интригующим было то обстоятельство, что на шести из одиннадцати кувшинов-близнецов была выбита арабская (почерк куфи) надпись: «Сделал Ахмад».

Сосуды с автографом этого мастера были найдены также в селении Кара-Кишлак (Фергана) и близ Ходжента. Два кувшина с надписью «Сделал Ахмад» хранятся в Ошском краеведческом музее. Они найдены на территории города Оша. Шестой кувшин с указанием имени мастера Ахмада хранится в Эрмитаже. Он был куплен в 1936 г. у жителя Средней Азии Д. М. Юсупова, который и сам не знал точного места его находки.

Что же, случай довольно редкий, позволяющий определить не только серию предметов, сделанных в одной мастерской, но и широту территориальной торговой зоны такой мастерской, т. е. рынок сбыта её продукции. Но прежде всего нужно уточнить, где же находилась мастерская усто Ахмада? Одни ученые, отвечая на этот вопрос, были слишком категоричны, утверждая, что усто Ахмад делал свои кувшины в окрестностях Ходжента, другие, более осторожные, полагали, что усто творил где-то на северо-востоке Средней Азии². Два кувшина с надписью «Сделал Ахмад», недавно найденные в городе Оше, позволяют предположить,

¹ Литвинский Б. А., Соловьев В. С. Средневековая культура Тохаристана (в свете раскопок в Вахшской долине). М., 1985. С. 183–184.

² Негматов Н. Н., Хмельницкий С. Г. Средневековый Шахристан (Материальная культура Уструшаны). Вып. 1. Душанбе, 1966. С. 179–181; Иванов А. А., Кожомбердиев И. К. Клад бронзовых вещей из Кетмень-Тюбе. С. 199.

что мастерская знаменитого усто могла располагаться если и не в самом средневековом Оше, то где-то поблизости от него — в восточной части Ферганской долины.

Когда же создавал Ахмад свои маленькие бронзовые шедевры? На этот вопрос пока нет однозначного ответа. А. А. Иванов полагает, что мастер творил во второй половине XI — начале XII вв.¹ Другой крупный специалист по средневековой торевтике Б. И. Маршак считает, что серия кувшинов с именем Ахмада изготовлялась из поколения в поколение подражателями на протяжении длительного времени. А так как мастер Ахмад прославился, то подражатели ставили на части своих изделий его имя, которое стало чем-то вроде «знака качества»².

Как бы там ни было, изделия ферганского ремесла находили спрос и среди избалованных товарами высокого качества самаркандцев и среди менее требовательных скотоводов Тянь-Шаня. В наше время, став экспонатами, изделия усто Ахмада хранятся в музеях Оша, Ходжента, Ленинграда, Стокгольма. Каракульский экземпляр пополнил фонды Института истории АН Республики Кыргызстан.

Тщательного изучения заслуживают два загадочных предмета из состава Каракульского клада — подставка-кольцо на трех ножках и фрагмент такой же подставки. Находки таких вещей крайне редки. Еще два подобных предмета найдены в Ферганской долине и один — в составе уже упомянутого узунского собрания средневековой бронзы. Малочисленность находок не дает возможности разработать их типологию, надежно датировать и даже точно определить их функциональное назначение в хозяйстве. Специалисты относят эти вещи к XI–XIII вв. Возможно, каракульская

¹ *Иванов А. А.* О производстве бронзовых изделий в Мавераннахре в домонгольское время // КОИА. Вып. 122. — 1970. С. 104–105.

² *Маршак Б. И.* Бронзовый кувшин из Самарканда // Средняя Азия и Иран: Сб. статей. Л., 1972. С. 86.

находка когда-то служила подставкой для круглодонного котла или другого полусферического сосуда. Район изготовления таких подставок «остается совсем не определенным»¹.

Нам удалось осмотреть две подставки из Ферганы, которые хранятся в Государственном Эрмитаже (куплены Н. И. Веселовским в Аште) и в Музее искусств народов Востока (найдена близ Ахискета). Их сближает с каракульской характерная деталь: на изгибах ножек изображены стилизованные головки рогатых козлов или баранов. На круто загнутых рогах их видны едва заметные бугорки, передающие годовые кольца². Полусферический сосуд на такой подставке выглядел как бы держащимся на рогах трех козлов.

Полусферический сосуд, покоящийся на рогах трех козлов (баранов), — древняя и удивительно стойкая традиция Семиречья. Так, на озере Иссык-Куль был найден бронзовый котел, ножками которого служили три погрудных изображения рогатых архаров. Котел был отлит в V—III вв. до н. э. В средневековых городах Северного Кыргызстана подобная модель воплощена в терракоте. Нам известна серия светильников-аташданов, у которых резервуар поддерживается рогами трёх козлов (городища Ключевское, «Кузнечная крепость»)³. Такие светильники были «в моде» в VI—IX вв.

¹ Иванов А. А., Кожомбердиев И. К. Клад бронзовых вещей из Кетмень-Тюбе. С. 200; Воронина В. Л. Бронзы Ахискета из собрания А. И. Смирнова // Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977. С. 136.

² В. Л. Воронина не обратила внимания на эту деталь. А. А. Иванов, на наш взгляд, неточно назвал изображения козлов головками птиц. На узунском экземпляре головки животных отсутствуют вообще.

³ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.; Л., 1952. С. 44—45; Мокрынин В. П. Реплики скифского «звериного» стиля в искусстве средневекового Тянь-Шаня // Тез. докл. III Всесоюз. конф. по вопросам скифо-сарматской археологии. Е., 1972. С. 62—63.

⁹ Том V. В. М. Плоских

Мы далеки от мысли утверждать, исходя лишь из глубокой традиционности, что подставки-кольца, подобные каракульской, изготовлялась в средневековых городах Семиречья, хотя известно, что барсханские мастера на Иссык-Куле в X—XI в. производили металлическую утварь¹. Тем не менее, при определении специалистами возможного района производства вещей подобного рода нужно учитывать и Семиречье.

Узгенский клад. Найден при хозяйственных работах в одном из личных подворий в г. Узгене года три-четыре тому назад. Вещей было очень много: чаши, кувшины, светильники, подносы, треноги, тазы и многое другое. Из Узгена клад был передан в среднюю школу села Куршаб. В 1989 г. директор Ошского исторического музея А. Аданов и его сотрудники убедили коллектив школы в том, что место столь ценной находки — в областном музее. Правда, небольшая часть вещей лучшей сохранности осталась в школе. Клад, таким образом, оказался разрозненным, что весьма нежелательно. С этой замечательной находкой мы ознакомились лишь в марте 1991 г. С первого взгляда стало ясно, что перед нами замечательная коллекция бронзовых изделий мастеров IX—XII вв. Клад нуждается в срочной реставрации и консервации, так как часть вещей из его состава очень плохой сохранности. Более подробно об Узгенском кладе мы расскажем читателям после его детального изучения.

¹ Мокрынин В. П. Сведения о тюркских народах в минералогическом трактате ал-Бируни // Киргизия при Караханидах. Фрунзе, 1983. С. 215.

КЛАД ЖАЛАУЛЫ И ГРАБИТЕЛИ «Могильного золота»

*Пустыней пробираясь через силу,
Мы раскопали древнюю могилу.
Увы! Напрасно рыщут наши взоры, —
Здесь в древности орудовали воры.*

В. А. Лившиц

Этот клад пока не знаменит. Ему не посвящены тяжелые тома специальных штудий. За ним будущее. Он будет знаменит. Ведь он еще так молод, несмотря на то, что некоторые его составные имеют почтенный возраст в 2700 лет.

Весной 1988 г. в Казахстане был найден совсем необычный клад — клад грабителя древних курганов. Произошло это в небольшом аиле Жалаулы Кегенского района Алма-Атинский области.

...Приход весны в горах Ала-Тоо всегда прекрасен. Тают снега, пробивается зеленая трава, быстрые ручьи устремляются вниз. Вешние воды размывают склоны гор. Оживающие ущелья притягивают к себе людей, особенно детей. Так было и 12 мая 1988 г. — шестиклассники Канат Ажигулов, Айкын Шыныбаев, Тынышбек Мукажанов и Ермек Мухаметжанов отправились на прогулку. Они, конечно, и не мечтали о том, что через несколько минут сделают открытие. И вдруг... Кто-то прямо в ручье заметил маленькую желтую фигурку архара. Рядом — олень. Еще один... Еще... И пошло... Несколько выше по ручью нашли грязный войлочный мешочек, из которого вода вымывала сокровища. Всего в тот день дети собрали 634 шедевра древних ювелиров. Почти все — из высокопробного золота.

Хорошо, что клад в абсолютно полном составе сразу попал в руки одного из самых авторитетных археологов Казахстана Бекена Нурмуханбетова. «Не один год работал я в этом районе, — рассказывает ученый, — и всегда

при раскопках ждал особых сюрпризов. По обилию так называемых «царских курганов» окрестности райцентра Кеген являются уникальными для Казахстана. Места эти до сих пор изучены слабо, а самостоятельным кладоискателям сюда ход давно закрыт...»¹

Как видим, «закон (или «правило») клада» подтвердился и в Жалаулы: археолог много лет, целенаправленно, но без успеха вел поиск, а сокровище без всякого труда, случайно нашли дети. Однако исследователь увидел то, чего не могли увидеть школьники. Он сразу понял, что находка уникальна потому, что таких кладов в Средней Азии еще не было. Составляющие его предметы относятся к самым различным хронологическим эпохам — от VII в. до н. э. до V в. н. э. Отсюда вполне обоснованный вывод: клад зарыт безвестным (и преступным перед историей) грабителем древних захоронений.

Перед нами акт приемки сокровищ Жалаулы Центральным государственным музеем Казахской ССР, подписанный представителями администрации и известными учеными К. А. Акишевым и Б. Н. Нурмуханбетовым. (Заметим, что такой акт с величайшим удовольствием подписали бы представители Эрмитажа, Британского музея, Ватиканского музея, Лувра и других крупнейших хранилищ древних сокровищ мира). Обратимся к тексту описи находок, сделанной по горячим следам 15 апреля 1988 г. в поселке Жалаулы².

1. Пектораль (1 шт.). Золото. Имеет форму сплошной полулунницы. На внешней стороне напаяны фигурки

¹ Сообщения о кладе Жалаулы см.: Труд. 1988. 17 мая; Казахстанская правда. 1988. 6 мая; Огни Алатау. 1988, 12 мая; Горизонт. 1988, 11 июня.

² С описью и фотографиями клада Жалаулы нас ознакомил канд. ист. наук Б. Н. Нурмуханбетов, которому авторы выражают искреннюю признательность, Документ публикуется с минимальной стилистической правкой.

архаров. Пектораль (крупное нагрудное украшение) разломана на две части.

2–9. Бляхи наборного пояса (8 шт.). Золото. Имеют форму запятых. С внешней стороны украшены напаянными фигурками архаров и зернью.

10–11. Большая и малая скульптуры лежащих олений (2 шт.). Золото.

12–13. Большая и малая скульптурные композиции, представляющие собой геральдических оленей в зеркальном отражении. В центре композиции летящая птица (2 шт.). Золото.

14–15. Наконечник пояса (2 половины). Представляет собой полуовальную пластину, украшенную с внешней стороны фигурками архаров. Золото.

16–25. Детали наконечника пояса: четыре обломка с напаянными фигурками архаров; три фрагмента пластин, украшенных зернью, три мелких обломочка. Золото.

26–32. Штампованные пластины с изображением пантеры и головы козла (7 шт.). Золото.

33–35. Обломки золотых пластин с изображением пантеры (3 шт.). Золото.

36. Обломки треугольной золотой пластины (1 шт.). С внешней стороны напаяны конические втулки. Золото.

37. Поясная бляха (1 шт.). С внешней стороны украшена растительным орнаментом, с оборотной – напаян стерженек для крепления. Серебро.

38. Звено удил (1 шт.). Бронза.

39–96. Подвески в виде спаянных пучков из трех трубочек каждый. Пучки увенчаны колечками (58 шт.). Золото.

97–134. Подвески в виде одной трубочки с колечком (38 шт.). Золото.

135–158. Звенья наборного пояса в виде обойм (24 шт.). С внешней стороны орнаментированы «елочкой». Золото.

159–180. Обломки звеньев такого же пояса (22 шт.). Золото.

181–205. Обрывки фольги (25 шт.). Золото.

206–624. Бисер (418 шт.). Золото.

Не будем рассуждать о материальной ценности клада, общий вес которого составил 1 кг 350 г чистого золота¹. Клад бесценен для науки. Особый интерес, на наш взгляд, вызывают пектораль, массивные бляхи, «запятыя» и наконечники пояса. Скорее всего, они представляют гарнитур украшений I–III вв., т. е. малоизученного усуньского времени Семиречья. Это прекрасное дополнение к ранее найденной казахскими археологами знаменитой каргалинской диадеме². Ну да научная оценка клада еще впереди, он находится в руках крупнейшего специалиста³. Однако клад Жалаулы разбередил «незаживающие раны» всех, кто занимается курганной археологией. Грабители «могильного золота» и для них — почти личные враги.

Исследователя курганов кочевников обычно ждет разочарование. Многотрудные старания коллектива экспедиционного отряда чаще всего дают минимальный результат. Вот обычная картина, которую фиксирует археолог при завершении работ в погребальной камере: части скелета разбросаны, керамические сосуды разбиты, ценный инвентарь разграблен, малоценный разломан. И виною тому хищническая деятельность грабителей.

При максимуме усердия хороший антрополог и реставратор восстановят разрушенное. А как быть с растащенным? Грабители нарушили самое главное для археолога — комплекс вещей и их взаимное расположение относительно погребенного. И восстановить это уже никто не в состоянии.

Был ли смысл грабить курганы? Судите сами.

¹ Горизонт. 1988, № 67–69. 11 июня.

² Акышев К. Казахстанын коне алтыны. Алматы, 1983. С. 158–169.

³ Полную научную публикацию клада Жалаулы готовит д-р ист. наук К. А. Акишев.

В 1970 г. видный советский археолог К. А. Акишев раскопал курган Иссык с единственным пока нетронутым грабителями погребением юноши IV—III вв. до н. э. «Древнего юношу» метко назвали «золотым человеком». Костюм, головной убор и оружие его были буквально, как чешуей, покрыты высокохудожественными изделиями из золота. Их насчитали свыше четырех тысяч¹. О богатом погребении в ущелье Шамши в Кыргызстане мы уже знаем.

Когда же был составлен клад Жалаулы? Обратимся к истории.

Появился обычай захоронения заупокойных сокровищ, появились одновременно и грабители этих сокровищ. Ни громадные пирамиды или курганы, которые видели все, ни тайно вырубленные в скалах гробницы, вход в которые маскировался под естественный ландшафт, ни труднодоступность и отдаленность местности, ни смертельные ловушки, устроенные людьми, ни гнев богов не могли сохранить богатства умерших от разграбления.

Знали ли о грабежах современники? Конечно. Вслушайтесь в слова одного из древнеегипетских текстов: «Те, кто строил из гранита, кто замуровывал камеру в пирамиду, создавая прекрасные творения, их жертвенные камни так же пусты, как и тех уставших, которые покоятся на берегу, не оставив после себя наследников»².

Разграбление погребений с древности стало доходной, часто наследственной профессией. В Египте только в конце XIX в. была «разоблачена» деревушка Курна, жители которой, начиная с XIII в. до н. э. (т. е. почти 3200 лет!) занимались ограблением гробниц. Ремесло это, как и всякое иное, с незапамятных времен передавалось

¹ Акишев К. А. Курган Иссык. М., 1978.

² Керам К. Боги, гробницы, ученые: Роман археологии / Пер. с нем. А. С. Варшавского. М., 1963. С. 167.

от отца к сыну. Подобной династии воров мир еще не видывал¹.

Имеются сведения об осквернениях и грабежах древних погребений и на территории нашей страны.

Причерноморье. 514 г. до н. э. Полчища персидского царя Дария I Гистаспа напали на скифов. Согласно Геродоту, скифы избрали тактику заманивания персов в глубь своих степей и лихих кавалерийских набегов, избегая решительного сражения. Это было губительно для персов. Дарий быстро понял это и, стремясь принудить скифов к решающей схватке, обвинил царя скифов Иданфирса в трусости, пытаясь таким образом задеть его ратное самолюбие. Ответ царя кочевников был спокойным по тону, но в нем слышались раскаты грозы: «Почему я не тороплюсь сразиться с тобой, объясню тебе это. У нас нет городов, нет засаженных деревьями полей, нам нечего опасаться, что они будут покорены или опустошены, нечего поэтому торопиться с вами в бой. Если бы вам крайне необходимо было ускорить сражение, то вот: есть у нас гробницы предков, разыщите их, попробуйте разрушить, тогда узнаете, станем мы с вами сражаться или нет»². По тексту Геродота, царь Дарий не разорял могилы скифских царей, но из слов Иданфирса можно заключить, что подобный прецедент был возможен.

Центральная Азия

Конец I в. до н. э. Царь гуннов Маодунь (Модэ) в свое время нанес поражение народу ухуаней. Лишь по истечении столетия ухуани оправились от разгрома и решили

¹ Керам К. Боги, гробницы, ученые: Роман археологии... С. 165.

² Геродот. Т. 4. С. 127.

отомстить гуннам: они раскопали могилу царя победителей. «Злопамятность» ухуаней была наказана. Двадцатитысячный корпус конницы кочевников вторгся в пределы земель осквернителей. Мечь гуннов была жестокой.

Предосудительный обычай осквернения могил бытовал в среде кочевников поразительно долго. Ч. Валиханов, описывая нападение казахского султана Барака (1770 г.) на кыргызов, отметил: «...он (Барак. — *Авт.*) сделался слишком обеспеченным и, гордясь силою, осквернил святыню киргиз — могилу Кошкар-ата»¹. Кыргызы, прежде отступавшие, напали на лагерь осквернителя, разбили его войска и гнали их до самой р. Или.

Наблюдения археологов при раскопках подтверждают сведения письменных источников. А. Д. Грач, описывая картину, открывшуюся при изучении некоторых погребений знати скифского времени в Туве, отметил, что они были нарушены явно не с целью примитивного грабежа: скелеты погребенных были изрублены и затем вновь завалены камнями, исчезли боевые кинжалы и многие предметы вооружения, в то время как ценные бронзовые и золотые изделия остались нетронутыми². Налицо попытка «обезвредить и обезоружить» даже мертвых врагов.

Видимо, нельзя слепо переносить сведения о массовых ограблениях богатых гробниц соплеменниками, которые совершались, например, в Египте, где широко были развиты товарные отношения, на кочевников, у которых эти отношения только зарождались. Колоссальные заупокойные сокровища скифских царей, на наш взгляд, имели для современников относительную ценность, так как ими невозможно было пользоваться открыто, а обменять было трудно.

¹ Таскин В. С. Материалы по истории ухуаней и саньби // Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1980. С. 70, 74, 78; Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 1. С. 375.

² Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980. С. 60–61.

Из всего сказанного следует, что современники сакских вождей почитали своих предков и охраняли их усыпальницы. Они, видимо, не так уж часто соблазнялись на погребенные сокровища мертвых, ибо выгода была проблематичной, а месть соплеменников — реальной. Как представляется, покой древних гробниц чаще нарушали чужеземцы (право же, археологам от этого не легче) после завоевания новых земель с целью унижения и «обезвреживания» побежденных. Не чужд им был при этом и меркантилизм.

Археологи давно заметили, что богатство древних погребений обратно пропорционально степени развития общества, т. е. чем примитивнее общество, тем богаче погребения знати, и наоборот. Экономически и политически это объяснимо. Степная аристократия утверждала и пропагандировала свое недавно возникшее могущество через погребальные обряды с безоглядной расточительностью. Однако рано или поздно возрастающая пышность погребений знати должна была вступить в противоречие с более реальными потребностями развивающихся обществ. Великолепие и роскошь погребений стали кульминационными во времена саков. Они уже гораздо менее бросаются в глаза в катакомбных и подбойных погребениях, сходят на нет в раннесредневековых тюркских и полностью исчезают в средневековых захоронениях. «Кончается неразумное детство раннеклассовых образований, наступает расчетливая зрелость», — пишет профессор В. М. Массон¹.

Видимо, зрелый расчет развитых обществ привел не только к сведению на нет пышности погребальных обрядов. Наблюдается обратное явление. Ранее погребенные сокровища извлекаются из небытия и вновь пускаются в оборот. Для территории Кыргызстана этот период наступает, очевидно, в эпоху становления и развития феодализма.

¹ Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976. С. 176.

Тянь-Шань и Южный Казахстан. XI в. Об ограблении курганов в земле тюрков писал выдающийся ученый ал-Бируни: «...в стране тюрков имеются люди, известные под именем «разрыватели могил» (набаш), которые разыскивают в земле тюрков древние могилы и раскапывают их, но не находят в них ничего кроме того, что остается неиспорченным землей, — золота, серебра и других металлов»¹.

Показательно, что грабеж древних курганов во времена Бируни был поставлен на артельную основу и велся, как видно, в открытую. По крайней мере, великий хорезмиец говорит о разграблении погребений как об обычном явлении, не одобряя и не порицая осквернения могил, что по догмам ислама является одним из самых страшных преступлений. Правда, Бируни никогда не был мусульманским фанатиком. Однако тот факт, что грабеж древних курганов не осуждался и профессиональными знатоками фикха (мусульманского права), каковым был, например, ал-Бируни (XII в.), свидетельствует о том, что в эпоху феодализма раскопки старых могил стали едва ли не легитимными. Описывая Венгрию, ученый-законовед и путешественник отмечает: «И видел я в этой стране множество могил племени Ад. Мне вынули оттуда половину корня переднего зуба одного из них...»². Какое уж здесь порицание, если даже законовед берет в дар древние человеческие останки!

Здесь уместно, однако, для некоторого оправдания столь предосудительного поведения одних из лучших представителей средневековья напомнить, что с древнейших времен, в том числе и в средние века, ценились не только предметы

¹ *Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей / Пер. А. М. Беленицкого. М. 1964. С. 213.*

² *Путешествие Абу Халида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / Публикация О. Г. Большакова, А. Л. Монгайта. М., 1971, С. 42.*

из золота и серебра, не только драгоценные камни, добытые в разграбленных гробницах, ценность имели и находки из обыкновенной бронзы, особенно предметы вооружения.

В средние века было широко развито поверье, что археологические находки, особенно топоры, копья и стрелы, были небесного происхождения. Полагали, что бог грома и молнии поражал ими во время грозы людей и скот, превращал в щепы могучие дубы и в развалины строения. Обладание такими «громовыми» топорами или стрелами считалось великим благом, ибо они якобы могли излечить практически все болезни да еще и противодействовать волшебству. Римский полководец, а затем император Гальбе, увидев, что молния ударила в озеро, приказал буквально «прочесать» его сетями. Улов превысил все ожидания: поймали 12 топоров. Византийский император Алексей Комнин как особую драгоценность подарил «небесный топор» германскому императору Генриху IV¹.

Аналогичные поверья относительно археологических находок были распространены и в Средней Азии. При археологических работах и разведках на среднеазиатских городищах Чуйской долины были обнаружены различные предметы, характерные для культуры кочевников и датирующиеся гораздо более ранним временем, чем время основания поселений. Они представлены изделиями из бронзы и прежде всего стрелами. Факт необычный. На специалистов производит приблизительно такое же впечатление, как, например, бронтозавр в зоопарке.

Факты находок в средневековых слоях городищ предметов материальной культуры эпох, предшествовавших средневековью, не могли пройти мимо внимания исследователей. Объяснение этому явлению дал профессор А. Н. Бернштам. Он полагал, что средневековые поселения

¹ Амальрик А. С., Монгайт А. Л. Что такое археология? М., 1959. С. 5–6.

могли быть возведены на территории, прежде уже занятой могильниками. Строители поселений, разрушая древние могилы в процессе производственной деятельности, перемешали остатки древней культуры с более поздней¹.

Наряду с возможностью, названной А. Н. Бернштамом, можно предположить и еще одну вероятность отложения предметов материальной культуры ранних кочевников в культурных слоях средневековых городищ.

В своем геолого-минералогическом трактате великий ученый Ибн-Сина писал: «В стране тюрок во время гроз с молнией надают медные тела в виде наконечников стрел с выступом, загнутым вверх. Подобные им падают и в странах Гиляна и Дейлема. И когда они падают, то они зарываются в землю. Субстанция их является медной и сухой»². Если обратиться к деталям, то можно полагать, что Ибн-Сина подразумевал характерные для раннесакского времени бронзовые наконечники стрел с шипом. Как видно, ученый не сомневался в небесном происхождении медных стрел, тем не менее в Хорезме он считал возможным проводить с ними опыты.

Более критически настроенным оказался ал-Бируни. В его «Минералогии» отмечено: «В прошлом в некоторых местах железо отсутствовало или встречалось редко, и там медь заменяла его. Об этом свидетельствуют те медные наконечники стрел, которые находятся в земле гyzов и которые в виде амулетов вешают детям на шею, а также медные дробтики и пики, что находят под землею в Табаристане. Маги верят, что они приносят счастье, и считают оба эти вида наконечников ниспосланными с неба посредством молний»³.

¹ Тр. САЭ. Чуйская долина / МИА, 14. М.; Л., 1950. С. 97–104.

² *Беленицкий А. М.* Геолого-минералогический трактат Ибн-Сины // Изв. ООИ АН Тадж. ССР. Вып. 4. Сталинабад, 1953. С. 48.

³ *Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни.* Собрание сведений... С. 129.

Таким образом, бронзовые стрелы, находимые в земле гyzов и тюркoв, использовались в качестве амулетов-оберегов. Отсюда правомерен вывод, что среди отмеченных выше находок бронзовых стрел времени ранних кочевников в средневековых слоях городищ Чуйской долины есть не переотложенные, как полагал А. Н. Бернштам, а вторично использованные в качестве амулетов. Где же предусмотрительные владельцы оберегов брали бронзовые стрелы? Вполне допустимы их случайные находки при земляных работах. Однако был и другой путь. При раскопках сакского могильника Кара-Булун (Чуйская долина) в полностью ограбленном кургане были найдены деревянные древки стрел со следами окиси бронзы от наконечников. Самих же наконечников не было. Естественно предположение, что и на них позарились грабители, так как спрос определял предложение. Не исключено, что могильные вору становились вполне «благочестивыми» торговцами священными амулетами.

Южная Сибирь. XVII–XVIII вв. Русские поселенцы Сибири настолько основательно ограбили курганы, что к 1764 г., когда был официально запрещен преступный промысел, практически было уже невозможно встретить нетронутое богатое погребение. Лишь малая толика ценнейших высокохудожественных произведений кочевых ювелиров (250 штук весом в 74 фунта) благодаря стараниям Петра I попала в Петербург. Сейчас она и составляет богатейшую всемирно известную «Петровскую коллекцию» Эрмитажа. Англичанин Джон Белл, который в 1699 г. побывал в Томске, писал, что грабители курганов при дележе добычи разбивали и разламывали «изящные и редкие древности с тем, чтобы каждый мог получить свою долю по весу»¹. Трудно даже представить себе, сколько драгоценных изделий

¹ Артамонов М. И. Сокровища сакoв. М., 1973. С. 125.

было уничтожено ими. Это были настоящие «курганские пираты», нанешие истории культуры кочевников невосполнимый ущерб.

Южный Таджикистан. 1889 г. Русский офицер Н. И. Покотилло писал о городище Тахти-Кувад: «Несмотря на пустынную местность, там постоянно копаются несколько десятков человек, отыскивая клады». Оказалось, как сообщил английский генерал А. Канингем, кобадианский бек, во владениях которого находилось городище, сначала запретил всякие самовольные раскопки, намереваясь отыскать клад лично. Но как человек умный, вскоре понял бесплодность этой затеи и продал право на поиски местным «счастливчикам». А раскопками здесь, по информации газеты «Туркестанские ведомости» за 1880 г., занимались преимущественно туркмены, жившие по Вахшу¹.

Кыргызстан. 1891 г. Начальник Токмакского уезда в письме известному ученому-краеведу Н. Н. Пантусову сообщает: «До сведения моего дошло, что киргизы вверенного мне уезда волостей Темирбулатовской и Бурукчинской, кочующие по Кочкорской долине, раскапывают там старые могилы, в которых находят разные вещи. Вследствие этого я, командируя своего помощника на Кочкорский чрезвычайный съезд, поручил ему проверить, насколько справедливо это сведение, и если таковое подтвердится, то немедленно принять меры к прекращению дальнейших раскопок и взять от киргиз найденные в могилах предметы». Дальше из содержания письма выясняется, что грабительские раскопки велись масштабно. Ими занялись «поголовно мужчины, женщины и даже дети». Добытые редчайшие вещи скупали приезжие купцы. Энергичные действия помощника начальника уезда привели к прекращению раскопок и даже сбору небольшой коллекции древностей, за которые

¹ Зеймаль Е. В. Амударьинский клад: Каталог выставки. Л., 1979. С. 14.

он обещал платить кыргызам «вдвое больше, чем дадут сарты и татары». Обещание, по-видимому, возымело действие — к письму была приложена опись, в которой значатся золотые серьги, серебряные ажурные поясные бляхи, серебряные чаша и кувшин, крупные жемчужины и др. В описи проставлены и имена кыргызов, занимавшихся грабежом древних погребений¹.

Таких случаев было гораздо больше, чем хотелось бы. Из-за многовековых преступных хищений древностей археологам пока не удалось раскопать ни одного неграбленного большого кургана в Кыргызстане. Это является серьезным препятствием при реконструкции древней и средневековой культуры кочевников Тянь-Шаня.

При методически правильных раскопках курганов всегда представляется возможным определить, каким путем грабители проникали в погребальную камеру. Археологам Кыргызстана известны два способа грабежа.

Самым распространенным был наиболее простой, когда грабители узким раскопом («дудкой») пробивали насыпь кургана от вершины до могильной ямы. «Дудка» могла быть вертикальной или слегка наклонной. Следов крепления не обнаружено, что свидетельствует о значительной доле риска. В настоящее время следы грабительских раскопок хорошо заметны на вершинах почти всех курганов — обычно это небольшие воронкообразные углубления.

Менее распространенным был второй способ ограбления курганов — подкоп. У основания кургана выкапывали яму и из нее пробивали в грунте под насыпью штольню, ведущую с поразительной точностью в могильную камеру. В одних случаях штольня вела к более широкой стороне прямоугольной могильной ямы, а в других — к узкой, торцевой. Такой способ грабежа известен пока для могильников

¹ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.; Л., 1952. С. 91—92.

Кара-Киш (Кетмень-Тюбе), Петровка, Кара-Булун (Чуйская долина), Шалба (Иссык-Куль). Техника прокладки штолен (иногда длиной до 40 м) требовала уже маркшейдерских познаний, а точность ее объяснялась отличной осведомленностью о различных погребальных обрядах, знанием топографии могильника и структуры его насыпи. В совокупности все это свидетельствует о высоком «профессиональном мастерстве» грабителей. Не исключено, что здесь трудились артели «набавшей», о которых писал ал-Бируни.

Итак, наши сведения о грабителях древних курганов позволяют заключить, что любители «могильного золота» были всегда, везде, во все времена. Известный клад Жалаулы, вполне возможно, мог быть составлен и зарыт безвестным грабителем в период между V и XIX — началом XX в. Правда, здесь надо отметить, что Б. Н. Нурмуханбетов в личной беседе высказал такое интересное предположение: мешок (или сумка), в которой был упакован клад, был сделан из грубой шерсти овцы казахской (едильбаевской) породы, следовательно, клад был составлен в первой четверти XX в. Однако датировка эта нуждается в проверке специалистами.

Наше повествование о грабителях древних курганов написано не для расширения кругозора читателей в области археологической криминалистики, а для привлечения их внимания к сегодняшним насущным задачам охраны памятников истории и культуры. Дело в том, что после грабителей в могильниках оставались многие предметы древней культуры, которые тогда казались им малоценными, зато оказались бесценными в наше время. По этим крупницам пишется история кочевников, история их культуры. Сейчас строительные и мелиоративные отряды, совхозы и колхозы, арендаторы и фермеры вооружены настолько мощной техникой, что перед ней не может устоять ни один даже самый крупный курган. Многие уже спланированы, распаханы и засеяны. Тайна их не разгадана,

¹⁰ Том V. В. М. Плоских

а это значит, что еще одни страницы древней истории Кыргызстана никогда не будут прочитаны. А может быть, это был тот единственный, неповторимый, тот, которого не коснулась хищная рука набавши? Пусть даже коснулась, но не все же утащила! Курганы — важнейший источник для познания древней истории нашего Кыргызстана. Они нуждаются в нашей охране.

КЛАДЫ КЫРГЫЗОВ

СОКРОВИЩА ЕНИСЕЯ

*Акыны болбой эл болбойт
Асылы болбой жер болбойт.
(Нет народа без акына,
Нет земли без клада)*

**Кыргызская народная
пословица**

Кыргызы на Енисее в средние века были торговым народом. Они вели коммерцию с Китаем, Средней Азией, Ираном, Тибетом, Восточным Туркестаном. Кыргызы продавали прекрасное оружие, ценные меха, хуту (ископаемые бивни мамонта), хаданг и халандж (каповые наросты на березах), качественные сорта мускуса, скот и продукты скотоводства. Славились боевые кони кыргызов. Китайская летопись особо отмечает: «Лошади плотны и рослы. Лучшими считаются, которые сильно дерутся»¹. Товары растекались по всему свету, а у кыргызов оставались иноземные эквиваленты, главным образом ткани и золото. Торговые люди — богатые люди.

О значительных кыргызских состояниях в средневековье свидетельствуют клады. Наиболее ценный из них был найден московскими учеными-археологами Л. А. Евтюховой

¹ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.; Л., 1950. С. 351.

и С. В. Киселевым. Это были неутомимые и плодотворные исследователи древностей Южной Сибири. С особым вниманием и любовью они относились к культуре енисейских кыргызов. По сути дела, культура эта и стала известной всему миру благодаря фундаментальным трудам этих замечательных ученых. За монографию «Древняя история Южной Сибири» С. В. Киселев стал лауреатом Сталинской премии. Такая оценка книг археологов случалась весьма и весьма редко.

Вернемся к находке самого богатого клада енисейских кыргызов. В 1939 г. Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев начали раскопки крупного кыргызского могильника у с. Малые Копены. Дата была юбилейной: ровно двести лет тому назад, в 1739 г., два русских путешественника — историки Миллер и Гмелин застали на этом же могильнике кладовщика — старика-бродягу по прозвищу Селенга, который вот уже 30 лет грабил древние могилы. Такой факт не сулил ничего хорошего нашим археологам. Они сразу определили, что старейший Селенга в свое время «потрудились на славу»: практически все курганы были ограблены. Поэтому исследования могильных ям дали мизерные результаты. Ученые смогли установить, что кыргызы сжигали трупы умерших сородичей, а пепел ссыпали в ямы, над которыми сооружали насыпь. По отдельным вещам, которыми пренебрегли или потеряли грабители, было ясно, что здесь хоронили в VII—VIII вв. На этом бы все и закончилось, если бы москвичи не применили обязательную для научных археологических раскопок методику: полное снятие курганной насыпи и тщательное исследование почвы под ней.

И вдруг (клад всегда вдруг!) один из рабочих раскопа кургана 2 в стороне от могилы приподнял небольшую каменную плитку и под ней сверкнуло горлышко золотого сосуда. Это было незабываемое зрелище. Редко кто из археологов видел что-либо подобное. Когда Л. А. Евтюхова расчистила находку, оказалось, что в небольшой ямке

(30х30 и глубиной 25 см) на серебряном подносе стояло... четыре прекрасных увесистых золотых сосуда!

Однако чудеса только начинались. Рядом с первым кладом в другой ямке лежало тяжелое, сильно помятое и согнутое пополам золотое блюдо, а под ним — золотые накладки на ременные пояса. Старый Селенга, наверное, перевернулся в гробу с досады — его грабительский ход в могилу был пробит всего в 20 см правее блюда. Возьми он чуть левее... и прощай замечательное изделие кыргызского мастера.

Но это еще не все. Узнав, что кыргызы делали в погребениях тайники, да еще столь редкостно богатые, ученые и рабочие удесятирили внимание и усердие. Никто не хотел идти на обед, работали до полной темноты. Такая работа всегда вознаграждается. В другом, ранее раскопанном и уже оставленном кургане 6 отыскивали еще два тайника. Они тоже располагались в стороне от могильных ям. Правда, здесь не было много золота, но вещи были очень ценными. В одной ямке лежал войлочный узелок с бронзовыми бляшками художественной работы — украшениями конской сбруи, золотые серьги и браслет, а также две пары стремян и пуговицы-бубенчики. В другой — бронзовые украшения луки седла. (На них мы еще остановимся подробнее).

Впоследствии археологи не раз находили тайники с кладами при раскопках кыргызских курганов не только на Енисее, но и в других местах их расселения¹. Однако ценнее и значимее первого клада до сих пор так и не отыскивали.

Читателю, видимо, интересно узнать, как выглядел и из чего состоял столовый сервиз богатого кыргыза, который украшал его достархан, конечно же, не в будни, а по праздничным и торжественным случаям. Он состоял

¹ *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. М., 1969. С. 97–101.

из четырех сосудов и двух блюд. Один из сосудов имел форму пузатой бутылки с узким горлышком. На венчике остались петли для крепления крышки. Сама крышка была утеряна до того, как сосуд попал в состав клада. На дне его нацарапана руническая надпись: «Бегское серебро мы дали». Вес 593 грамма.

Три других сосуда были почти одинаковой формы, но отличались размерами, весом и украшением. Это были кубки в виде широкогорлых кувшинов на кольцевом поддоне и с фигурной боковой ручкой.

На одном из них, с совершенно гладкими, без орнамента стенками, было процарапано кыргызскими рунами: «Золото... дар Ача» Вес 447 граммов.

Третий золотой сосуд покрыт изящным накладным орнаментом в виде вертикальных полос от венчика до поддона включительно. В каждом гладком секторе — по два сложных медальона. На ручке — гнездо для драгоценного камня. Вес 780 граммов.

Наиболее богато выглядел четвертый кувшин. От горлышка до поддона он весь покрыт причудливыми переплетениями стилизованных растений. Они образуют фигурные медальоны, в которых изображены фантастические птицы — фениксы с рыбой в клюве. На ручке — такие же птицы и гнездо для вставки самоцвета. Вес 533,5 грамма.

Под стать последнему кувшину было орнаментировано золотое блюдо из второго тайника. Сплошная плетенка образует центральный круглый медальон и шесть периферийных, сердцевидных. В круглом медальоне — сложный орнамент, напоминающий современный кыргызский (типа «рога»); в сердцевидных — противостоящая друг другу пара фениксов. Вес 455,8 грамма.

Серебряное блюдо было позолоченным. Оно было очень нарядным, края его оформлены подобием остrokонечных

лепестков-фестонов. Раньше оно было на трех ножках, которые были утрачены до погребения. Вес 2070,5 грамма¹.

Вот так клад! Несколько килограммов высокопробного золота и серебра с позолотой! Капитал на наши рубли по ценам конца 1990 г. — не менее полумиллиона! А ведь центральное погребение, где обычно клали основные богатства умершего, было ограблено. А если учесть пашни, зимовки, отары и табуны, которые не унесешь с собой в могилу? Однако только одного клада — тайника в кургане 2 Копенского могильника достаточно для утверждения, что среди енисейских кыргызов были очень состоятельные люди.

По письменным источникам историки знали, что каганы и знать тюркских кочевников были сказочно богаты. И богатство их реализовалось именно в драгоценных сосудах, оружии, роскошной сбруе для любимого коня и других предметах внешнего престижа. Так, греческий историк Феофилакт Симокатта (конец VI — начало VII в.) писал: «...гунны (среднеазиатские тюрки. — *Авт.*) заставили мидян заплатить им под предлогом сохранения спокойствия сорок тысяч золотых. Когда таким образом правительство тюрков обогатилось золотом персов, все это племя предалось великой роскоши: они выковывали и чеканили себе золоченные лежа, столы, кубки, кресла и подставки, делали из золота конские украшения и полное вооружение себе и все то, что приходит на ум в опьянении богатством»².

Своеобразную казну на колесах, принадлежавшую тюркскому катану Истеми, видел на Тянь-Шане в 568 г. посол византийского императора Земарх Киликиец: «В следующий день они (послы. — *Авт.*) пришли в другую комнату

¹ Евтюхова Л. А. Южная Сибирь в древности // По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. М., 1954. С. 214–217.

² Симокатта Феофилакт. История. М., 1957. С. 78.

(юрту. — *Авт.*), где были столбы деревянные, покрытые золотом, также и ложе вызолоченное, поддерживаемое четырьмя золотыми павлинами. Перед комнатою на большом пространстве в длину были расставлены телеги, на которых было множество серебра, блюда и корзины, и много изображений четвероногих, сделанные из серебра, ничем не уступающие тем, которые делают у нас (т. е. в Византии. — *Авт.*). В этом состоит роскошь тюркского князя»¹.

Можно привести еще ряд свидетельств о сокровищах, сосредоточенных в руках знати средневековых тюркских кочевников, но как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. А увидеть в наши дни можно не так уж и много. С кыргызским кладом из кургана 2 могильника у с. Малые Копены по количеству золота сопоставим лишь Перещепинский клад, найденный пастушонком в овраге на Харьковщине еще в начале XX в. Оба клада являются серьезными вещественными доказательствами достоверности свидетельства письменных источников относительно богатств кочевой знати.

Таким образом, мы убедились, что енисейский кыргыз — хозяин вещей, составивших Копенский клад, был очень богатым человеком, и это, как свидетельствуют его современники, не было чем-то невероятным. Важно выяснить социальное положение этого богача в средневековом обществе. Ведь он мог быть и выходцем из среды аристократии, и быть ловким простолюдином, каким-то лишь ему ведомым образом разбогатевшим. Таких людей кыргызы по сей день называют «сасыкбай» (нувориш; буквально «вонючий богач»).

Некоторые вещи в кладе, а именно золотые накладки для кожаного пояса, как представляется, могут дать ответ на этот вопрос. Пояса в древнетюркской среде Центральной

¹ Менадр. Продолжение истории Агафиевой // Византийские истории. СПб., 1891. С. 379.

Азии и Южной Сибири имели двоякую функцию. Во-первых, на них крепились вооружение воина (меч, кинжал, чехол с луком, колчан со стрелами) и предметы, необходимые в походе (огниво, кремни, оселок, иглы, нитки и прочее). Во-вторых, количество, форма и качество металла наборных блях на поясе указывали на положение воина в армии, т. е. были знаком отличия, чем-то вроде современных офицерских погон. Этот тюркский обычай был заимствован Китаем, согдийскими государствами, Ираном¹. Был распространен он и среди енисейских кыргызов, на что кроме находок самих поясных блях прямо указывают и рунические тексты.

Одна из эпитафий, например, повествует: «Так как у вас было счастье («вам везло»), памятник вам водрузили. На пояс линовидную пряжку мы устроили. Так как у него была доблесть, то у своего хана мой бег, Аза тутук, достиг пряжки (чиновного пояса.— *Авт.*)». В другой надписи умерший скорбит о сорока двух чиновных пряжках-украшениях. У некоторых кыргызов было пряжек и побольше: «Пояс с пятьюдесятью золотыми пряжками я повязал на своей пояснице»². Среди людей, имевших право носить пояса с золотыми пряжками, упомянуты беги, тутуки (наместники кагана), йиналы (владыки отдельных народов, зависимых от кагана), т. е. высшая аристократия степных народов, к которым, судя по золотым накладкам на поясе, мы с полным основанием можем отнести кыргыза, похороненного в кургане 2 Копенского могильника.

Какие напитки наливали слуги в сверкающие золотые кубки, когда пировала кыргызская знать? Прежде всего приходит на ум кумыс. Но в китайских летописях нет

¹ *Распопова В. И.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980. С. 107.

² *Батманов И. А.* Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе. 1959. С. 140, 151, 171.

сведений о производстве кумыса у енисейских кыргызов. Поэтому мы не можем безоговорочно утверждать о его изготовлении и употреблении, хотя содержание богатыми громадного количества лошадей (до 6000 голов) наводит на эту мысль. Зато есть прямые сведения, что кыргызы «вино квасят из каши»¹. В другом источнике этот факт подтверждается и конкретизируется: «...собирают урожай, варят кашу, чтобы делать напиток, также чтобы перебродить на водку»². Отсюда можно сделать вывод, что енисейские кыргызы из зерна делали два напитка: легкоопьяняющий типа современного бозо (брага) и довольно крепкую водку. Из Китая и Средней Азии купцы привозили виноградное вино. Археолог Л. Р. Кызласов нашел в верховьях Енисея специальный среднеазиатский кувшин для вина, ближайшую аналогию которому он видит в посуде из Чуйской долины³.

Какова была степень воздержания кыргызской знати по отношению к спиртному, мы не знаем. Источники донесли до нас лишь один случай сильного опьянения некоего кыргызского вельможи. Произошло это в 648 г. за столом китайского императора Тхай-цзуна в славном городе Китая Чаньань. Эльтебер Шибоккой Ач-жань пришел в Китай в качестве посла кыргызов и был удостоен чести отобедать с императором. За трапезой он настолько опьянел, что «изъявил желание держать Ху-бань» (т. е., стать вассалом Китая). Император сердито заметил: «В прошлое время на мосту Вей-цяо отрубили головы трем тюркам, хвалившимся множеством заслуг. Ныне эльтебер за столом, кажется, вышел из себя». Правда, император снисходительно

¹ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений... С. 351.

² Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. С. 58, 282.

³ Кызласов Л. Р. История Тувы. С. 35.

отнесся к проступку посла и пожаловал ему высокий военный чин¹.

Этим, пожалуй, и ограничим круг исторических сведений, связанных с замечательным золотым кладом кыргызов у с. Малые Копены.

За грудями золота в кладах нельзя забывать и о более скромных находках из позолоченной бронзы в кургане 6 Копенского могильника. Как уже отмечалось, в тайнике этого кургана были открыты штампованные украшения для луки седла. Здесь изображен горный лесной пейзаж, где охотятся два всадника. От них и охотничьих псов убегают снежные барсы, кабаны, горные козлы, лани. Художник запечатлел момент, когда охотники сами стали объектами охоты: на них сзади напали свирепые тигры. Тогда кыргызы пустили коней вскачь, развернулись в сторону хищников, натянули луки и... Тигры застыли в прыжке, тетива лука еще не спущена. Что будет дальше, знает лишь ныне забытое кыргызское эпическое сказание, иллюстрацию к которому сохранил нам клад. Героическая охота — необходимый сюжет в тюркском эпосе. Но он отражал реальность. Для тюркской знати охота была лучшим развлечением. Так, в эпитафии знаменитого кыргызского кагана Барс-бега отмечено: «Когда псы преследовали дичь, Вы (Барс-бег. — *Лет.*) пронесились мимо кочевий»². Очень похоже на описанный сюжет.

Фигуры всадников и животных отличаются большим реализмом, выполнены необычайно живо, динамично. Специалисты уверены, что эти изделия вышли из рук местного художника — тонкого наблюдателя и талантливого

¹ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений С. 354, 355.

² Кляшторный С. Г. Стелы Золотого озера // *Tiirkologica*. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова. Л., 1976. С. 261.

исполнителя¹. Если золотые кубки и блюда являются шедеврами орнаментального искусства кыргызских мастеров, то бронзовые украшения луки седла — изобразительного.

Принципиальное значение имеет датировка кладов у с. Малые Копены. Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев отнесли весь могильник, а вместе с ним и клады, к VII—VIII вв. Это было время непрерывной борьбы кыргызов за независимость с тюрками и уйгурами. На земли кыргызов неоднократно накатывали волны нашествий, которые всегда сопровождались геноцидом и грабежами. Политическая обстановка явно не способствовала сколачиванию крупных состояний. Поэтому золотой Копенский клад выглядел как нонсенс.

Все стало на свои места, когда ленинградский ученый Б. И. Маршак, изучая орнамент золотых сосудов из кургана 2, пришел к выводу, что они были сделаны в IX в. и не раньше². А в это время политическая ситуация в корне изменилась. Разгромив в 840 г. уйгуров, кыргызы из угнетенных сами стали угнетателями. Вполне естественно, что ценности, которые ранее изымались, возвращались сторицей, что способствовало обогащению кыргызской аристократии.

Кыргызы трогательно чтут своих предков. Даже в наши дни любой мальчик из айла, ни разу не сбившись, назовет семерых своих отцов-предков. Русский мальчик в лучшем случае назовет только отца, деда и прадеда (если знает отчество деда). Но к могилам кыргызы до недавнего времени относились с предубеждением. Похоронив предка и даже воздвигнув дорогой гумбез (мавзолей), потомки не заботились больше о сохранности сооружения. Его редко посещали, редко ремонтировали. Со временем гумбез разрушался.

¹ *Евтюхова Л. А.* Южная Сибирь в древности. С. 217—218.

² *Маршак Б. И.* Согдийское серебро. М., 1971. С. 56—57.

Такова вековая традиция. Поэтому гумбезы, как места уединенные, считались идеальными объектами для сокрытия кладов.

История донесла до нас один из таких случаев. В 60-х г. XVII в. во время правления Йулбарс-хана в Кашгаре группа видных кыргызских беков вступила в заговор против хана. Судьба заговорщиков всегда полна неожиданностей. Один из них «Турумтай-бек был мужем богатым и состоятельным. Он возвел склеп и спрятал внутри двух могил ценное имущество, дорогие ткани и драгоценности»¹. Позже кыргызы не раз прятали свое добро в гумбезах, особенно Кораны и другие книги, написанные арабской графикой. Об этих «кладах мудрости» следующий наш рассказ.

¹ *Шах-Махмуд ибн Мирза Фазил Чурас. Хроника / Критический текст, перевод, комментарии, исследование и указатели О. Ф. Акимущина. М., 1976. С. 234.*

СОКРОВИЩА МУДРОСТИ

*Если бы собрались люди и джины,
чтобы сделать подобное этому
Корану, они бы не создали подобного,
хотя бы одни из них были другим
помощниками.*

Коран, 17

Средняя Азия издавна славилась не только завоевателями вроде кровавого Тимура, но и мудрецами. Причем вторых было много больше, чем первых. Здесь родились, жили и творили Али Ибн-Сина (Авиценна), ал-Бируни, Рудаки, Юсуф Баласагуни, Махмуд Кашгари, Захриддин Бабур и многие другие чтимые всем просвещенным миром мудрецы. Они оставили в наследство потомкам своим научные труды, комментарии к другим манускриптам, диваны стихов, мемуары, библиотеки. Многие из этого наследия стало частью современной цивилизации, хорошо изучено, переведено на русский и европейские языки. Однако от многих трудов остались только заглавия, известные по описям, сделанным самими великими творцами или их учениками. Поиски их — дело почти безнадежное. Это тоже своеобразные клады — клады (вернее, кладези) мудрости. На них тоже распространяется «закон клада» — случайное и счастливое переплетение многих обстоятельств. Расскажем читателю об одной из самых знаменитых книг мусульман всего мира, обнаруженной в Средней Азии.

Коран Османа. Среди археографических находок чаще всего встречался Коран. Это и естественно: каноническая книга ислама многие века являлась основным наставником в жизни и вере миллионов мусульман, их священной реликвией. Виденные нами кораны — все литографического или наборного издания с географией от Стамбула и Лакнау до Ташкента и Казани. Все они однотекстны, так как никаких отклонений от канонического текста не допускалось,

поэтому-то и не представляют научной археографической ценности. Редкие же старинные рукописные экземпляры нами в Кыргызстане не встречались (по крайней мере, до этого не были встречены). Но легенды о них мы слышали.

С особым благочестием повествуют о Коране Османа — среднеазиатской реликвии. Здесь легенда тесно переплелась с былью. Реальная история знаменитого Корана началась в кульминационный момент истории Средней Азии, когда в 1868 г. русские войска заняли Самарканд. В числе военной добычи оказался единственный в мире полный куфический список Корана начала II века хиджры (первая четверть VIII в.), который хранился в мечети Ходжа Ахрара. Согласно древнему преданию, этот манускрипт принадлежал самому халифу Осману.

А теперь немного истории¹. Что же представляет собой Коран Османа? Это громадный манускрипт, написанный на 353 листах толстого пергамента. С одной стороны лист гляцевый, с другой — в мелких морщинах. Общий размер листов 68х53 см, текст занимает площадь 50х44 см, причем на каждом листе написано только двенадцать строк. Время пощадило древнюю книгу, она до сих пор хорошо сохранилась, хотя за 1200 лет пропало 69 листов. Их еще в глубокой старине заменили на бумажные, которые были подделаны под пергамент, таким образом полностью был восстановлен текст.

Нужно отдать должное тем, кто трудился над Кораном Османа. Всего в книге 114 сур (глав), различных по длине стихов. Каждый аят (стих) его отделен друг от друга четырьмя или семью небольшими штрихами. Аяты разбиты на группы, отмеченные сложным знаком: цветной квадрат со звездочкой, в центре которой кружок, в кружке — красная

¹ См.: *Крачковский И. Ю.* Над арабскими рукописями. 2-е, доп. изд. М.; Л., 1946. С. 129–130; *Климович Л. И.* Книга о Коране. М., 1986. С. 69–71.

куфическая буква, цифровое значение которой обозначает число аятов от начала суры. Каждая сура отделена от другой цветной полосой, составленной из квадратов, или прямоугольников. Названия суры не имеют. Все они, за исключением девятой, начинаются с традиционной молитвенной формулы «бисмиллах» («во имя Аллаха, милостивого, милосердного»), Написан манускрипт изумительно четким каллиграфическим почерком на арабском языке.

У Корана Османа есть еще одна особенность: на многих листах его видны следы крови. Предание гласит, что халиф сидел в зале дворца и читал именно эту книгу, когда ворвались сторонники его соперника Али. Один из них ударил халифа мечом, и кровь его обагрила книгу. Вполне понятно, что такая реликвия (Осман был одним из четырех праведных халифов) очень дорога мусульманам.

Но, как установили ученые по почерку, книга была написана в начале VIII в. А это значит, что халиф Осман не мог держать в руках Коран, названный его именем, так как был убит в 656 году т. е. на пятьдесят лет раньше, чем создали этот экземпляр книги.

Однако заслуги Османа в идеологии ислама не зависят от того, держал он в руках эту книгу или нет, и действительно ли на ней следы его крови. Халиф Осман создал единый канонический текст Корана. Все остальные экземпляры были переписаны с него и по сей день практически не подвергались изменению. Осман создал единую идеологическую основу для всего громадного и все расширяющегося государства арабов.

Дело в том, что пророк Мухаммед произносил свои проповеди в течение 22 лет. Как известно, в Мекке и Медине Мухаммед выступал сначала как проповедник, а затем как властелин. Мухаммед умер. Его наследник халиф Абу Бекр (633 г.) поручил секретарю пророка Зайду ибн Сабиту собрать имевшиеся записанные тексты сур и вновь записать их со слов хафизов, то есть людей, знающих суры наизусть.

Много сур знал и сам Зайд. Так составилась сборник под названием Сухуф (листы). Он не был канонизирован и до нас не дошел. Но об этом сборнике в источниках имеются сведения. Вскоре стали появляться другие сборники, имеющие расхождения с Сухуфом. На их основе появились неидентичные толкования слов пророка и даже политические разногласия. Возникла настоятельная необходимость составления единого списка (получившего название Мухаф). Осман, заняв трон халифа в 644 г., первый понял, к чему могут привести разногласия вокруг разночтений текстов основы основ идеологии ислама. Он пригласил того же Зайда ибн Сабита и поручил ему составить единый текст. Тот конфисковал все известные до этого записи, сличил их и оставил ту редакцию, которую одобрил Осман. Все остальные сборники (и Сухуф в том числе) были уничтожены. Так была завершена канонизация текста Корана.

В Коране нет хронологии дат, имен исторических деятелей и сведений о реальных событиях, что затрудняет пользование им как историческим документом. Тем не менее это — ценный научный источник: в нем имеются доисламские материалы (в ранних мекканских сурах), в него были внесены изменения и после Мухаммеда и образования халифата. В Коране получили отражение основы религиозного учения ислама.

Первый европейский научный перевод Корана (на латинский язык) сделан Маурачи и издан в Падуе в 1698 г. В России перевод арабского на русский сделал Г. С. Саблуков (Казань, 1878 г.). Сейчас лучшим считается перевод академика И. Ю. Крачковского (посмертное издание — Москва, 1963).

Коран Османа, написанный в начале VIII в. в Иране, попал в Среднюю Азию и несколько веков хранился в самаркандской мечети Ходжа Ахрара. Сначала, после занятия русскими Самарканда, мусульманское духовенство прятало рукопись от новых властей, но через определенное

¹¹ Том V. В. М. Плоских

время уникальный Коран продали за 500 коканов (100 рублей по курсу того времени) туркестанскому генерал-губернатору К. П. Кауфману, который подарил Коран Османа Императорской публичной библиотеке в Петербурге. За это он был избран почетным членом библиотеки.

После Октябрьской революции мусульмане России от имени Краевого мусульманского съезда Петроградского национального округа обращаются в Наркомат по делам национальностей с просьбой вернуть святыню. В. И. Ленин 9 декабря 1917 г. написал наркому А. В. Луначарскому: «Совет Народных Комиссаров постановил немедленно выдать Краевому Мусульманскому съезду «священный Коран Османа», находящийся в Государственной публичной, библиотеке, ввиду чего просит Вас сделать надлежащее распоряжение»¹. На основании этого письма манускрипт тогда же был передан представителям мусульман. Правда, в Среднюю Азию он тогда не попал. Его доставили в Уфу. Только в 1941 г. Коран Османа был передан в Ташкент и бережно хранился в Музее народов Узбекистана. Здесь для уникальной рукописи были созданы специальные условия хранения, обеспечен особый температурный режим и уход. Коран бережно хранили как уникальный памятник письменности и культуры. И только весной 1989 г. он был передан мусульманам Средней Азии и Казахстана. Для верующих манускрипт — не столько памятник старины, сколько священная реликвия, связанная с именем одного из четырех праведных халифов. Реликвия вернулась к тем, кому принадлежала.

В наши дни Коран, как и Библия, стали самыми читаемыми книгами. Республиканское издательство «Кыргызстан» наметило в своих планах издать 50-тысячным

¹ Ленинский сборник. XXXV. М., 1945. С. 19.

тиражом Коран на русском языке для широкого круга читателей. Тираж, конечно, мизерный.

И последнее. 27 октября 1990 г. на альтернативной основе был избран первый Президент Республики Кыргызстан — академик А. А. Акаев. Его кандидатуру от демократической межпарламентской группы предложил глава мусульман Кыргызстана народный депутат Садыкжан-ходжа Камалов. Когда Президент приносил присягу, ходжа положил на стол рядом с Конституцией Республики Коран. На фотографии, опубликованной всеми газетами Кыргызстана, где запечатлен момент принесения Президентом присяги, хорошо видны фолиант Конституции и Коран.

Рукописи древних книг, как люди. Они могут быть великими, но скромно держаться в тени, т. е. оставаясь неизвестными, сокрытыми в сундуке. Могли быть такие рукописи и в сундуках кыргызских семей. Дело в том, что целенаправленные поиски старых книг на территории Кыргызстана никогда не проводились. Поэтому в 1976 г. Институт истории республиканской Академии решил организовать археографическую экспедицию, в задачу которой входили поиски старых книг, документов, рукописей, карт и т. п.

Ат-Башинский клад. Летом 1976 г. нам стало известно, что в одной из пещер возле с. Ат-Баши спрятан сундук со старинными книгами. Институт истории только-только организовал полевую археографическую экспедицию в «поле» (т. е. по селам Кыргызстана) для поисков книг и рукописей, еще и не выехали. На грандиозные успехи мы не рассчитывали, поэтому решили, что весть не что иное, как очередной розыгрыш. Тем более, что известия исходили от юного сотрудника института, недавно женившегося на атбашинокой красавице, и тесть настойчиво приглашал молодого ученого с друзьями в гости.

Поскольку Центральный Тянь-Шань все равно входил в сферу наших поисков, мы запланировали маршрут

на Ат-Баши и прибыли туда в начале августа. В составе первой кыргызской археографической экспедиции был востоковед А. Б. Халидов, старший научный сотрудник Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (ныне доктор исторических наук, заведующий сектором). Высокопрофессиональный арабист, он хорошо знал еще фарси (персидский язык) и тюрки («чагатайский» язык). Были в экспедиции и ленинградский фотограф Ю. Н. Михайлов, постоянный участник ряда наших археологических, а отныне и археографических экспедиций, а также научные сотрудники нашего института А. Ормушев, Д. Нурмаматов и др. Возглавлял экспедицию В. М. Плоских.

...Вот мы и в Ат-Баши. Директор школы-интерната Кермалы Сатыбеков со своими питомцами — К. Буртуковым, О. Эльчибековым и другими — наши проводники в пещеру. Сначала на машине, потом несколько километров вверх по полувысохшему руслу реки в предгорья. Вот и ущелье Орто Кайынды. Пройдено уже километров двадцать.. По правому берегу начали встречаться опальные обрывы и, наконец, долгожданное темное пятно — вход в пещеру, расположенный в отвесной скале на высоте нескольких десятков метров... Ни снизу, ни сверху доступа нет. Благо, мы запаслись веревками. Однако никто из «тяжеловесных» взрослых не спешил лезть на «головокружительную высоту». А вездесущие мальчишки—истинные дети гор — уж забрались в пещеру. Они бывали в ней неоднократно и до этого, видели здесь большой деревянный сундук, окованный железом, а в нем — старинные книги. Именно Кермалы Буртуков со своим другом — «интернатцем» Джолдошем Бекеновым в прошлом году принесли из пещеры своему преподавателю К. С. Сатыбекову пачку разрозненных листов из сундука — как оказалось, фрагменты из разных экземпляров Корана и таджикско-персидского сочинения в стихах «Чаркитаб».

И вдруг... полное разочарование: пещера пуста! Лишь свежие следы на пыльном полу свидетельствовали, что здесь недавно кто-то побывал. «Клад мудрости» исчез.

Хоть мы были заранее настроены скептически, тем не менее не на шутку огорчились. На всякий случай прошли в местную мечеть в с. Ача-Кайынды, поскольку имам мог иметь личную библиотеку. А вдруг в ней есть что-то ценное? Каково же было наше удивление, когда приветливый имам (а точнее, его заместитель, так как сам имам оказался в отпуске), восьмидесятидвухлетний Бообек Алымбаев провел нас во двор мечети, где в беспорядке были свалены растрепанные старинные книги, отдельные листы, фрагменты документов. «Это, — сказал он, — на днях принесли. Говорят, нашли в пещере». Дело оказалось прозаичным. Не успели мы доехать до Ат-Баши, как стремительный «узун кулак» (слух) об экспедиции достиг села и верующие решили «спасти» священные книги от рук неверных, снеся их под надежную защиту мечети. Однако мудрый имам лучше своих прихожан понимал, что спасти сокровища предков сейчас могут только ученые. Он передал весь клад в наше распоряжение и от себя добавил несколько старинных книг и рукописей — в качестве подарка.

Здесь же, в полевых условиях А. Б. Халидов подготовил опись полученного богатства. А всю коллекцию мы доставили в институт, где она хранится и сейчас среди других книжных находок экспедиции.

Что же собой представляет этот клад из атбашинской пещеры? Разрозненные листы и обрывки старопечатных изданий литографированных и наборных на арабском, персидско-таджикском и тюркском языках, а также множество фрагментов из разных рукописей или отдельные записи от руки. Сохранность, конечно, оставляла желать лучшего. Но для нас, еще не избалованных ценными находками,

коллекция книг — первая в буквальном смысле коллекция — казалась невероятной. И вот почему.

Здесь сделаем отступление и совершим небольшой экскурс в историю начала полевых археографических работ в Кыргызстане. Дело в том, что поскольку кыргызский народ до революции считался бесписьменным (а такая формула в те годы приобрела характер аксиомы, подкрепленной целым рядом партийных решений и официальных юбилейных изданий), то и поиски и сбор книг среди местного населения считали не только безнадежным, но даже вредным делом. Что могло быть у неграмотных жителей? Разве только Коран, и то у муллы, «одурманивающего народ». Да и опасно было в пору воинствующего атеизма 20—30-х годов держать в доме религиозную литературу (а к таковой относили все написанное арабской графикой). В то время владельцы старинных книг и рукописей пытались как можно скорее от них отделаться: их рвали, жгли, выбрасывали в реки, зарывали в землю. Доходило до того, что книги хоронили (не в переносном, а в буквальном смысле) вместе с умершими аксакалами. Позже мы находили такие «захоронения» книг в кыргызских гумбезах (но об этом ниже). Так «кладези мудрости» становились просто кладами.

Коллекции книг в пещерах встречали и раньше, но они не привлекали должного внимания и для науки бесследно исчезли. Еще в 1949 г. во время работы Тянь-Шаньской экспедиции под руководством А. Н. Бернштама археологом Д. Ф. Винником в долине Алабука на кладбище Узгуруш в гумбезе был обнаружен архив книг и рукописей. Беглый осмотр показал: все они старые, написанные или напечатанные еще арабской графикой. Среди них оказались сочинения известного средневекового поэта Востока Физули. К сожалению, экспедиция оставила архив на месте, впоследствии он исчез.

В 60-х годах археолог Е. З. Заурова открыла подобный книжный архив в одной из льялякских пещер. Как нам рассказала Е. З. Заурова, книги были привезены в республиканскую Академию, но научная (!) библиотека отказалась их принять, так как, мол, все они на «арабском языке», «религиозные» и научной ценности «не представляют». Книги в ящике долго пролежали в подвале Академии возле ее архива, пока не затерялись (а точнее — были выброшены) при переезде в новое административное здание. Тогда же, в конце 60-х годов, гляциологом Р. Д. Забировым несколько книг было вывезено из тайника, неожиданно открывшегося в обвалившемся после селя обрывистом берегу на Иссык-Куле. Р. Д. Забиров рассказал нам, что книги сдал в библиотеку и проинформировал об этом вице-президента Академии А. А. Алтмышбаева. Позже этих книг в библиотеке мы уже не видели, хорошо, что их названия и краткое описание привел в своей книге «В. И. Ленин и распространение марксизма в Киргизии» академик А. А. Алтмышбаев.

И вот теперь специальный, целенаправленный поиск привел нас в пещеру — «хранительницу» книг и перед нами сами книги и рукописи. А. Б. Халидов сразу же принялся за разбор коллекции, ее первичную обработку и описание. Здесь материалы на арабском, персидско-таджикском, тюркском языках, в том числе и фрагменты, написанные на кыргызском языке. По времени происхождения все материалы XIX — начала XX в. Разные приписки черными и синими чернилами могли появиться лишь в 20-х годах нашего столетия. Следовательно, материалы попали в пещеру не ранее 20-х годов, но не позже конца 30-х.

При разборе нами были выделены разрозненные листы из печатных книг, порванные, скомканные, мятые, ветхие, пострадавшие от сырости и вредителей бумаги. Все это отнесено в разряд макулатуры.

Другую группу составили целые печатные книги и более или менее значительные части книги. Назовем лишь некоторые из них:

1. Литографическое среднеазиатское издание начала XX в. тюркского стихотворного сочинения, без первой и последних страниц (всего сохранилось 117 страниц). В нем излагаются основы исламского учения о Боге, ангелах, пророке, судом дне, о праведном и высоконравственном образе жизни, о дервишестве и т. д. Приводятся назидательные притчи, рассказы, легенды, газели с восхвалением суфийских ишанов. Текст написан почерком насталик. Переплет картонный с кожаным корешком.
2. Стамбульское наборное издание XIX в. «Шарх Талим ал-муталим» («Комментарий обучения учащегося»). Автор этого арабского философского сочинения о существе знания и путях его достижения — аз-Зурнуджи, жил при турецком султানে Мураде ибн Салиме. На полях другой комментарий, принадлежащий Осман-Назару. Экземпляр дефектный — сохранилось 142 страницы, конец утерян.
3. Стихотворное переложение по-тюркски известного арабского руководства по фикху (мусульманскому праву) «Мухтасар ал-анкайа» в литографическом издании 1896 г. в Ташкенте (406 страниц, но окончание утеряно). Автор переложения — Казы Рахим Ходжа.
4. Персидско-таджикское литографическое «Четверокнижие» («Чаркитаб») — очень популярная в Средней Азии книга для читателей всех возрастов.

Среди книг учебник арабского языка для новометодных школ, «рисоля» (молитвы-поучения) для ремесленников, а также дефектные экземпляры изданий Корана.

Значительную группу составили рукописные материалы — целые рукописные книги, фрагменты книг и разрозненные листы, деловые бумаги и ученические записи.

В большинстве своем они были в плохом состоянии: грязные, ветхие, рваные, попорченные из-за сырости и т. п. (Позже они были приведены в порядок, очищены, разглажены, подклеены, продезинфицированы и инвентаризированы). Но уже с ходу были отмечены:

1. Объемистая рукопись (521 страница) на тюрки сочинения Суфи Аллаяара «Маслак ал-муттаким» («Путь праведных»). В книге содержатся разъяснения по широкому кругу вопросов практической этики и ритуала, изложенные в духе учений суфийских (дервишских) орденов. Текст написан довольно крупным почерком уверенной профессиональной рукой. Бумага среднеазиатская, рукопись датировали приблизительно XIX в.
2. Дефектный персидско-таджикский комментарий к суфийскому сочинению (свыше 450 страниц).
3. «Фикх Кайдани» и «Фарад ал-айн» — два руководства по ритуалу, первое в тюркском переводе, второе — по-таджикски.

В собрании несколько рукописей — записей простым непритязательным почерком кыргызских молдо конца XIX — начала XX в. — о чудесах, творимых пророками, молитвы, ритуалы, проповеди по разным поводам, благочестивые размышления и т. п. Как правило, имена, даты, названия сочинений, топонимика в этих рукописях чрезвычайно редки. Тем на менее встречается имя молдо Исмаил, сын Байболсуна, сына Ишкара, сына Ибрахим-кула, сына... (и т. д.).

На отдельных листах — отрывок из астрологического сочинения «Кавалд-и киран» («Правила сочетания (светил)») на тюркском языке; свиток эсхатологического сочинения с описанием «конца мира» — на тюркском языке; персидско-таджикский диплом на занятие поста наставника по тарикату (ишана) и многие другие.

Приведем для примера перевод из ученических записей о вере по-таджикски: «Вера выражается по-разному, говорят, двенадцатью способами. Первое — в общении с учеными, второе — в избегании лицемеров, третье — в отвержении дуализма, четвертое — в страхе божием, пятое — быть милостивым к главе (кад-худаю) дервишей, шестое — учиться исламу (покорности), седьмое — приучать свою семью к молитве, восьмое — быть предупредительным и обходительным с гостями, девятое — почитать умерших, десятое — быть послушным пиру (руководителю дервишского ордена), одиннадцатое — похоронить отца и мать и посещать их могилу, двенадцатое — строить молитвенный дом (для дервишей?)». (Перевод сделан на месте, в Ат-Баши, А. Б. Халидовым).

О чем же поведал Атбашинский клад? Скорее всего, он принадлежал кыргызской образованной и религиозной семье небольшого имущественного достатка (нет изданий с дорогими переплетами). Библиотека была составлена на протяжении жизни не менее двух поколений во второй половине XIX — начале XX в. В семью входили образованные представители культа (диплом ишана). Детей обучали грамоте, скорее всего, старшие родственники. Духовное богатство этой явно интеллигентной семьи было спрятано в пещере в надежде на лучшие времена, очевидно, под натиском не в меру воинственной «культурной революции», которая не терпела плюрализма.

Таких семей в кыргызских аилах было не так уж мало. Обратимся только к фактам.

Книжныеклады гумбезов. Во время экспедиционных поездок по Кыргызстану с археографической целью нам неоднократно приходилось слышать о коллекциях книг, «захороненных» в гумбезах, ставших их последним пристанищем. Книги приносились в гумбез и на полочках или в мешках — хурджунах оставлялись внутри гумбеза, чтобы захороненный здесь человек (как правило, имам

или молдо) мог и в потустороннем мире пользоваться своей библиотекой. Именно такую коллекцию встретили на Тянь-Шане в 1948 г. участники археологической экспедиции А. Н. Бернштама. Такую коллекцию из нескольких книг встретили и мы, работая в составе отряда Б. Дуйшеева в Джумгалском районе Нарынской области в 1983 г. На восточной окраине села Чон-Добе до сих пор стоит гумбез Курманбая. Это мавзолей с колоннами, высоким порталом и полуразрушенным сферическим куполом. Гумбез сложен из сырцового кирпича, имеет внутри оконцеобразные ниши, на которых и лежали три книги, выполненные арабской графикой. Предварительный осмотр показал, что они религиозного содержания (дефектный экземпляр Корана, набор молитв), особой научной ценности не представляют, да и жители не позволили взять книги (даже для научной библиотеки Академии). Поэтому мы только зафиксировали факт «захоронения» книг в этом гумбезе. Зато в аналогичном соседнем гумбезе некоего Бекмурата в центре того же села Чон-Добе нам позволили взять для Академии целую коллекцию старинных рукописей и книг.

Следующий полевой сезон также был вознагражден в археографическом плане. «Клад мудрости» из гумбеа Ишан-Ата пополнил собрание старинных рукописей нашего института.

...Чон-Алайская высокогорная долина летом — прекрасное пастбище, используемое не только местными кыргызами, но и скотоводами соседних Узбекистана и Таджикистана. К юго-востоку от села (а в XIX в. — кокандской крепости) Дараут-Курган, на левобережье р. Кызыл-Суу стоит издревле почитаемый гумбез-мазар Ишан-Ата. Он стоит на холме, у подножия которого бьет ледяной прозрачный родник. По легенде в гумбезе похоронен знаменитый некогда (лет 200 назад) лекарь, который «мог исцелить любой недуг». Гумбез, с течением времени пришедший в ветхое состояние, был разрушен землетрясением начала

70-х годов нашего столетия. Впоследствии верующие, использовав сохранившиеся детали, возвели его заново уже из современного кирпича. Святыня имела традиционные формы: невысокий портал, купол, сферическая древняя ниша. Внутри гумбез ничем непримечателен: не сохранилось даже могильной насыпи. Зато в углу мы обнаружили... целый мешок со старинными книгами и рукописями (довольно плохой сохранности), разрозненные исписанные «по-арабски» листки и пр. Мы отобрали фрагменты наиболее сохранившихся книг, наиболее интересные листы и передали для анализа и составления описи востоковедам. Алма-атинский (а ныне московский) востоковед В. Н. Настич разобрал обе коллекции — из тянь-шаньского и алайского гумбезов, и теперь мы можем судить о том, что хранили «духи захороненных» в гумбезах и что дошло до нас таким необычным способом. Тянь-шаньский клад (назовем его условно так) дал нам книгу под названием «Китаб-и мустатаб-и раунак ал-ислам» («Улучшенная книга о великолепии ислама»), отпечатанную в типографии Казанского университета в 1883 г. Сочинение чисто схоластического содержания, повествует о «признаках, характерных для посланника Аллаха», «достоинствах улемов», о «восьми качествах Аллаха Всевышнего», о вере, религиозной покорности, «самоулучшении» мусульманина и т. п. Чисто религиозная книжица, представляющая интерес для историков ислама и свидетельствующая о форме религиозной пропаганды в Кыргызстане во второй половине XIX в.

Интересен и находившийся здесь трактат по богословию средневекового теолога и правоведа Мутфаилаха ал-Кайдани (умер 750 / 1359–60 г.) под названием «Фикх Кайдани». Эта книга была издана в Казани типографией торгового дома братьев Каримовых в 1901 г. В целом трактат относится к разряду этико-дидактических произведений богословско-правоведческого направления, которое создавалось в качестве теоретических (вернее, даже

идеологических) обоснований и дополнений к шариатским трудам, использовавшимся в судебно-правовой практике мусульманскими законооведами.

Ташкентская литография, отпечатанная в 1905 г. на 120 страницах, содержит поэму суфи Аллаяра — известного среднеазиатского мистика конца XVII — начала XVIII в. Поэма в стихах на тюркском языке «Мурат ал-арифин» («Предмет вожделения познающих») принесла суфи Аллаяру славу выдающегося суфийского лидера и страстного проповедника мистического направления в позднесредневековом исламе. Сочинение было широко распространено среди мусульман повсеместно в Средней Азии и за ее пределами. Его изучение входило в курс преподавания многих медресе и суфийских ханака.

В поэме воспеваются достоинства бесконечно любимого и вожделенного божества, к слиянию с которым должна постоянно стремиться несовершенная душа суфия, и приводятся наставления «практического» характера для достижения такого слияния. Аллаяр призывает верующих к чистоте помыслов и непорочности бытия, отрицанию мирских соблазнов и неприятию материального благополучия. Насквозь реакционная и антигуманная «поэзия» этого глашатая феодальной идеологии и духовного порабощения внесли лепту в дело отвлечения трудящихся от борьбы за лучшую жизнь на земле, способствуя тем самым их дальнейшему закабалению и жестокой эксплуатации власть имущими.

Довольно распространенные в среде кочевников «рисоля» скотовода — книжечки-молитвы (написанные от руки, изданные литографическим или типографическим способом) показывают, что кыргызы обращались к чтению молитв и просили бога о благополучии своего скота и т. д. Рукопись такого «рисоля» скотовода на узбекском языке была также обнаружена в гумбазе.

Примечательно нахождение здесь же тюркской прозаической версии знаменитой «Шах-наме» Фирдоуси. Повествование ведется в традиционной историко-мифологической манере, часто упоминаются имена Кейанидов, Джамшида, Афрасиаба, Сиявуша, Рустама и др. Текст изобилует персидскими словами, которые абсолютно преобладают в лексиконе этого произведения. Достоин сожаления, что литография почти в 700 страниц, несомненно представляющая значительный интерес для востоковедов — как тюркологов, так и иранистов, дошла до нас в разрозненном, плачевном состоянии.

К слову сказать, обнаруженная нами (правда, в другом месте) рукопись «Шах-наме» на тюркском языке (объемом уже свыше 1000 страниц) вызвала живой интерес у турецких коллег, которые даже через посредство своего посольства в Москве попытались получить копию. Но поскольку рукопись все еще в археографической обработке — придется повременить.

В гумбезе, что считаем вполне естественным, обнаружили несколько фрагментов различных изданий Корана (Казань, Оренбург, Ташкент, Стамбул и др.), из-за своей ветхости не представляющих даже археографического интереса.

Но что примечательно (и на этом мы закончим обзор Тянь-Шаньского клада) — нахождение в нем рукописи небольшого формата на восточной бумаге хорошей выделки. Текст выписан красивым почерком позднего насталика блестящими черными чернилами и содержал распределение какого-то дохода по различным статьям расхода.

Приведем его:

«Статей расхода (из суммы) заката — тоже семь: первая — нищим, вторая — беднякам, третья — чиновникам, четвертая — школам, пятая — должникам, шестая — оставшимся от газиев (т. е. сиротам погибших за веру. — *Авт.*), седьмая — странникам». Далее перечисляются обязанности

и ограничения мусульманина во время поста, при приеме пищи и др. Специалисты сделали вывод, что документ составлен малограмотным автором. Но наряду с отменным внешним видом и оформлением рукописи это создает впечатление, что работа была сделана не на заказ, а сугубо из благочестивых побуждений.

Таковым оказался клад тянь-шаньского гумбеца: типичные для среднеазиатско-казахстанского региона образцы религиозной литературы, пособия по правоведению, классической восточной филологии, а также некоторое количество произведений развлекательно-беллетристического жанра и поэтического творчества на местных (тюркском и персидско-таджикском) языках.

Аналогичный, но более бедный набор книг, рукописей, отдельных документальных листов представляет собой обнаруженный в гумбеце-мазаре Ишан-Ата Алайский книжный клад. Здесь также обрывки рукописного Корана (из двух разных списков, датируемых приблизительно XVIII–XIX вв.). Разрозненные листы нескольких трактатов религиозного содержания и дидактических сочинений. Несколько рукописных свитков с текстом молитв на арабском, персидском и тюркском языках. Мусульманские по оформлению и удивительно светские (мирские) по содержанию, они по существу являются «начинкой» местных берегов-тумаров. Написаны они на бумаге среднеазиатского производства некаллиграфическими почерками. Язык молитв — таджикский и тюрки, с заметным влиянием живых разговорных элементов.

На одном из свитков после обычного зачина молитвы по-арабски следует притча на тюрки о том, как «во времена сына Исраила» некий падишах повелел казнить своего нечистого на руку казначея, но ни меч, ни стрела с копьём, ни виселица, на которой он висел три дня, его не умертвили. Тогда его оставили в пустыне без воды и пищи. Потом бросали на съедение льву и волкам. Топили

в воде, жгли в огне и прочее, и прочее, и прочее — отовсюду он выходил живым и невредимым. Далее следует длинное изложение беседы падишаха с этим казначеем, из коего следует, что на казначее была спрятана написанная на бумаге молитва, которая и спасла его от насильственной смерти.

Другой свиток содержал молитву на тюркском языке следующего содержания: «От болезней, кто при себе с чистыми помыслами имеет, то все равно, что он совершил бы тысячу хаджей, или прочел тысячу раз Коран, или освободил тысячу рабов, или насытил тысячу голодных и т. п. Хазрат Осман говорил, что Бог сотворил для человека три тысячи болезней. Кто эту «великую» молитву с искренним чувством при себе держит, того она от трех тысяч болезней, посылаемых Аллахом, предохранит и шайтан к этому человеку дорогу не найдет».

Найденные в гумбазе знаменитого лекаря Ишан-Аты свитки симптоматично указывают на функциональное предназначение как самого «святого» места, так и молитв. Помимо того, что эти и подобные им молитвы-обереги, строго говоря, являются таким же продуктом народного творчества, как и образцы любого жанра литературного произведения, и уже по одному этому заслуживают внимания специалистов-литературоведов и фольклористов, языковедов и диалектологов. Раньше полагали, что подобные творения представляют собой яркий образец религиозного фанатизма, одурманивания простых людей, которым в случае серьезной болезни или другого несчастья вместо лечения или активного вмешательства в ход событий в «красочной» и соблазнительной форме предлагается (причем без альтернативы) «с чистыми помыслами и искренним чувством» надеяться только на Аллаха, который поможет мусульманину, имеющему этот клочок бумаги (между прочим, стоивший ему хоть и не слишком большой, но трудом заработанной суммы). Однако консультации

с медиками-психиатрами, особенно после эффектов Джунны, Чумака, Кашпировского и др., позволяют думать, что подобные молитвы могли иметь влияние на психику человека, влиять на его внутренние иммунные ресурсы, мобилизация которых в отдельных случаях могла оказать благоприятное влияние на течение болезни.

В заключение хочется подчеркнуть важное значение обретенных книжных кладов, несмотря на их кажущуюся примитивность. Даже описанный выше свиток с полуграмотными молитвами на тюркском языке, на первый взгляд, лишенный какого-либо познавательного значения, важен для изучения социальной и индивидуальной исторической психологии кыргызского населения досоветского периода, корнями своими уходящей далеко в глубь столетий и в таком качестве отражающей и весьма древние представления и верования. Рукописные и печатные «книги по богословию и правоведению, не будучи прямым первоисточником исторического круга, тоже зачастую содержат скрытый фактографический материал о «делах давно минувших дней». При правильном подходе они могли бы служить немаловажным подспорьем для востоковеда-историка. Для философов и историков, право, эти сочинения будут просто незаменимы.

Кроме того, клады книг и документов самого различного характера в регионах, где всегда обитали только кыргызы, позволяют усомниться в официальной точке зрения на историю культуры кыргызского народа. Считалось, что кыргызы до революции были бесписьменным и неграмотным народом. Так ли это?

Клады спецхранов (кыргызские книги). Разрозненные страницы, вырванные из книг, авторами которых, судя по их содержанию и языку, могли быть кыргызы, привели нас к целенаправленному поиску именно кыргызских книг. А поскольку они были печатными, мы обратились к литературе и библиотекам. Из литературы выяснилось,

¹² Том V. В. М. Плоских

что до революции было издано только четыре книги кыргызских авторов: «Зилзала» («Землетрясение») Молдо Кылыча, «Муктасар тарых-и Кыргызия» («Краткая история кыргызов») и «Тарых-и кыргыз шадмания» («История кыргызского раздолья») Осмоналы Сыдыкова, букварь Аралбаева. В библиотеке, конечно же, ни одной из упомянутых книг не оказалось — все они были заключены в спецфонды, не доступные простым смертным. Тогда мы стали расспрашивать о книгах кыргызское население в глубинке — на Тянь-Шане, Алае, Сары-Джазе. Но, к сожалению, приходится признать, что и это оказалось тщетным. Дело в том, что в свое время авторы названных книг были объявлены «буржуазными националистами», «проповедниками пантюркизма и панисламизма», «идеализаторами прошлого». Поэтому не только читать, но и хранить такие книги было сверхопасно. Особенно в свете известных репрессий 30-х годов, когда малейший повод мог повлечь за собой трагический конец. Книги на «арабском» языке, да тем более «националистов», вполне могли стать таким поводом.

Однако дефектные фрагменты книг нам все же удалось приобрести. А обращение в библиотеки после того, как с книг был снят гриф строжайшей секретности (1988 г.), позволяет сказать здесь несколько слов об этих кыргызских авторах и их книгах. Тем более, что они подтверждают только обозначенный пещерной и гумбезной коллекциями вывод кыргызы и до революции имели свою письменность, свою художественную и историческую литературу.

Итак, произведения акына-письменника Молдо Кылыча Шамырканова (1866—1917 гг.). Сейчас он признан (после постановления ЦК Компартии Кыргызстана в январе 1989 г.)¹ одним из основоположников кыргызской письменной

¹ Сов. Киргизия. 1989. 4 янв.

литературы, чьи произведения претерпели сложную, даже трагическую судьбу, они расходились в рукописях и передавались из уст в уста, публиковались и запрещались, автора то превозносили до небес как «отца кыргызской письменной литературы», то обвиняли в национализме и затапывали в грязь.

Литературное наследие Молдо Кылыча составляет в общей сложности около 10 тысяч стихотворных строк, но до нашего времени дошло лишь 36 произведений акына, среди которых наиболее крупные «Зар Заман» («Печальная эпоха», 1908 г.), «Зилзала» («Землетрясение», 1911 г.).

Произведения Молдо Кылыча были изданы также в 1946 г., отрывки из них вошли в антологию кыргызской поэзии. Его противоречивое творчество неоднократно было предметом всевозможных обсуждений и политических решений. Несомненно, его идеология несет отпечаток своего времени, своей эпохи: религиозность, идеализация патриархальщины, родовых отношений. При всем при этом традиции «замана» (конца света) с их пессимистичностью и религиозностью переплетаются в его творчестве с социальной критикой несправедливости, обличением власть имущих и состраданием к обездоленным. Его творчеству присущи натурфилософия, ощущение единства человека с природой. В 40-х годах произведения Молдо Кылыча исследовались Т. Саманчиным, М. Богдановой, Дж. Шукуровым. Но тогда же их взвешенные и аргументированные оценки были отвергнуты и забыты. В результате в 60–70-х годах Молдо Кылыч преподносился чуть ли не как лидер национализма и русофобии прошлого века. Отсюда и негативная оценка его личности и творчества [см: «История Киргизской ССР». — Т. 2, 1986; «История киргизской советской литературы». — Т. 1, 1987].

Лишь указанным выше постановлением ЦК Компартии республики отменены были предшествующие партийные решения, неправильно оценивавшие произведения Молдо

Кылыча; в нем прозвучал призыв к ученым о восстановлении правды о литературном наследии одного из видных кыргызских мыслителей конца XIX — начала XX в., к всестороннему исследованию творчества акына-письменника, к изданию его избранных произведений на кыргызском и русском языках.

В 1991 г. книга его стихов, наконец-то, издана в Бишкеке — пока только на кыргызском языке.

Да, автор — дитя своего времени, времени, когда ислам был единственной идеологией и господствующей религией. Вполне естественно поэтому, что Молдо (мулла) не мог (да и не хотел) проповедовать ничего иного, кроме догм ислама. В «Зар Замане» можно прочитать:

Пишу, поскольку я мулла.

Беря стальное перо в руки...

Да, у него есть строки против русских. Но ведь он жил в эпоху царизма, в конце XIX — начале XX в., когда Россия была, по определению В. И. Ленина, «тюрьмой народов». Он сам четко разделяет русских деспотов, слуг царизма, и русский простой народ, у него есть такие строки:

От русских нет зла...

Молдо Кылыч неоднозначно относился к последствиям присоединения Кыргызстана к России. Он опасался необратимых перемен в традиционном укладе быта кыргызов и вместе с тем положительно отзывался о русских переселенцах, признавая преимущества оседлого образа жизни перед кочевым. В своих произведениях он не избежал идеализации патриархально-феодальных отношений, религиозности, в то же время изобразил бедственное положение народа под гнетом царизма и местных феодалов. Несмотря на противоречивость, двойственность мировоззрения, социально-политических взглядов, многие произ-

ведения Молдо Кылыча имеют большую познавательную и художественную ценность.

В предисловии к книге Молдо Кылыча «Зилзала», опубликованной в Казани в 1911 году, повествующей о землетрясении, происшедшем накануне на родине акына в Чон-Кемине, об авторе сказано: «Из рода сарыбагыш, [пишущий] на чистом [кыргызском] языке, выходец из Кара-Кочкорки, знаменитый поэт Молдо Кылыч в течение 20 лет как поэт написал много стихов». И далее: «Молдо Кылыч писал для того, чтобы событие, виденное глазами, осталось в истории».

Только теперь мы с полной убежденностью можем сказать: произведения Молдо Кылыча вошли в историю, в золотой фонд сокровищницы духовной культуры кыргызского народа.

Обе книги Осмоналы Сыдыкова (1890–1949) были изданы до революции в Уфе: одна — в 1913, другая — в 1914 году. Это — единственные опубликованные до революции исторические сочинения кыргызского автора, написанные на кыргызском языке о событиях, свидетелем которых был сам автор.

Осмоналы Сыдыков — воспитанник новометодной школы, и в основу своих книг положил устные родословные предания кыргызов (санжыра) и жизнеописания крупных манапов. Через генеалогию кыргызских феодалов Ормонхана, Джантая и Шабдана, сыновей Тыная и других автор пытается по мере сил показать историю кыргызов, следуя традиционной исламской литературе, — начиная от Хазрата (Адама) и Хавы (Евы).

На риторические вопросы «зачем нам знать историю?» и «какая польза от истории?» О. Сыдыков бесхитростно отвечает: знающие историю уподобляются тем, кто собственными глазами видел быт прежних людей, ибо историк знает столько, сколько знает человек, проживший несколько

тысяч лет. Познание истории он призывает начать с изучения своего рода, своего народа и только после этого переходить к изучению других народов. И в какой-то мере этот принцип сам автор выдерживает в обеих своих книгах.

Являясь выходцем из племени сарыбагыш, О. Сыдыков поет панегирик верховному манапу сарыбагышей Шабдану Джантаеву, идеализируя заодно и других кыргызских родоправителей. При этом он, однако, бичует угнетательскую политику кокандских ханов и в присоединении Кыргызстана к России видит благо, которое не только ликвидировало ханский гнет, но и прекратило родоплеменные междоусобицы, способствовало приобщению кыргызских кочевников к земледелию, к образованию.

«Мухтасар тарых-и Кыргызия» построена по принципу устных генеалогических преданий: сыновья Ормон-хана, сыновья Рыскул-бека, сыновья Тыная, сыновья Манапа, сыновья Бугу, Саяк, Черик и т. д.

«Тарых-и кыргыз шадмания» — труд несколько иного склада, хотя и здесь автор отталкивается от генеалогии. В целом же сочинение посвящено апологетическому воспеванию деяний кеминского манапа Шабдана Джантаева. Но имеются и общеисторические экскурсы, в том числе о роли кыргызов в Кокандском ханстве, о гнете кокандцев и о восстаниях кыргызов, о роли ислама в кыргызской среде, об отношении к России, русским трудящимся-переселенцам и колониально-чиновничьей бюрократии. При всем этом автор исходит из принципа родоплеменного деления кыргызов, утверждения бесклассовости общества в прошлом, идеализации «тюркоязычного родства».

Интересно упоминание О. Сыдыкова о попытке одного из мударисов (учителей) медресе Алымбека-датхи в Оше, некоего Ходжи Ахмаднура-датхи заняться обором материалов и изучением истории кыргызского народа («чтобы прославить кыргызский род»), но из этого у него ничего не вышло и он бросил эту затею. Надо думать, книга так и не

была написана. В то же время, констатирует О. Сыдыков, в России опубликовали историю жизни жены Алымбека Курманджан-датхи: «оказывается, история нужная и полезная вещь..., теперь о нас знает всезнающий культурный русский народ».

Истоки истории кыргызского народа автор выводит из глубины веков, с гордостью (хотя и без исторического основания) говорит, что основатель народа «кыргыз появился на свет на 3400 лет раньше, чем сам Мухаммед-пророк», что кыргызам приходилось всю жизнь проводить в войне, «воюя, отстояли землю родную от калмаков», но попали под гнет «жестокости и злости правителей сартов» (т. е. Коканда), и в результате Худояр-хан «многих кыргызов разогнал, уничтожил». Автор повествует об избрании ханом кыргызов крупнейшего сарыбагышского манапа Ормона, который якобы и стал управлять территориями Иссык-Куля, Ат-Баши, Нарына, Джумгала, Чу, Сусамыра, Кетмень-Тюбе, Алма-Аты, «используя всевозможные хитрые методы», «управлял только силой, грозя, что накажет или отберет скот». Ормону наследовал его сын Уметалы-султан, который «стал убивать людей без всяких причин». Но вскоре его заменил Шабдан — «очень почитаемый человек» и среди кыргызов, и в России, ибо обладал умом и знаниями. Так автор рисует родоправителей своего племени: не жалуя предшественников, но идеализируя Шабдана, которому приписывал и справедливость, и честность, и бескорыстие, и заботу о благе народа.

Надо отметить, что О. Сыдыков довольно «благоклонно» относится к России и будущее своего народа видит в перенимании опыта русских, овладении знаниями и всеми достижениями Российского государства.

Таково историческое кредо автора. Остается только удивляться, что эти единственные опубликованные до революции сочинения по истории кыргызов, написанные представителем кыргызов, на кыргызском языке (арабской

графикой), как это не прискорбно, столь долгое время предавались анафеме, лежали в спецфондах библиотек и практически были недоступны не только широкому кругу интересующихся историей, не только кыргызскому читателю, но и профессиональному ученому. «Кладезь мудрости» был «за семью печатями» по воле административно-командной системы.

Внимательный читатель давно уже понял, к чему клонят авторы, повествуя о кладах книг в пещерах и гумбезах. Книги-страдалицы ярко и убедительно свидетельствуют, что даже в далекой тянь-шаньской или алайской глубинке до революции жили грамотные кыргызские семьи. Не всегда главы этих семей были представителями культа или феодальной верхушки. В юрте такой семьи кроме домашней утвари, постели, кошм, оружия и конской сбруи бережно хранились Коран, сочинения Джамии, Фирдоуси, книги по мусульманскому праву и другие. В такой юрте не только сбивали кумыс, но и читали вслух наиболее известные суры, прекрасные бейты или популярные касыды. Хозяин такой юрты, возвратившись с базара, привозил сыновьям в качестве «базарлыка» не только кулечек липких конфет, но и тетрадь, калам, чернила. Таких семей, конечно, было не так уж много, но они были.

Если учесть все книги кыргызских дореволюционных авторов и книги, выявленные археографической экспедицией, то можно прийти к важным культурологическим выводам.

Во-первых, все книги и рукописи прошлого, являясь памятниками духовной культуры, представляют собой бесценное наследие, завещанное предками. Они уже сами по себе — памятники культуры.

Во-вторых, они дают понятие о круге интересов кыргызских читателей в прошлые века.

В-третьих, география и хронология написания и издания книг свидетельствуют о широких торгово-экономических

и культурных связей кыргызов и их предков в многовековом диапазоне.

Наконец, в-четвертых, — научное значение «кладов мудрости», их лингвистическая, литературоведческая и источниковедческая ценность. Это богатейший материал по истории, философии, этике, языкознанию, литературе кыргызов и их соседей. В совокупности с другими материалами, в частности, с книгами Молдо Кылыча и Осмоналы Сыдыкова (к ним можно добавить санаты Молдо Нияза, записи кыргызских родословий — санжыра и пр.), они свидетельствуют, что кыргызы и до революции имели письменность, свои художественные и исторические сочинения. И представлять их как бесписьменный в прошлом народ нет никаких оснований.

Обнаруженные книжные клады представляют собой обычные для среднеазиатско-казахстанского региона (Кыргызстан из него ранее исключали) образцы не только религиозной литературы, но и правоведения, классической восточной филологии, а также произведений развлекательно-беллетристического жанра и поэзии на персидско-таджикском и тюркском (в том числе кыргызском) языках. Каталог книг показывает, чем занимались и что читали грамотные люди из местного населения, какой тематический спектр письменной информации доходил до широких слоев народа и в каком идеологическом ключе эта информация подавалась.

По ним становится возможным выяснить и тот факт, с какими культурными центрами Средней Азии, Казахстана, Поволжья и зарубежных стран устанавливали свои контакты кыргызские муллы и молдо. Ведь ни одна конкретная культура, как материальная, так и духовная, коль скоро она развивается не в изоляции от соседних этнокультурных общностей, не может впитывать в себя новые элементы и явления, так сказать, из воздуха. К тому же известно,

что за каждым, даже самым незначительным, на первый взгляд, фактом культурной истории так или иначе стоят экономические интересы определенных классов общества, духовно-идеологические взаимосвязи. Даже отдельно взятые эти факты сами по себе важны для истории, в совокупности же с другими данными они позволяют вписать еще несколько новых страниц в летопись народов.

ПОСЛЕДНИЙ ДАР ДЖАМИ

*Для распознавания тайного клада
Всем науцения нет.*

Хафиз

Редчайшая удача ждала археографов в сезон 1976 г. Нам тогда удалось отыскать уникальную рукопись, которая сейчас украшает собрание Института истории АН Республики Кыргызстан. Она ввела нас в мир заката государства Тимура, и вместе с ним и высочайшей среднеазиатской культуры. Уже был убит по науцению собственного сына величайший ученый Улугбек, обсерватория его разрушалась, ученики разбрелись по свету. В науке, богословии и поэзии господствовали мистические суфийские идеи темного «деревенского имама» Ходжи Ахрара. Но еще творил Джами, в расцвете сил и таланта был Навои, а в Оше и Андижане десятилетний Бабур обучался законам стихосложения по их трудам. Позже в прекрасной книге «Бабур-наме» он не раз помянет добрым словом своих великих учителей...

Так вот об удаче. В тот сезон мы собрали несколько десятков книг на восточных языках. Некоторое время после возвращения, как обычно, занимает организационная суета: отчеты, разбор накопившихся за лето дел. Но вот наконец можно заняться и новыми находками. Очень кстати из Алма-Аты приехал известный востоковед В. Н. Настич.

Внимательно рассматриваем «Книгу о торговле» — рукописный трактат о правилах торговых операций, сочиненный арабским автором без малого тысячу лет назад, толковый словарь персидского языка «Гийас ал-лугат» индийского автора XIX в., в котором содержатся ценные оригинальные сведения по средневековой истории, географии и этнографии Средней Азии, Ирана и других стран, изящно оформленные диваны — сборники стихов Омара Хайяма, Навои, Бедия...

Но что это? На столе рукопись в красивом тисненном переплете. Первая страница украшена великолепным узором — многоцветной заставкой с тонким орнаментом. Четкие строки черной арабской вязи оживляются многочисленными кинокартинными вставками. Прекрасный, явно старый, почерк и лощеная добротной ручной выделки бумага говорят о почтенном возрасте манускрипта. Этого достаточно, чтобы на время отложить в сторону все остальные находки.

Снова раскрываем рукопись: на первой странице прямо в тексте по старой восточной традиции должно упоминаться название сочинения. (Кстати, начало арабской книги находится там, где мы привыкли видеть конец). Прочитываем и последние строки сочинения, в которых обычно сообщаются дата его окончания, имя автора, а также сведения о переписчике. Но что это? Читаем: «Фава, ид вафийа би-халли мушкилат ал-Кафийа («Полезные сведения, достаточные для разрешения трудностей ал-Кафии») Да это же последнее сочинение Абдурахмана Джами!

Кто же он, Абдурахман Джами, и почему мы дорожим его наследием?

...Вся первая половина 1492 г. для Джами прошла в напряженном труде. Знаменитый поэт и ученый, прогоняя болезни, заканчивал многотрудное сочинение — трактат по грамматике арабского языка. Работа была в основе завершена ранее, но ее предстояло переписать начисто. Каллиграф из него неважный, но черновик был так испещрен многочисленными поправками и пометками, что кроме автора едва ли кто смог бы в них разобраться. Поэтому понятен вздох облегчения, когда автор дописывал последнее предложение: «Избавился от мук подготовки к переписке этого толковника с черновика на чистовик сей ничтожный раб Абдурахман ал-Джами... утром в субботу одиннадцатого рамазана... года восемьсот девяносто седьмого» (в переводе на европейское летосчисление — 7 июля

1492 г.). Автору оставалось жить всего четыре месяца.

Осенью 1492 г. семидесятивосьмилетний Джами простудился и слег в постель. Весь Герат с тревогой следил за болезнью престарелого кумира. Ежедневно его навещал блистательный ученик, друг и покровитель Алишер Навои, на руках которого Джами и умер 18 мухаррама 897 года хиджры — 9 ноября 1492 г.

Поэт умер. Произведениям его суждено было пережить века. Уже современники почитали его как величайшего мыслителя и преемника классиков средневековой персидско-таджикской литературы. Имя Джами стоит в одном ряду с именами таких прославленных поэтов Востока, как Рудаки, Фирдоуси, Ибн Сина, Хайям, Саади, Хафиз. Являясь последним представителем блистательной плеяды звезд средневековой восточной поэзии, Джами как бы соединил прошлое и будущее, оказав огромное влияние на развитие всей последующей литературы мусульманского мира.

Абдуррахман Нураддин ибн Ахмад Джами — великий средневековый поэт и ученый, крупный деятель суфизма, знаток мусульманского права — родился 7 ноября 1414 г. в местечке Джам в Хорасане. Получив блестящее образование в Герате и Самарканде, где он слушал лекции ближайшего ученика Улугбека — Казизаде-йи Руми, Джами отказался от придворной карьеры, хотя перед ним открывалась такая возможность неоднократно. Он примкнул к суфийскому ордену «накшбандийе», который привлек его призывом к деятельному добру. Начав рано писать, Джами рано получил и широкую известность. Его сочинения имели огромный успех как при дворах правителей, так и среди простого люда. Объясняется это тем, что Джами был личностью разносторонней: поэт и философ, он мог писать о высоких материях, посвящать свои произведения носителям власти, наставлять и учить их. В то же время он ощущал свою неразрывную связь с народом и неоднократно повторял: «Мы по самой природе своей люди степные,

деревенские»¹. Джами — деятельный гуманист. Благоклонность гератского двора и многолетняя дружба с визирем Алишером Навои не сделали его зависимым.

Достоинством произведений Джами являются ясность и простота в сравнении с напыщенным и вычурным слогом литературы XV в. Вершина его идейного творчества «Книга мудрости Искандера» — социальная утопия, легенда о счастливом царстве на земле. Понятны его призывы в век жесточайшего восточно-деспотического правления:

Не верой, не обрядами страна
Законом справедливости сильна.

За сорок лет активной творческой жизни Джами оставил огромное литературное наследство. Рукописей его произведений сохранилось довольно много, гораздо больше, чем творений его предшественников. Они более точно датируются и принадлежность большинства из них Джами не вызывает сомнений (чего нельзя сказать о многих сочинениях других поэтов средневекового Востока). Немало списков рукописей восходит к XV в., еще более — к началу XVI в. Списки его произведений распространялись и позже, а в конце XIX — начале XX в. появляются литографии и печатные издания. Сохранились и автографы поэта. Есть они и в рукописном собрании Института востоковедения АН Узбекской ССР². Как отмечает Е. Э. Бертельс, автографы Джами отличить нетрудно. Поэт обладал характерным почерком. Он с точки зрения каллиграфического искусства не может быть назван красивым, о чем упоминает и сам Джами, но узнать его можно сейчас же.

¹ Бертельс Е. Э. Избранные труды. Навои и Джами. М., 1965. С. 222.

² Опубликован аннотированный каталог рукописей Джами, хранящихся в ИВ АН Уз. ССР «Рукописи произведений Абдурахмана Джами в собрании Института востоковедения АН Узбекской ССР» (Ташкент, 1965).

Название сочинения не выделено в заглавие, как это делается в современных книгах, а упомянуто в самом тексте на первой странице (л. 2 б.): «Фава, ид вафийа бы-халл мушкилат ал-Кафийа» — «Полезные замечания, достаточные для разрешения трудностей ал-Кафи». Написанное в качестве толкования к известному грамматическому компендиуму «ал-Кафийа фи-н-нахв» ибн ал-Хаджиба (1175–1249) сочинение Джами в сущности представляет собой самостоятельный трактат, в котором разъясняются основные положения и трудности арабской грамматики. Автор посвятил свое произведение сыну, Зияуддину Юсуфи, поэтому дал книге второе название — «ал-Фава, ид аз-зийа ийа», которое тоже упомянуто во вступлении к трактату. Судя по всему, первоначальное назначение трактата — пособие для успешного овладения всеми сложностями основного языка науки и поэзии мусульманского мира средневекового периода. Но имел он и самостоятельное научное значение. Так трактат воспринимался уже современниками, так его понимали и потомки.

На последней странице трактата (л. 150 б.), оформленной как колофон, приведена дата окончания авторской работы над сочинением: суббота 11 рамазана 897 г. хиджры, т. е. 7 июля 1492 г.

Исторические источники говорят о том, что этот труд Джами довольно быстро завоевал признание и популярность среди тех, кто брался за изучение арабского языка. Например, Зайнадин Васифи в своих мемуарах «Бадаи ал-вакай» («Удивительные события») упоминает о том, что уже в 1511 г. «ал-раза, ид» входил в курс обязательной подготовки для учащихся медресе¹.

Это сочинение было упомянуто и описано в антологии (тазки-ра) «Тухфа-и Сами», составленной в 1550 г. сыном

¹ *Болдырев А. Н.* Зайнадин Васифи. Сталинабад, 1957. С. 88–89, 324, прим. 141.

сефевидского шаха Исмаила Сам-мирзой. Причем его название, приведенное в антологии, отличается от того, которое дано в нашей рукописи: «ал-фава, ид аз-Зийа, ийа фи шарх ал-Кафийа» («Полезные замечания, (посвященные) Зия, о толковании ал-Кафии»). Позднее это трактат был известен в Средней Азии под еще более краткими названиями — «Шарх хазрат мулла Абд ар-Рахман ал-Джа-ми» (поздняя приписка в нашей рукописи на листе 2 а), «Шарх-и мулла Джами» или даже просто «Шарх-и мулла».

Такое разнообразие названий, приписываемых одному сочинению, должно указывать на достаточно большое число и одновременность списков трактата, существовавших в различных странах Востока. Каждым из переписанных заново экземпляров наверняка пользовался не один десяток учащихся. Достаточно обратить внимание на широкие поля нашей рукописи, испещренные многочисленными пометками и дополнениями ее читателей (причем некоторые из пометок сделаны весьма поздними «среднеазиатскими» почерками, типичными для конца XIX — начала XX в). Все это убедительно свидетельствует о широкой популярности грамматики Джами среди населения Средней Азии, Ирана и сопредельных областей мусульманского мира, где изучался арабский язык.

Рукопись дошла до нас в полном списке и хорошей сохранности. Она написана отличным, четким почерком насх и имеет прекрасное художественное оформление. Титульный лист рукописи (л. 2 б.) украшен унваном — фигурной многоцветной заставкой, в которой преобладают золотая и темно-голубая краски. Текст на каждой странице заключен в изящную черную рамку. Черные строки арабской вязи оживляются «рубриками» — названиями грамматических разделов, отдельными словами и фразами, выписанными красной кинovarью великолепным почерком сульс. Книги, изготовленные с таким мастерством, ценились очень высоко, их могли приобретать только состоятельные люди.

Довольно часто такие рукописи делались по заказу правителей и меценатов.

Но главное достоинство обнаруженного списка заключается в том, что он является одной из ранних копий трактата. В колофоне указаны место и дата переписки — «в преславном городе Балхе» в 944 г. хиджры (1585—86 гг.).

Колофон сохранил нам и имя переписчика — Давлат Мухаммад ибн Тенгри-берди Кушчи. Тюрк по происхождению, о чем свидетельствует тюркское языческое имя его отца, он, вероятно, относился к хорошо образованной художественно-ремесленной интеллигенции. Переписчик принадлежал к племени кушчи. Этот факт не может не вызывать интереса у кыргызского читателя. Дело в том, что племя кушчи (кушчу, кутчу) является одним из самых крупных составных частей средневековой кыргызской народности. Оно наряду с племенами саруу, мундуз, кытай, жетиген, басыз, тебей входило в левое крыло (сол каанат) кыргызов. Основная масса кушчи проживала в Таласской долине. Небольшие подразделения этого племени оказались в составе кыргызских племен бугу, монголдор и др. Тамга (знак, печать) кушчу представляла собой круг. Боевой клич (ураан) — «Каратал». Кушчи и являются одним из древнетюркских племен и издавна обитали на Тянь-Шане и в Казахстане. По мере формирования с XVI в. самостоятельных народностей — узбекской, казахской, кыргызской — отдельные роды кушчи, сохранив свое самоназвание, вошли этническими компонентами в состав этих трех народностей¹.

Давлат Мухаммад Кушчи, судя по рассматриваемой рукописи, был прекрасным каллиграфом и знатоком арабского языка — иначе он просто не смог бы точно и без ошибок

¹ *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этнические и историко-культурные связи. Л., 1971. С. 26, 30–34, 42; *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV — начале XVI веков. Алма-Ата, 1977. С. 192.

¹³ Том V. В. М. Плоских

переписать столь сложный и большой по объему арабский текст. Он знал и персидский язык, даже пытался писать на нем стихи. Образец его самостоятельного творчества сохранился в персидском двустишии — приписке под колофоном рукописи. Двустишие написано той же рукой, что и остальной текст, но почерком насталик, более свойственным персидскому языку:

Хатт дар варак дахр бемонад,
Бичораи нависанда ки дар хок равад.
(Написанное на листе останется вечно,
А бедный писец обратится в прах).

Не исключено, что подобного рода приписки делали многие мастера, из рук которых выходили удивительные плоды долгих месяцев кропотливой, филигранной работы. А ведь сколько таких уникальных творений не дошло до нас, затерявшись где-то в лабиринтах веков! Переписчик творения Джами был далеко не единственным и далеко не самым известным образованным выходцем из племени кушчи. Так, одним из учеников, помощников и друзей Улугбека был Ала ад-дин Али ибн Мухаммед Кишчи, которого за ученость прозвали «Птолемеем своей эпохи». (Кстати, Джами в Самарканде слушал лекции этого «Птолемея» из племени кушчи)¹.

Нашей рукописи действительно повезло: почти пять столетий переходила она из рук в руки, пока не попала на стол исследователя. Аккуратно подклеивались поврежденные страницы, вписывались испорченные временем

¹ В. В. Бартольд полагает, что в имени ученого Ала ад-дина Али ибн Мухаммеда Кушчи последнее слово обозначает не племенную принадлежность, а прозвище «сокольничий» (см.: *Бартольд В. В. Соч. Т. III, Ч. 2. С. 136*). Здесь он не учел, что выходцы из степных кочевых племен всегда в качестве нисбы обозначали племенную принадлежность — например, Шах Мухаммед Чурас.

и многократным пользованием места в тексте. На последней странице внизу колофона сохранилась интересная запись по-персидски: «Дата покупки этой книги — 1134» (т. е. 1722—23 г.). Под этой пометкой видны следы стертой надписи — вероятно, это была аналогичная приписка прежнего владельца книги. Следовательно, сам факт покупки такого манускрипта стоил того, чтобы специально отметить это на его страницах.

Переplet рукописи сделан уже в XIX в. и, бесспорно, далеко не первый за ее долгую жизнь. Он настолько изящен и аккуратен, что мастеру не стыдно было увековечить свое имя: в одной из фигурных орнаментальных виньеток на переплете мы читаем: «Работа муллы Надир-Мухаммада саххафа (переплетчика. — *Авт*)». И дата — 1257 / 1841—42 г., т. е. середина XIX в. Переplet изготовлен в Средней Азии: техника работы и особенности его оформления вполне типичны для кокандских мастеров, чьи произведения украшают еще несколько рукописных и печатных книг, собранных экспедицией.

Вот так и доходят до наших дней сокровища древней среднеазиатской мысли: таджик по происхождению Абдурахман Джамии (1414—1492) сочинил; тюрк Давлат Мухаммад ибн Тенгри-берди Кушчи (XVI в.) тщательно и грамотно переписал, узбек Надир-Мухаммад (XIX в.) изящно переплел... Что может быть дороже такого сотворчества?

О популярности сочинений Джамии среди населения южных районов Кыргызстана, близких к Таджикистану и Узбекистану, говорит и факт приобретения нами здесь других его книг. Мало этого. В том же районе Кыргызстана мы встретили «Комментарий к грамматическому трактату ал-Джамии». Комментарий к тому самому грамматическому трактату, рукопись которого была нами найдена ранее! Комментарий, свидетельствующий о том, что сочинение Джамии имело значение не только вспомогательного учебного пособия, но и самостоятельного научного труда.

В колофоне приведена дата окончания комментария — 1237/1821—22 г. Составлен он был неким Хаджи Абдаллахом ибн Салих ибн Исмаилом (Махрам-афанди) в начале XIX в., а издан в Константинополе на 512 страницах в 1890—1891 гг., и этот труд пополнил коллекцию Института истории АН Республики Кыргызстан.

Нам посчастливилось также приобрести редкое литографическое издание двух других произведений Джами — «Нафакат ал-уж» («Веяние дружбы») и «Силсилат аз-захаб» («Золотая цепь») объемом в 467 страниц. Они опубликованы на персидском языке в Канпуре (Индия) в 1893 г. Первое сочинение — биографии в прозе знаменитых суфиев. Второе — эпическая поэма, посвященная Султан Хусейну (Байкара), — одна из семи, входящих в «Семирицу» Джами («Хафт ауранг»). Султан Хусейн Байкара — правитель Герата, визирем и другом которого был ученик и покровитель Джами Алишер Навои.

Краткий разбор поэмы «Золотая цепь» приводит в своем произведении о Джами Е. Э. Бертельс, который считает ее первой среди всех поэм «Семирицы» Джами по времени. Но поэт возвращался к ней еще трижды: адресу последнюю тетрадь осмонскому султану Байзиду II (1481—1512 гг.), Джами целиком посвятил поэму своему представлению о справедливом управлении страной и дал характеристику образцового, по его мнению, правителя.

Кто же хранил бесценную рукопись последнего сочинения персидско-таджикского поэта классического периода? Сочинение Джами экспедиция обнаружила в Ошской области в кыргызской семье, предки членов которой происходили из группы ичкиликов и спустились в долину с гор всего поколение тому назад. Книга была семейной реликвией. Видимо, из поколения в поколение здесь передавалась любовь к сочинениям Джами. В этой семье хранились еще два издания стихов поэта и комментарий к его сочинению по арабской грамматике.

Интересно отметить, что во времена Джами в тех же приферганских горах издавна жило племя скотоводов, которых можно отнести к кыргызам. Младший современник Джами — владетель Оша и Андижана Бабур писал: «Среди кочевых племен Андижанской области есть племя Чограк; это большое племя в пять-шесть тысяч семейств. Они живут в горах между Ферганой и Кашгаром (Центральный Тянь-Шань или Алай. — *Авт.*), у них много коней и множество овец. В этих горах вместо быков разводят кутасов (яков. — *Авт.*). Кутасов у них тоже много»¹.

На это важное сообщение Бабура обратил внимание С. М. Абрамзон. Дело в том, что яководство в Средней Азии является определяющим этнографическим признаком кыргызов. Ни одна народность, кроме кыргызов, не занималась здесь разведением яков (кутасов). Название этого племени у Бабура можно прочесть по разному: чакрак, чограк, чагрек, чегерак. С. М. Абрамзону удалось установить, что среди южных кыргызов, относящих себя по происхождению к племенам тейит, нойгут и бостон, до сих пор сохранились небольшие родовые группы с самоназванием чогорок. Это дает основание полагать, что описанное Бабуром племя вошло в состав кыргызов-ичкиликов².

Этот экскурс в этническую историю кыргызов, как и упоминание о кыргызах-кушчи (кушчу, кутчу), мы сделали не для того, чтобы как-то приобщить коренное население нашей республики к великим именам созидавших общечеловеческую культуру. Бабур, например, хоть и владел Узгеном и Ошем, не был кыргызом (как не был и узбеком). К этому времени основные тюркские народности Средней Азии — кыргызы, казахи, узбеки, туркмены, каракалпаки — еще не сформировались окончательно. Поэтому «растаскивание»

¹ *Бабур*. Бабур-наме / Пер. М. Салье. Ташкент, 1982. С. 36.

² *Абрамзон С. М.* Кыргыз... С. 36.

имен великих творцов по современным национальным «квартирам» ненаучно и даже вредно. Ал-Фараби, Махмуд Кашгари, Юсуф Баласагуни, Низами, Бабур и другие принадлежат не узбекам, не казахам, не кыргызам, а всему громадному мусульманскому миру тюрок от Босфора и Баку до Иссык-Куля и Турфана. Мы хотели лишь отметить, что культурное развитие некоторых племен, вошедших в состав кыргызского народа, происходило не где-то в стороне, а в том же среднеазиатском регионе, который дал человечеству не одного славного творца.

Возвращаясь к рукописи Джами, отметим, что всестороннее научное исследование ее только начинается. Но уже сейчас можно сказать, что коллекция Института истории республиканской Академии пополнилась редким и чрезвычайно ценным экспонатом, который уже сам по себе оправдывает все расходы и трудности археографической экспедиции. Впереди — новые поиски и надежды на новые ценные находки.

КЛАДЫ АЛФАВИТОВ И ПИСЬМЕН

*Из тьмы веков на мировом погосте
Звучат лишь письмамена.*

А. Блок

С определенной долей условности средневековые кайраки (валуны) с надписями и кыргызские эпитафии (намогильные надписи) на каменных плитах и стелах тоже можно классифицировать как клады. Клады интеллектуальной жизни, клады духовной памяти героев, письмамена, возвратившие потомкам вести о деяниях их предков и сведения о самих предках. Кроме того, это парад древних алфавитов, выстроившийся в хронологическом порядке. Одним из первых на поиски таких кладов отправился еще в X в. великий лингвист, будущий автор словаря древнетюркских народов «Диван лугат ат-тюрк» Махмуд Кашгари. Он первый сообщил о памятниках древних письмен в Кыргызстане.

Если немного пофантазировать, эту картину можно представить так. В один из летних дней Махмуд Кашгари, обремененный думами о судьбах тюркского языка, отправился по Тянь-Шаню собирать материалы. Предстояли долгий путь в страны к народам с неведомыми еще именами, записи и классификация их слов и наречий. Не зря Махмуд в ряде медресе Востока штудировал рукописи, беседовал с купцами, паломниками и дервишами. Он уже исходил многие земли, исписал не один свиток, а круг новых тюркских народов и новых тюркских языков все расширялся. И, кажется, не будет им конца.

...Путники заночевали в Барсхане — на берегу Иссык-Куля. Махмуд Кашгари оглядел горизонт и удовлетворенно вздохнул: вот та лазурная жемчужина, которую он поместит в самом сердце своей географической карты, а вокруг — различные тюркские народы, наречия которых он опишет. И да свершится его замысел, и да сохранятся для этого

силы, и да пошлет Аллах годы жизни, необходимые на богоугодное дело!

Рядом купец наблюдал, как расседлывают лошадей и развьючивают верблюдов, переносят в караван-сарай тюки с редкими товарами. Караван-баши переругивался с помощниками. Стоял разноязыкий гвалт, как на кашгарском базаре.

И вдруг чуткое ухо Махмуда уловило звучный стих, да еще на тюркском языке!

Побольше послушай, поменьше скажи.
Мне мудрые так говорили мужи.
Негоднее всех из людей болтуны,
А лучшие — щедростью сердца сильны.

Махмуд слушал как зачарованный. Очнувшись, он обратился к степенному купцу:

— Вы меня приятно удивляете, почтенный! Откуда вы знаете стихи, да еще на тюрки? Я не слышал ничего подобного, хотя вот уже много лет нанизываю на ожерелье словаря — дивана тюркские слова, пословицы и поговорки.

— Я слышал их в славном Баласагуне, куда мы держим путь. Их сочинил какой-то Джусуп. И за это великий правитель Табгач Бограхан назначил его своим придворным — хаджибом.

— Удивительно,— тихо молвил Махмуд. — Таких звучных и живых месневи, так правильно вышитых по канве благородного аруза, признаться, я никогда не встречал. Моя память и мои записи хранят множество тюркских стихов. Некоторые из них я полюбил за силу слова, за живые и трогательные подробности, далекие от выпренной и манерной аллегории арабов. На досуге я прочту вам, почтенный обладатель заморских товаров, стихи о битве наших предков с уйгурами, или, например, о смерти пра-родителя тюрков Алп-Эр Тонга, которого в Иране именуют Афрасиабом. При желании вы найдете в них погрешности,

но они, равно как и достоинства, своими корнями уходят в глубь веков тюркской поэзии.

— Неужели, о мудрейший Махмуд-бек, вы хотите сказать, что поэзия тюрков имеет корни в седой древности?! Я думал, наш Джусуп Баласагуни — первый и единственный.

— Именно это. Как-то я посетил земли кыргызов на великой реке Кем. В степи близ Алтын-Куля мне показали каменную плиту, с трех сторон испещренную непонятными мне письменами. Среди кыргызов еще есть старики, которые их читают. Там были стихи. И какие стихи! В них оплакивали кыргызского кагана Барс-Бега, павшего в бою с врагами.

— Когда это было?

— Кыргызы говорят, что более 350 лет назад.

— О, Аллах, помоги мне и наставь меня! Так это не миновало еще и ста лет священной хиджры?

— Вы правы, почтенный. Такие же письмена на валунах, слышал я, есть у города Тараза, на берегах благословенного Таласа. Говорят, есть где-то камень с таким же текстом, а рядом — по-арабски и в окрестностях Иссык-Куля. Не знаете ли? Вы много путешествуете, со своими караванами объездили земли многих народов.

— Нет, не слышал и не видел. А кто их пишет на камнях и скалах?

— Не знаю. Последним знатоком тех древних букв был отшельник Кулбак. Он постоянно скитался в горах Таласа и писал на камнях: «Раб божий Кулбак». Я видел эти надписи, но самого отшельника встретить не успел. Азраил оказался проворнее меня.

— Упаси нас Всевышний от скорой встречи с ним. — Купец сложил ладони лодочкой и провел ими по бороде.

Путники умолкли. Каждый думал о своем. А перед мысленным взором многомудрого Махмуда вставили тюркские, согдийские, тибетские, арабские письмена на скалах

и отдельных камнях, на бронзовых и керамических сосудах, наконец, на пергаменте и бумаге.

Охотящийся за словами для дивана тюркских наречий, Махмуд из Кашгара, потомок царствующего дома Караханидов, был для современников непонятым чудаком. Для потомков он великий ученый — знаток древних письмен и наук.

Но что же сами потомки? Почти тысячу лет после описанных событий они теряли свои познания о прошлом, растеряли почти все виды письменности. И еще совсем недавно ученые утверждали что кыргызы до Октябрьской революции не имели своей письменности, что кочевники-кыргызы вступили в XX век бесписьменным народом. И это при том, что до наших дней дошла масса бесценных памятников средневековой эпиграфики!

Еще в XIX в. их бережно собирали русские ученые В. А. Каллаур, Н. Н. Пантусов, Д. А. Хвольон, В. В. Бартольд и другие.. Переводили, издавали, интерпретировали. В советское время очень многое в изучении памятников средневекового письма сделали М. Е. Массон, А. Н. Бернштам, И. А. Батманов, В. А. Лившиц. Настоящий подвиг совершил кыргызский эпиграфист Четин Джумагулов. Он собрал, прочел и перевел на русский язык громадное количество памятников письма, которых хватило уже на три внушительных монографии. А материал еще далеко не исчерпан. Научная ценность этих памятников возрастает в связи с тем, что оставлены они были не пришельцами, а теми, кто когда-то родился здесь, трудился, научился писать...

Сегодня можно с полным основанием заявить, что в развитии письменности в Кыргызстане практически не было разрыва. Как кыргызы, так и их предшественники и предки, начиная с II в. и вплоть до начала XX в. неизменно пользовались письмом. Правда, алфавиты и уровень грамотности менялись. В республике найдены тексты,

выполненные латынью, китайскими иероглифами, согдийскими письменами, санскритскими и тибетскими знаками, древнетюркскими (руническими) и уйгурскими графемами, сирийским и арабским алфавитами.

Значит ли это, что средневековое население Кыргызстана изучило все девять зафиксированных учеными систем письма и пользовалось ими в повседневной жизни? Конечно, нет! В большинстве случаев это многообразие алфавитов и языков связано с торговыми караванами на Великом шелковом пути. Они хорошо документируют национальность купцов, проходивших по трассе со своими караванами, но лишь немногие системы письма оставили глубокий след в жизни местного населения. Значение различных алфавитов в развитии культуры средневекового Кыргызстана не было однозначным. Некоторые системы письма, например, латынь и китайские иероглифы, были известны местному средневековому населению Кыргызстана исключительно по легендам на монетах или по надписям на привозных вещах. Они совсем не оказали влияния на культурную жизнь региона. Другие системы письменности — тибетская, санскрит — были связаны только с религией. Заметную роль сыграл сирийский (христианско-несторианский) алфавит, который, несмотря на ряд трудностей, применяли для передачи тюркской звуковой речи. Важную роль в культурной жизни средневекового Кыргызстана сыграли согдийский и арабский алфавиты. Согдийский алфавит в чистом виде использовался древнетюркскими каганами для точной фиксации важнейших государственных актов. Модифицированное согдийское письмо стало основой для возникновения двух самостоятельных древнетюркских алфавитов — рунического и уйгурского. Об исключительном значении арабского алфавита свидетельствует тот факт, что начиная с X в. (т. е. тысячу лет тому назад!) он стал не только алфавитом исламского культа, но алфавитом литературы, искусства каллиграфии, науки.

Кыргызской историко-археологической экспедицией в 1973 г. были обследованы не только самые поздние согдийские надписи на скалах, но памятники на согдийском языке вообще. Надписям около тысячи лет. Обнаружены они в ущелье Таласа. Текст всего на 43 года моложе знаменитой поэмы «Кутадгу-билиг» («Благодатное знание»), созданной нашим земляком Юсуфом Баласагуни, некогда жившим в столице Караханидского каганата, которая находилась в Чуйской долине близ современного города Токмак.

Три наскальные надписи в ущельях Кулан-Сай и Терек-Сай датированы 907, 944 и 1026 годами. На скалах высечены мужские и женские имена знатных тюрков. Самая последняя из трех надписей — кулансайская — датируется временем между 9 августа и 9 сентября 1026 года («эра Хосрова, год 394-й; год мыши, шестой месяц»). Заканчивается она словами: «И да будет благословенно это солнечное место, где они сидели. И написал Кул-Так писец». Дешифровкой текстов занимался известный ленинградский востоковед, профессор В. А. Лившиц. В знаменитом «Словаре тюркских наречий» («Диван лугат ат-тюрк») Махмуда Кашгари В. А. Лившиц нашел и упоминание о писце — в книге он назван Кулбак (имя Кулбак с успехом может быть прочтено и как «Кул-Так», ибо арабское начертание этих слов очень сходно: разница лишь в расположении точек над буквами). У Махмуда Кашгари читаем: «Кулбак — имя тюркского отшельника, который постоянно живет в горах Баласагуна. Рассказывают, что он писал своей рукой на твердой черной скале и надпись оказывалась белой. И писал он таким же образом на белой скале и оказывалась черная надпись. Следы его остались до сих пор»¹.

¹ *Волин С.* Сведения арабских источников IX—XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах // Тр. ИИАЭ АН Каз. ССР. Алма-Ата,

Махмуд Кашгари, живший поколением позже, чем Кул-Так, по всей вероятности, знал о надписи к Кулан-Сая, а также текстах, выбитых на скалах Терек-Сая. Ибо горы Баласагун — это горы Киргизского хребта, в котором и находятся упомянутые ущелья.

Формулы датировки, применявшиеся в согдийских надписях Терек-Сая и Кулан-Сая, содержат так называемую «эру Иездигерда» (начавшуюся 10 июня 632 г. — дата воцарения последнего сасанидского царя Ирана). До сих пор она была известна по тексту из Ладака (в Тибете), а также по согдийским текстам, написанным христианами и манихейцами. Для письменных памятников Средней Азии это уникальный случай. Употребление такой датировки показывает, что памятники эти не мусульманского происхождения. О том же говорят и имена, встречающиеся в надписях Терек-Сая и Кулан-Сая: все они являются именами древних тюрков, не принявших ислама. Вероятнее всего, согдийские наскальные надписи были начертаны тюрками, исповедовавшими манихейство. Семиречье, таким образом, явилось одним из последних оплотов этой исчезнувшей религии, некогда распространенной от Китая до Испании.

* * *

На территории Кыргызстана найдено немало кайраков с древнетюркскими текстами, главным образом в Таласской долине¹. На Иссык-Куле известна лишь одна такая надпись, но и та оказалась недоступной для изучения, так как вскоре после открытия кайрак пропал. При обследовании городища Кой-Сары П. П. Иванову посчастливилось найти

1960. Т. 8. С. 854.

¹ Батманов И. А. Таласские памятники древнетюркской письменности. Фрунзе, 1971.

билингву — надпись на камне, выполненную древнетюркскими руническими и арабскими буквами. Она привлекла внимание крупнейших специалистов по эпиграфике того времени. Однако обратиться непосредственно к оригиналу не удалось, так как, к сожалению, он исчез. В 60-х годах следы его пытался отыскать Д. Ф. Винник. Ему удалось разыскать местного жителя А. Е. Балыбина, в свое время помогавшего П. П. Иванову исследовать урочище. Тот рассказал, что еще в 1929 г. на курорте Кой-Сары появились двое неизвестных, которые представились научными сотрудниками из Ташкента, наняли подводу и увезли камень с письменами. Куда? Этого выяснить не удалось. Едва ли камень вывезли за пределы Иссык-Кульской котловины, так как в музеи Средней Азии он не поступал. Возможно, билингва лежит где-нибудь во дворе, скорее всего, в Пржевальске. Она может и не привлечь внимание хозяина двора: обыкновенный камень, да еще и расколот на две части. Мы просим пржевальцев, живущих в старом городе, внимательно осмотреть свои приусадебные участки. Возможно, им удастся вернуть науке утраченную ценность. А научное значение койсаринского камня, как и вообще древнетюркских надписей, огромно. В настоящее время специалисты считают, что в них есть сведения и о таком сложном вопросе, как происхождение кыргызского народа. По несовершенной же копии, сделанной П. П. Ивановым, текст прочитать невозможно.

Интересна находка одного из камней с рунической надписью. Во время археологической экспедиции нам удалось обследовать валун, только-только поднятый ковшом экскаватора из котлована на окраине Таласа. Не было предела нашей радости, когда на валуне, очищенном от грязи, четко проступили рунические знаки. Мы было решили, что открыли новый, еще не известный науке рунический памятник. Каково же было наше разочарование, когда тюрколог Четин Джумагулов, увидев текст, заключил: это не

новый одиннадцатый, а старый четвертый, уже известный науке памятник, который вскоре после открытия был утерян. Но, как оказалось, не безвозвратно. Звучит эпитафия так: «Имя его — Чора. Тридцать огланов (сыновья? или племя отуз оглан?) защитники остались (букв.: расстались). Ваш... храбрый сын Чор наследуя остался... остался»¹. Такова лирическая эпитафия древних тюрков. Обращает на себя внимание словосочетание «тридцать огланов» («отуз оглан») — сыновей, юношей. Это очень важно при рассмотрении вопроса формирования кыргызского народа, так как и сейчас в Таласе сосредоточена весьма значительная часть кыргызов, ведущих свое происхождение от левого крыла группы — отуз уул (отуз оглан). Еще видный кыргызовед С. М. Абрамзон предположил, что в древнетюркских текстах, найденных в Таласской долине, упомянуто название кыргызского племени «отуз уул» в форме «отуз оглан». Памятники датированы первой половиной VIII в.

* * *

Найдены в Кыргызстане христианские (несторианские) эпитафии сирийского письма. Алфавит его имел всего 22 буквы и поэтому был неудобен для передачи тюркской речи, где звуков было в полтора раза больше. Он стал применяться в Семиречье с проникновением сюда христианства, т. е. примерно в VII—VIII вв. Хотя самый ранний с твердо фиксированной датой памятник несторианского письма в Кыргызстане относится к концу VIII в. Он был найден на Краснореченском городище (Чуйская долина). На небольшом черного цвета кайраке сообщалось, что в 1100 г. эры «хана Александра» почил некая девица Иал-анч². Указанный год в переводе на наше

¹ Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. Вып. 3. — Фрунзе, 1987. С. 24.

² Горячева В. Д. Город Золотого верблюда. Фрунзе, 1989.

летосчисление соответствует 789 г. Большинство надписей из Чуйской долины и с берегов озера Иссык-Куль относятся к XII–XIV вв. Некоторые из сирийских текстов могут иметь отношение и к религиозной истории кыргызов. Например, в 1976 г. Ч. Джумагулов нашел и перевел надпись на камне: «В году тысяча шестьсот пятидесятом (1339 г. н. э.), это — год зайца, по-тюркски табышкан. Это могила Кир(а)киз, верующей»¹. Если отбросить вставку гласной, которой в тексте нет, то памятник мог быть выполнен в честь какой-то верующей кыргызки — христианки несторианского толка.

Почему же тюркское население Кыргызстана, имея свой (рунический) алфавит, идеально приспособленный для передачи особенностей тюркской речи, вдруг стало применять чужой, да еще и крайне неудобный сирийский? На этот вопрос ответила Н. В. Пигулевская — крупнейший знаток древней сирийской культуры: «Это обращение к чужой форме могло быть следствием обращения к несторианству какого-нибудь социального слоя или целого племени, как это было, например, с кераитами»². Иными словами, для тюрков, принявших христианство, сирийский алфавит служил только церковным письмом. В повседневной переписке или в литературе он едва ли применялся, здесь, начиная с X в., ведущие позиции занимал арабский алфавит.

* * *

Памятники эпиграфики, выполненные арабскими графенами, в количественном отношении заметно превышают число памятников с текстами любой другой системы

¹ Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. Вып. 2. Фрунзе, 1982. С. 43.

² Пигулевская Н. В. Сирийские и сиро-тюркские фрагменты из Хара-Хото и Турфана // СВ. Т. 1. М.; Л., 1940. С. 223.

письменности. Только в Прииссыккулье на кладбище в урочище Большая Аксу Н. Н. Пантусов еще до революции насчитал 83 кайрака с арабскими текстами, близ Тона их было 19, немало их обнаружено севернее Чолпон-Аты, между с. Ананьево и Корумду, близ реки Жуука. Много кайраков найдено в Оше, Узгене, Наукате, Сафид-Булане, на городище Бурана и в других местах. Арабскими письменами были выбиты легенды на караханидских дирхемах Барсханского, Узгенского и других монетных дворов. Ими же выполнена «еретическая» надпись, восхваляющая земную жизнь, на бронзовом сосуде. На чаше, поднятой в прошлом столетии со дна Иссык-Куля, куфической вязью было выведено: «Весенние дни доставляют нам счастье! О, водонос! Дай мне оживляющей влаги... Похожий на розу напиток сосуду красу придает, подобно тому, как роса оживляет тюльпан, жизнью считай лишь то время, которое смертным дает наслажденье». Арабскими письменами украшены порталы узгенских усыпальниц и гумбез Манаса.

Арабские тексты богаты не только числом, но и жанром. Они представлены не только эпитафиями или религиозными заклинаниями. Среди них часты наиболее популярные тексты из Корана, встречаются стихи мирских поэтов. Надписи выполнены разнообразными почерками: насх, сульс, цветущий куфи. Однако большинство из них выбито небрежно и неумело, но встречаются и надписи, мастерски вырезанные талантливой рукой опытного каллиграфа.

Многолетние исследования средневековых надмогильных эпитафий, выполненных арабскими письменами, позволили одному из самых опытных современных эпиграфистов В. Н. Настичу сделать выводы, что только очень небольшое число текстов, составленных на арабском языке, можно назвать безупречными в отношении языковой грамотности. В подавляющем большинстве эпитафий наблюдаются несогласованность в роде и падеже, неправильное

¹⁴ Том V. В. М. Плоских

употребление артикля, орфографические ошибки, отступления от арабской стилистики и фразеологии. Часть погрешностей и ошибок ученый объясняет общей невысокой грамотностью текстов и сильным влиянием местных языковых норм, в частности персидско-таджикской и тюркской. А если добавить, что лексика и фразеология арабских текстов сильно формализована и насыщена застывшими оборотами, далекими от живых разговорных и письменных норм, то становится понятным, что арабский язык никогда не был в живом употреблении среди населения средневекового Кыргызстана. Он оставался языком мечетей, мусульманской религиозной обрядности (в данном случае погребальной), проводником идеологии ислама. Реальную языковую ситуацию в средневековом Кыргызстане, если судить по арабским текстам, отражали вставленные в них отдельные слова, фразы и даже целые надписи на кайраках, выполненные по-персидски или под влиянием этого языка. Заметны здесь и тюркизмы. Эти факты свидетельствуют в пользу того, что горожане Кыргызстана XI–XIV вв., как и прежде, говорили на тюркском и согдийском языках.

На наш взгляд, текст некоторых надписей свидетельствует о глубокой, если не фанатичной, религиозности средневековых кыргызстанцев. Судите сами: «Я прибегаю к Богу от сатаны. Во имя Бога, всемилостливого, всемилосердного. Засвидетельствовал Бог, что нет Бога, кроме него; и ангел, и люди знающие, соблюдая справедливость, (исповедают) нет Бога, кроме него, всемогущего, мудрого, поистине (настоящая) вера перед Богом — ислам. Да благословит Бог Мухаммеда, пророка...» Эту надпись нашел близ с. Григорьевка священник Д. П. Рождественский, а перевел академик В. В. Бартольд еще в начале века¹.

¹ Бартольд В. В. Надпись с кладбища у озера Ысык-Култ // Собр. соч. Т. IV. М., 1966. С. 339–340.

Недавно доцент И. А. Шерстюк нашел также еще одну надпись, которую перевел Ч. Джумагулов. Текст почти слово в слово повторяет приведенный выше. А это свидетельствует уже, скорее, не о суперрелигиозности, а об определенной текстовой композиции или даже штампе из стихов Корана, который просто копировали резчики намогильных надписей.

Эта средневековая традиция в целом сохранилась до XIX в. и была перенесена на кыргызские эпитафии, выполненные на каменных стелах. На территории Кыргызстана их немало. Особенно часто они встречаются в Чуйской долине. Несколько таких камней, найденных археологами, свезено к Буранинскому археолого-архитектурному музею под открытым небом, некоторые еще стоят на прежних местах. Как показывает предварительное исследование, кроме основных вех жизни покойного, его титулов, дат рождения и смерти, тексты эпитафий содержат стихи из Корана, четверостишия на фарси в стиле рубай, «крылатые слова» и выдержки из книг или устного народного творчества.

Эпитафии, выполненные арабской графикой, с достаточной полнотой отражают общий уровень развития языка и грамотности в Кыргызстане дооктябрьского времени. Лишь немногие из них можно назвать безупречными в отношении грамматики. Все это, как уже отмечалось, свидетельствует о том, что арабский язык не пользовался популярностью в народе, а оставался языком религии и книжных писаний.

В период экспедиционных работ нами фиксировались надгробные эпитафии XIX — начала XX в., которые были обнаружены в бассейне р. Чу и ее притоков, в Джанги-Джоле и Чаткале. Часть эпитафий опубликована кыргызским тюркологом Ч. Джумагуловым¹.

¹ Джумагулов Ч. Эпиграфия Киргизии. Вып. 2. С. 160–164.

Одна из эпитафий была выполнена в 1906 — начале 1907 г. Любопытно, что автор надписи — мулла Балдакбай, имя которого встречается довольно часто. Все надписи он заканчивал словами «таммам» («конец» или «окончание»). Так заканчивали свои произведения переписчики средневековых рукописей, но эта формула больше, кажется, нигде не встречается в памятниках эпиграфики XIX — начала XX в.

В Чуйской долине выявлено семь надгробных надписей, изготовление которых укладывается в 30-летний период — от 1891 до 1921 г. О некоторых пока трудно сказать что-либо определенное, но уже сейчас ясно, что один из памятников резко отличается от всех остальных. Он, скорее, напоминает эпиграфические памятники Самарканда и Бухары XV—XVII вв. Все прочие из рассмотренных надгробных эпитафий такой преемственности в формах, стиле и языке не имеют. Синхронные им памятники из других областей Средней Азии и Южного Казахстана, известные в натуре или по фиксациям, также имеют иные формы, особенности оформления. Это позволяет сделать вывод (хотя бы в качестве предварительной гипотезы), что такой тип мусульманских надгробий сложился и развивался в основном в зоне обитания оседлого и полукочевого кыргызского населения. С другой стороны, содержащиеся в надписях факты со всей очевидностью свидетельствуют о проживании здесь и выходцев из других областей, иной национальности: это казахский мулла Балдак (или Балдакбай) и татарка из-под Казани Биби Фахриниса, дочь Халлилуллаха. В обоих случаях, очевидно, мы имеем дело с появлением здесь мусульманских миссионеров из тюркоязычных областей России, «укреплявших истинную веру» и призванных распространять грамотность среди местного населения. Впрочем, в последнем мы вправе усомниться: почтенный мулла Балдак на протяжении тринадцати лет был почти единственным исполнителем эпитафий, естественно, получая за это постоянную плату. Едва ли

в его интересах было делиться своими профессиональными знаниями, а следовательно, и доходами с местными кыргызами.

Заслуживает внимания эпитафия из гумбеца в Большом Арале — уникального мавзолея Сокулукского района Чуйской долины. И гумбез, и эпитафия 1912 г. посвящены кыргызскому феодалу Джаркинбаю Сагынбекову — сподвижнику Шабдана Джантаева. Выбитая на камне эпитафия гласила (расшифровка и перевод востоковеда В. Н. Настича): «Нет Бога кроме Аллаха... В начале (?) 19330 г. в месяц рамадан 13 числа (27 августа 1912 г.) в понедельник утром во время восхода солнца Тадж ал-Кармен (венец обоих запретных городов) Джаркинбай сын Сагынбека в возрасте 63 лет ушел в мир вечности, прощенный к бедности (далее — арабские восславия). По милости аллаха аминь!» Сбоку камня также была выбита надпись: «Сын Сагынбека».

Эта приписка в данном случае означает авторство надписи. Ее, видимо, сочинил один из братьев умершего, который, как видно из текста, был довольно искушен в грамоте. Историкам небесполезно разобраться в хронологической «чересполосице», характерной для поздней эпиграфики, где мусульманский отсчет времени причудливо сочетается с европейским летосчислением.

Обе эпитафии на могильных памятниках из Чон-Кемина — на могилах сыновей Джантая — Шабдана (1912 г.) и его брата Мамыта (1910 г.) — находятся в бассейне р. Кемин. Наиболее ценной информацией этих эпитафий представляются родословная манапов до пятого колена, а также указание на их родоплеменную принадлежность. Памятники эти свидетельствуют о времени жизни, возрасте, социальном положении, политических настроениях этих представителей феодальной верхушки кыргызского общества, верно служивших царской России. Любопытно, что термин «войсковой старшина» передан в русской фонетике,

но арабскими буквами; факт этот, несомненно, интересен для историков языка и лексикологов.

Памятники Шабдану и, очевидно, Мамыту (об этом свидетельствуют все внешние признаки) изготовлены названным уже муллой Балдаком. Судя по надписи, Балдак проявил себя не только как профессиональный резчик и писец-изготовитель надмогильных памятников, но и как весьма образованный для своего времени человек. «Стихоподобное» дополнение к надписи, авторство которого бесспорно устанавливается самим текстом (мулла включил в него свое имя), говорит о том, что он владел несколькими языками: родным — казахским, местным — кыргызским, литературным — тюрки, а также традиционным — арабским, обязательным для образованного духовного лица.

* * *

А теперь вернемся назад, когда «кладезь средневековой мудрости» с надписями на керамических и металлических сосудах из чуйского Баласагуна расходился даже по отдельным уголкам Ферганы, Тянь-Шаня и Восточного Туркестана.

Представьте себе баласагунский базар XI в. Чего только здесь не было! В гончарных рядах громоздятся керамические чаши, миски, котлы для варки пицци, огромные кувшины-хумы для хранения продуктов. Многие из изделий мастера клеймят своим знаком — тамгой, наиболее искусные — выписывают наставления и пожелания будущему хозяину изделия.

Вот какой-то кочевник остановился около гончаров и стал нерешительно рассматривать посуду. Хозяева тотчас наперебой принялись расхваливать свой товар, хватая покупателя то за рукав, то за полу длинного овчинного тулупа.

— Слушай, почтенный, какой чистый звук у моей кесе! — кричал один и щелкал по глазурованному боку

сосуда. — А какая надпись на ней: «Пусть будет всегда наполненной, аминь, аминь!». С таким пожеланием кесе станет для тебя вечным источником добра и дела твои упрочатся!

— Не слушай его, о бек-джигит! — кричал сосед. — Мой горшок ничуть не хуже, зато надпись вчетверо длиннее за ту же цену! И какая надпись! Не его жалкое изречение, а стихи мудрейшего хассхаджиба Юсуфа! Вот послушай:

Будь добрым и печься о суетном брось.
Кто добр, для того и богатство нашлось.
Во гневе разумным и сдержанным будь —
Терпение — к завтрашней радости путь.

— У меня еще лучше стихи мавляны Юсуфы! — кричал третий гончар. — Они, как светильник, озарят для тебя прах заблуждения:

С поспешностью дел не свершай никогда:
За каждую спешкой приходит беда.
Терпя да запасшись усердием впредь,
Сумеет и раб пояс бека надеть.

Бедный кочевник, сраженный изречениями, только успевал поворачивать голову.

Бродя меж базарных рядов, наш старый знакомый Махмуд из Кашгара убедился: у всех на устах были строки из поэмы знаменитого земляка. Не только гончары снабжали свои изделия спасительными изречениями из «Кутадгу билиг». Оружейники, выковывая саблю, делали на лезвии или рукояти надпись:

Мне зла пожелавший — погибнет от зла,
Хотящий попрасть меня — попраен дотла.
Чеканщик на блюде выбивал:
Пораньше вставай и пораньше ложись,
Встающему рано — все блага дались!

Даже ювелиры ухитрялись своими тончайшими инструментами выводить на перстнях:

Входя погляди, где обратная дверь, —
Где выхода нету, там много потерь.
Или
Речь людям дарует и власть, и почет,
А лишнее слово и шею сорвет!

И мало беды, что невежественные кочевники с гор не разумели грамоты; все равно товар с надписями шел на расхват — кочевники принимали афоризмы из поэмы за могущественные заклинания: ведь хорошее, умело составленное заклинание всегда пригодится.

Такие сосуды берегли, сохраняли. Бывало, в них засыпали не только зерно, но и монеты для хранения. Все это становилось денежным кладом, как было, например, на средневековом городище Шим-Тюбе (возле современного Кара-Балты) с кладом караханидских монет.

Столетия клады ждали своих первооткрывателей. И вот теперь они открывают любознательным искателям-потомкам не только денежные монеты старины, но и кладезь древней мудрости.

Сейчас культурному наследию прошлого придается большое значение. И все же...

...Звонок телефона. Настойчивый, тревожный... Голос из трубки подстать звонку.

— Что же это творится?! До каких же пор будут гибнуть наши древности?

Выясняем: звонит некий В. И. Кривошеин. Задаем вопросы, уточняем, переспрашиваем, записываем... Что ж, картина знакомая. Оказывается, воды Аксуйского водохранилища подмыли берег и обнажили группу крупных средневековых сосудов. Мальчишки и взрослые перебили сосуды в напрасной надежде найти там древние клады. Сокровищ, которые искали, конечно же, не было.

Зато уничтожены гораздо более ценные сокровища: венчики и даже боковины сосудов были покрыты древними письменами. Погибло слово... Слово, сказанное неблагодарным потомкам из глубины веков. Слово, которому не дали прозвучать...

ОДИССЕЯ КУРМЕНТИНСКОГО КЛАДА

*Клад недалек, но, чтобы докопаться,
Искусство нужно и уметь взяться.*

И. Гете

1919 год. Завершается гражданская война, хотя басмаческое движение еще не спадает. После объявленной амнистии в Россию начали возвращаться беженцы, не запятнавшие себя кровью братоубийственной войны. Одним из таких эмигрантов был некто Успенский, бежавший в Китай после октябрьской революции. В Китае он близко сошелся с горько тосковавшим по Родине священником. Умирая, православный священник передал Успенскому план, где было обозначено место клада — несметных сокровищ. Он был якобы зарыт его предками еще в период нашествия Чингисхана на Семиречье, т. е. истоки его уходили в глубь веков — в начало XIII столетия. На плане было отмечено, что клад спрятан недалеко от Тюпа, около реки Котурга на северо-восточном побережье озера Иссык-Куль. В этом месте должен был быть большой камень, близ которого в прошлом христиане молились Богу. План был снабжен довольно детальными подробностями, где объяснялись состав и стратиграфия клада. Он состоял якобы из двух частей — золотой и серебряной, и был будто бы столь велик, что для перевозки сокровищ потребовалось бы 160—200 верблюдов. Ценности были помещены на дно ямы в специальной упаковке, перекрыты каменными плитами с надписями, плиты засыпаны землей слоем примерно в два метра, и потом место схорона было затоплено. Там образовалось небольшое озерцо. (Дальше фигурировали мистические подробности с тушей черного быка и рогами оленей, которые мы опустим).

Легенда требует комментария. Во-первых, были ли христиане на Иссык-Куле во времена Чингисхана?

Письменные источники утверждают, что были, притом двух христианских течений. Одно из них — несторианство — документировано сирийскими и сиротюркскими эпитафиями, выбитыми на камнях¹. Второе течение представлено армянской церковью. На каталонской карте мира, составленной в г. Пальма (остров Майорка в Средиземном море) в 70-х годах XIV века испанцем Авраамом Крескесом, на берегу оз. Иссык-Куль обозначено увенчанное крестами здание. Рядом надпись, гласящая, что это монастырь армянских братьев. С этой стороны, таким образом, легенда священника вроде бы заслуживает доверия. Однако столь отдаленное по времени родство православного священника с предками-христианами то ли несторианского, то ли армянского толка вызывает законное сомнение (если не имелось в виду религиозное родство).

Поражает воображение и гигантское количество золота и серебра в кладе. Если учесть, что тяжесть вьюка верблюда в горной местности обычно около 300 килограммов, то в Курментах было спрятано от 48 до 60 тысяч килограммов драгметаллов! По нынешним закупочным ценам это многие миллиарды рублей. А это значит, что если сообщение и план священника хоть в какой-то степени соответствуют действительности, то на Иссык-Куле были схоронены не семейные сбережения, а церковная казна. Известно, что несторианская церковь занимала доминирующее положение при первых монгольских ханах и могла накопить большие богатства.

В целом легенда почившего в бозе священника едва ли выдерживает строгую критику. Едва ли полностью верил в нее и сам Успенский. Главное — заветный план с бесценным крестиком. Вернувшись из Китая в Кыргызстан, Успенский стал изыскивать возможности для извлечения

¹ Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. Вып. 2. Фрунзе, 1982. С. 38–45.

клада. Он назвался Иваном Андреевичем Усенко и поселился близ места, указанного на плане, потом коротко сошелся со старожилками И. И. Кочергиным и С. М. Галкиным, которые хорошо знали окрестности, и открыл им тайну священника. Те не удивились, так как на Иссык-Куле знали буквально все, что где-то в горах зарыт огромный клад, только не времен Чингисхана, а времен господства калмаков (XVII—XVIII вв.), его привезли не на 160—200, а всего (!) на 60 верблюдах, притом это было не христианское богатство, а казна города Сары-Фюбе, развалины которого до сих пор видны на Сухом Хребте неподалеку от с. Михайловское. И. А. Усенко не стал оспаривать новую версию легенды о кладе, а показал план, чем немедленно обратил в свою веру вновь обретенных приятелей. Знатоки окрестностей быстро нашли в горах то место, которое было помечено на плаце.

На этом заканчивается первый этап поисков Курментинского клада. И если вся предшествующая информация о сокровищах овеяна легендами, то на втором, практическом, этапе в действие вступают и имеют место вполне реальные лица и события, что было закреплено документально и подтверждено свидетельскими показаниями, да и некоторые участники поисков клада до сих пор живы.

В 1926 г., набрав группу в четырнадцать человек, с разрешения местных властей компаньоны начинают раскопки не на реке Котурга, а в верховьях реки Курменты, по ее левому берегу в урочище, называемом кыргызским населением Беткарагай. По словам И. И. Кочергина и И. А. Усенко, они спустили озерцо и стали пробивать шурф под скалу известняка. На некоторой глубине среди наносных пород они обнаружили находившегося в стоячем положении бычка с перерезанным горлом. Он стоял в воде, которая после отвода части русла р. Курменты просочилась вниз. Копавшие вытащили бычка на поверхность. Как позже (в 1952 г.) вспоминали Кочергин и Усенко, «мясо

бычка было мягким и свободно растиралось пальцами». По их предположению, бычок был зарезан калмаками как жертвоприношение богам, чтобы они хранили клад. Примечательно, что уже на первой стадии работ И. И. Кочергиным было найдено «два старинных молотка» — типа употреблявшейся кыргызами кирки: один был медный, другой — золотой. Кладоискателями на глубине примерно шести метров была также найдена известняковая плита с неизвестными письменами, под которой они надеялись обнаружить сокровища. Нужно было пробурить или взорвать плиту. Но внезапно мощный горный обвал прервал работы. Жертв по чистой случайности не было, но для расчистки обвала требовались большие силы и средства. К тому же местные власти, поняв, что клад — вполне реальное дело, нового разрешения на раскопки не дали.

Подведем итоги. Второй, практический, этап поисков клада то ли калмаков, то ли Чингисхана завершился безрезультатно. Участники описали жертвенного бычка, каменную плиту с неизвестными письменами и какие-то «молотки». Но и это не документ. Единственный факт, который заслуживает внимания: в 1930 г. Кочергин сдал в контору «Золотоснаб» г. Пржевальска золотой молоток, что зарегистрировано документально.

Прошло четверть века. Миновали страшные 30-е годы репрессий, отгремела война, началось восстановление народного хозяйства. Но дух кладоискательства у энтузиастов не исчез. Поскольку раскопки 20-х годов проводились с разрешения местных властей, но по сути дела тайно, никакие сведения о зарытых ценностях в печать, естественно, не попали. И вот, в 1952 г. те же компаньоны — С. М. Галкин, И. И. Кочергин, И. А. Усенко — обращаются официально к властям во Фрунзе с просьбой финансировать новые раскопки. Заявителей энергично поддержали бывший заместитель начальника МГБ и начальник управления милиции Иссык-Кульской области Э. А. Алиев —

он очень хотел помочь стране, задыхающейся без валюты. Как человек дела, Алиев сразу же пригласил на место предполагаемого клада инициаторов поисков — Кочергина (проживавшего тогда в с. Нарынкол Казахской ССР) и Усенко (проживавшего в Пржевальске). В окрестностях с. Курменты 22–23 сентября 1952 г. Э. А. Алиевым были опрошены местные старожилы-калмаки Мамбет Ибраимович Иванов, 65 лет, и братья Оскамбай, 84 лет, и Огимбай, 80 лет, Шайбировы. Аксакалы подтвердили, что от своих предков они слышали легенду о калмакском кладе, зарытом якобы в урочище Беткарагай. М. И. Иванов показал также, что в 1926 г. он на месте раскопок, проводившихся русскими и кыргызами, сам видел бычка.

Обо всем этом Алиев доложил по инстанции начальнику УКГБ Иссык-Кульской области Алексееву и начальнику УМВД республики Чернову. Правда, начальство не придавало значения его докладу. Ответа по существу не последовало. Тогда неутомимый Алиев, искренне заинтересованный и уже захваченный идеей клада, письменно сообщил обо всем министру госбезопасности республики Володину и секретарю обкома партии Айтбаеву. Айтбаев ознакомился с делом и предложил Алиеву вызвать Кочергина и Галкина к нему на беседу. В конце 1952 г. они были приглашены к секретарю обкома и в присутствии Алиева, председателя облисполкома Джумагулова, второго и третьего секретарей обкома подтвердили сведения, изложенные Алиевым.

Айтбаева убедили и он доложил обстоятельства дела в ЦК и Совет Министров республики. Тогда-то и было поручено начальнику Геологоразведки Кыргызстана В. Н. Голубину и министру Госбезопасности республики Володину проверить факты о кладе на Иссык-Куле. Володин поручил своему заместителю Д. М. Малабаеву и Э. А. Алиеву вместе с В. Н. Голубиным выехать на место и уже там, сообразуясь с обстановкой, принять решение. После беседы с коренными жителями, которые подтвердили факт

раскопок в 1926 г., решили: попробовать стоит. Но скептически настроенный Володин, явно не желая попасть впросак, распорядился доставить к нему Кочергина и Галкина во Фрунзе для личной беседы. В течение двух дней работники МГБ опрашивали Галкина и Кочергина. Те, сообразив, что им не верят, попросили разрешения самим за свой счет производить раскопки с условием, что 50 процентов ценностей в лучае обнаружения клада будет их долей. Вознаграждение специалисту-геологу и стоимость леса для крепления штольни они предложили оплатить за свой счет. ЦК КП и Совет Министров республики, разумеется, не разрешили такие раскопки. По этому вопросу было принято постановление: поиски производить за счет государства. При обнаружении ценностей 15 процентов стоимости их предполагалось выдать в качестве вознаграждения Галкину, Усенко и Кочергину. Руководство поисками было возложено на министра госбезопасности Володина.

В раскопках приняли официальное и непосредственное участие заместитель начальника Управления КГБ республики Д. М. Малабаев, начальник управления милиции Иссык-Кульской области Э. А. Алиев, от Кыргызского геологического управления В. Н. Голубин, прораб геологических партий Геологуправления республики П. Аханов, а также И. И. Кочергин, С. М. Галкин, И. А. Усенко и др. К сожалению, среди них не было ни одного археолога. Так начался третий и пока последний этап в поисках Курментинского клада.

22 октября 1952 г. при осмотре предполагаемого места схорона клада было установлено, что в горном массиве имеются пустоты. В одной из таких пустот согласно заявлению и должны были находиться золотой и серебряный клады. Тогда же Д. М. Малабаев, и В. Н. Голубин вынесли заключение о необходимости производства работ по поискам клада и дали участникам раскопок как бы предварительное технико-экономическое обоснование. Прочитируем

документ: «Раскоп следует производить наклонным шурфом 65–70° сечением 2×1,5 м с обязательным сплошным венцовым креплением стенок шурфа. При проходе этого шурфа по речным наносам (мелкий галечник и песок) проходку можно осуществлять взрывными работами на выброс.

Предварительно перед проходкой шурфа следует произвести расчистку русла реки Курменты на протяжении 20–25 метров от крупных обломков гранита с тем, чтобы предотвратить течение воды около скал... на левом берегу реки, где будет шурф. После расчистки русла вдоль левого берега реки выше места заложения шурфа необходимо выложить дамбу высотой около метра, протяженностью около 10 метров.

Производство раскопок путем проходки наклонного шурфа целесообразно поручить Кыргызскому геологическому управлению, выделив для этой цели специальные ассигнования. Размер потребных ассигнований может быть определен при составлении смет на производство видов и объемов работ, упомянутых выше, и приблизительно определяется суммой 10 тысяч рублей».

Инициативной группе были приданы заключенные со взводом солдат охраны, место огородили колючей проволокой, построили смотровые вышки. Лагерь как лагерь и эски-работники. Интерес оказался настолько живым, да и задействованные органы не привыкли откладывать дела в долгий ящик, что раскопочные работы начали сразу же, несмотря на зимнее время. И результаты не заставили себя ждать. Раскопки показали, что на глубине 20–25 м в скале известняка имеется пещерообразное углубление шириной 2–2,5 м и высотой 1,5 м, которое полого спускается вниз. Оно оказалось забито мелкими обломками известняка, перемешанного с лёссовидным суглинком. Ясно, что эти породы не коренные, а специально были занесены в лаз.

Спустя много лет, уже в 1969 г., В. Н. Голубин вспоминал: в результате работ была обнаружена камера

в известняковых слоях, образовавшаяся в результате растворения последних подземными водами. Камера была пуста, в ней четко прослеживается грабительский лаз. Попытки обнаружить еще одну камеру, которая могла бы служить местом нахождения сокровищ, не увенчались успехом. Были опрошены местные жители, в частности некий 105-летний житель с. Талды-Суу. Получить достаточно связных и достоверных сведений от него не удалось, но, с его слов, клад был давно найден и похищен полковником Шабданом (Шабдан — верховный манап сарыбагышей. Его ставка была в долине реки Кемин на севере от Иссык-Куля за хребтом Кунгей Ала-Тоо. С ним связано немало легенд из кыргызской истории).

Раскопки 1952 г. также не были закончены: оказалось недостаточно времени. Наступила весна 1953 г. Умер Сталин. И органам безопасности, возглавлявшим работы, было уже не до кладов. Раскопки законсервировали, лаз закрыли бетонной плитой и... на многие годы обо всем забыли.

Забыли, но не все. Слухи вокруг таинственного клада и засекреченных раскопок ширились, обрастая мифическими подробностями. Недавно мы получили письмо из села Кутурга от пенсионера И. Иванова, в котором еще одна версия этого клада. И. Иванов сообщил нам следующее: «Весной 1955 года¹ приходит на работу уборщица Ксения Михайловна Усенко и сообщает: «Вчера подъехала легковая машина «Зим», черная, правительственная. Военные спросили документы, сверили фотографии и забрали моего мужа...». Старушка перепугалась, собрала пару чистого белья, полотенце, кусочек мыла, краюшку хлеба, перекрестила старика со слезами на глазах и уже не чаяла больше свидеться... Военные-говорили о брате, белом офицере в Китае, о каких-то его делах, а старушка: «Пропал старик

¹ Так в письме. Вероятнее всего, осенью 1952 — весной 1953 года (Стиль и орфография письма И. Иванова сохранены без изменений).

не за понюх табаку, пошлют в расход как врага народа...». Одного не могла понять, почему его повезли во Фрунзе и не в «черном вороне», как всех забирали прежде, а в черном правительственном «Зиме»?

Недели две старуха плакала и горевала: ни слуху, ни духу, да и писать — неизвестно куда. На ее слезы и вопрос: «Куда же вы его старенького, больного?» — военные отвечали: «Потом узнаешь, бабка».

Брат забранного Василий Владимирович Усенко работал в нашей восьмилетней школе «Светлый мыс» завхозом, я был тогда директором и, конечно, в маленьком коллективе все всё знали, волновались и переживали. У всех был один вопрос: «За что забрали старика?» — нигде не воевал, никаких должностей не занимал, не воровал, не спекулировал, да и жил на отшибе вдалеке от людей, чем и где провинился?»

На третью неделю прибегает Ксения Михайловна на работу и радостно сообщает: «Привезли горбатенького с почетом да еще назначили старшим, положили жалованье 700 рублей...».

Потом выяснилось следующее: брат этого курментинского Усенко был действительно белым офицером и после гражданской войны бежал в Китай. Там проживал около Харбина. План клада (или копия) находился у него. Он долгое время не мог найти подходящего, верного человека, которому можно было передать план с пользой для дела.

Перед приходом Советской Армии в 1945 г. этот белогвардеец умер. План оставил своей дочери и наказал, чтобы она передала его самому большому советскому офицеру. Что та и выполнила... Эта старенькая, выцветшая и ветхая бумажка была передана в органы нашей республики... И вот только в 1955—1956 гг. приехала экспедиция, какой-то военный отряд. Работали, вели поиски под строжайшей охраной. Местные жители, даже руководители

не допускались. Мы, учителя, через завхоза Усенко и его жену-уборщицу школы, по секрету узнавали лишь отдельные обрывки фраз: «Нашли вход в пещеру. Раскопали шире, спустились, там вода, целая подземная река. Пришлось опускать туда лодки. Видимо, когда-то была шахта, добывали серебро... Потом пригнали машин бортовых штук тридцать... Всю ночь грузили какой-то скарб: люки, ящики, мешки... Потом отверстие (дыру) заделали и зацементировали, огородили колючей проволокой. На доске якобы была надпись: «Вход в запретную зону строго запрещен».

Прошло довольно много времени. Ребята не забыли и стали хныкать: «Вы нам обещали сходить к Усенко, который возглавлял поиски и разбирался в плане, и узнать, что же нашли выше Курментов: клад, серебро, золото или еще что-нибудь похлеще?».

Однажды в субботу после уроков все желающие пионеры и школьники отправились в Курменты пешком в домик тов. Усенко. Он нас хорошо принял. Мы сели в кружок, и он нам поведал почти то же, что мы уже знали от его родственников — от Ксении Михайловны и Василия Владимировича. Он рассказал нам, конечно, более подробно о поисках, о переживании, когда его забрали, но содержали хорошо, кормили, устроили на ночлег и берегли. Взяли с него подписку, что никому ничего не расскажет сверх того, что уже знает население. Так что мы не добились от него таких данных: как, кто вел раскопки, что нашли, сколько машин увезли, сколько еще осталось и куда все это найденное направили?».

Как видим, пройдя сквозь годы, слухи, как и положено «испорченному телефону», многое изменили, а главное, превратили желаемое в уже свершенное. Клад, который только искали, жаждали найти, превратился уже в реальность и «был вывезен» якобы на десятках грузовых машин.

А был ли клад? Не мистификация ли это, задуманная Успенским-Усенко? Те, кто непосредственно имел отношение

к поискам и знал о их безрезультатности, но не безнадежности, думали о продолжении раскопок. Помнил и ждал удобного случая и Э. А. Алиев. В 1968 г., уже будучи генерал-майором милиции, он обратился к председателю Совета Министров республики Суюмбаеву: «Меня и сослуживца, бывшего начальника ОБХСС Иосык-Кульской области Т. Фомичева до сих пор волнует судьба клада и почему прекращены его раскопки. Прошу Вас рассмотреть данный вопрос, так как клад представляет большую ценность для государства».

Речь шла уже не только об Иссык-Кульском, но и Таласском кладе.

Весной 1975 г. Э. А. Алиев повторил запрос уже в три адреса: Совет Министров, Комитет госбезопасности и Президиум Академии наук республики.

Летом 1975 г. Президиум Академии наук направил в Совет Министров республики письмо следующего содержания: «Сообщаем, что районы Иссык-Кульской котловины и Таласской долины имеют много археологических памятников, с которыми народная молва нередко связывает всевозможные легенды. При проверке большинство подобных приводимых в письме известий оказываются мифическими. В настоящее время научные исследования, запланированные в Академии наук, связаны с актуальными народнохозяйственными проблемами и не предусматривают проведения археологических и геолого-шурфовочных работ по р. Курменты и Ак-Тюбе. Поэтому в ближайшее пятилетие проверить сведения и начать работы по разысканию упомянутого клада (вероятнее всего, легендарного), требующие больших ассигнований, не представляется возможным».

Одному из авторов данной книги пришлось подготовить именно такой ответ, который за официальной подписью президента Академии ушел в вышестоящие инстанции, хотя здравый смысл требовал: давайте же еще раз проверим это сообщение, а заодно и все мало-мальски достоверные

легенды о кладах, проверим в рамках утвержденных смет, внеся эти работы в планы исследований кыргызских археологов и геологов. Но убедить в этом начальство тогда не удалось...

Молва о мифических кладах вечно будоражит воображение романтиков. Но в данном случае отправной точкой была не пустая молва, а хорошо документированные сведения, исходящие от людей, в компетентности и правдивости которых сомневаться было бы грешно. Во всяком случае, тогда подполковник, а ныне доктор исторических наук Д. М. Малабаев и персональный пенсионер В. Н. Голубин и сейчас убеждены, что клад существует, нужно им только серьезно заняться.

Ведь многое из легенды умершего в Китае священника подтверждено практическими работами: были пустоты под скалой, был ход-перекоп к ним, были каменные плиты с неизвестными письменами, был золотой «молоток», сданный государству одним из раскопщиков (о чем имеется документальная запись), был даже жертвенный бык.

Курментинский клад еще ждет своего часа, своих энтузиастов. Дело это важное и работы должны проводиться на государственной основе, для чего в первую очередь необходимо поднять все еще секретные папки с материалами предыдущих обследований и работ, привлечь ученых, применить специальные приборы и, конечно, выделить средства. А может, включиться частной инициативе? Ведь идут же поиски кладов под эгидой газеты «Комсомольская правда»! А может, кооператив? Или еще кто-то?...

ФЕНОМЕН СКУПОГО РЫЦАРЯ

*...О, если б из могилы
Прийти я мог, сторожевою тенью
Сидеть на сундуке и от живых
Сокровища мои хранить...*

А. С. Пушкин

В периодической печати довольно часто встречаются краткие сообщения о находках кладов при сносе или реставрации старых кварталов в городах европейской части страны и в Закавказье, реже — в Средней Азии и Сибири. Обычно это шкатулки с ценными женскими украшениями, золотые монеты царской чеканки, драгоценные камни, толстые пачки крупных ассигнаций Российского императорского банка, облигации, акции и другие ценные бумаги. Принадлежали эти клады главным образом чиновничеству, мелким купцам и промышленникам (крупные держали свои капиталы в банках России и за рубежом). Эти сороны (обычно поспешные), как правило, были результатом тревожного послеоктябрьского времени 1917 г.

Такие клады в городах и крупных селах Кыргызстана еще не обнаружены, да и прогнозировать их находки трудно. И дело вовсе не в том, что здесь не было богатых людей. Еще с конца прошлого века, например, в Пишпеке обосновались известные купеческие дома Исхака Даулбаева, Шагия Мамашева, Сеид-Акрема Мурзабаева, А. Степанова, А. Пушникова, Мамут-Муллы Бабинова и другие. Они торговали на крупнейших ярмарках России — Нижегородской, Арбитской, Крестовской, водили караваны в Синьцзян и, конечно, им и их собратям было что прятать. Было что, но незачем. Советская власть в Семиречье установилась позже, чем в центральной России, а близость государственной границы позволила богатеям вместе с богатствами убраться за рубеж.

Не найдено в Кыргызстане и кладов советского времени, которые иногда представлены немалыми материальными ценностями.

Приведем характерное для городов европейской России сообщение о находке клада, зарытого вскоре после 1927 г.: «Два первоклассника — Рома Горин и Рома Голубев во дворе, где недавно работал экскаватор, копались в земле и неожиданно наткнулись на монеты. Мальчики тут же помчались за родителями, а те вскоре сообщили о находке в милицию. Клад оказался огромным — два ведра серебряных монет. Подсчитали: 446 полтинников выпуска 1921–1927 годов. Оценка находки превышает 30 тысяч рублей». Такие клады условно называют «кладами непманов».

Удачливые первоклассники живут в г. Арзамасе Горьковской области. Бишкекские школьники едва ли найдут столь крупный клад, так как деятельность непманов в г. Пишпекке не получила широкого развития. Нам известны только три находки кладов советских серебряных монет на территории г. Бишкека. Самый крупный из них обнаружен в начале 60-х годов учащимися средней школы № 10 братьями Федоровыми при разборе старого дома в Карагачевой роще г. Бишкека. Он состоял всего из 24 монет. Все были переданы в школьный музей.

Зато очень распространены клады из царских ассигнаций и «керенок». Их полно в любом школьном или краеведческом музее. Такие бумажные деньги до сих пор находят в самых неожиданных местах: в стенах старых мазанок, в крыше, под полом, в подвалах, даже в дуплах старых деревьев. Обычно клады ассигнаций не превышают нескольких сотен или тысяч рублей. Находят, хотя и реже, и довольно крупные, тщательно спрятанные, но, увы, бесполезные ныне сбережения. Это клады бедноты, которая тяжкими многолетними трудами, отказывая себе во всем, копила деньги на корову, лошадь, борону, приданое либо на постройку нового дома. Иногда такое накопительство

продолжалось неосознанно, даже тогда, когда теряло всякий смысл.

...Жизнь Бюбюш Абышевой ничем не отличалась от жизни тысяч женщин дореволюционного Кыргызстана, уделом которых было рабское существование. В 13 лет ее выдали замуж, а через два года она овдовела. Среди сверстниц она выделялась смелостью и ловкостью, отлично ездила верхом, не боялась забираться высоко в горы. В 15 лет вновь вышла замуж за искусного кузнеца, узбека по национальности, получавшего за свой труд немалые деньги. Выросшая в бедной семье, Бюбюш была бережливой и втайне от мужа, который был весьма «строгих правил», стала откладывать деньги на «черный день».

Жизнь с ее бурными переменами не затронула сознания неграмотной Бюбюш, лелеявшей единственную мечту — о наследстве для детей. 104 тысячи денежных купюр сберегались сначала в бешике (колыбели), а затем в глинобитной крыше дома. Незадолго до смерти она сказала детям, что в крыше спрятаны деньги, которые сделают их богатыми. Поиски ни к чему, однако, не привели. В начале сентября 1984 г. старый дом, что стоял в с. Ананьеве (Иссык-Кульская область), решили снести. Разбирать его пришлось вручную. Вот тут-то и обнаружили «клад». Глядя на испорченные в результате неумелого хранения деньги — от царских «екатеринок», «керенок» и до купюр, выпускаемых советским государством в первые годы своего существования, родственники сетовали на то, что так бессмысленно прожила Бюбюш-апа свою жизнь.

Ставший иронией судьбы для родственников, «клад» и для историков представляет лишь ограниченный интерес. В нем в какой-то мере отразилась эволюция денежных отношений в Кыргызстане, характеризующих экономические связи с Россией, а затем с РСФСР. «Клад» пополнил фонды Института истории АН Республики Кыргызстан.

КЛАД С ГРИФОМ **«Совершенно секретно»**

Майский день 1991 г. Мы сидим в служебном помещении республиканского Исторического музея. На столе кучка позеленевших от времени монет с красивыми китайскими иероглифами. У монет особенность: они с квадратным отверстием в центре, совсем как те «динары с дырками», которые искали юный следователь Л. Шейнин и обаятельный рецидивист «Адмирал Нельсон». Знакомимся с кладом бегло, насчитываем не менее пяти типов медных кружочков выпуска китайских монетных дворов. При кладе, как и положено, имеется акт о сдаче и приемке его на хранение. Акт не менее уникален, чем сам клад, поэтому приведем его текст полностью:

«Акт № 228/1–50-е от 1 октября 1984 г.

Мы, нижеподписавшиеся, директор Государственного исторического музея Кыргызской ССР Сейтказиева Н. М., зав. фондами Государственного исторического музея Кыргызской ССР Алгадаева Н. Ш., зав. Общим отделом ЦК КП Киргизии Птицын В. А., зав. сектором Общего отдела ЦК КП Киргизии Петрухина Л. И. в соответствии с постановлением ЦК КП Киргизии от 26 сентября 1984 г. № Б 83/42 г. составили настоящий акт в том, что первые приняли, а вторые сдали на постоянное хранение в закрытый фонд Государственного исторического музея Кыргызской ССР клад бронзовых монет XVII–XIX веков.

Всего по акту принято 3447 (три тысячи четыреста сорок семь) монет, найденных в местности «Текелик» Ак-Сайской долины Нарынской области.

Клад, имеющий историческую и научную ценность, передан на хранение в закрытый фонд Государственного исторического музея Кыргызской ССР как достояние республики».

Далее подписи ответственных лиц, сдавших и принявших клад.

Читатель с недоумением пожмет плечами: почему «совершенно секретно?» Как и чем может угрожать нашей безопасности клад китайских монет прошлых веков?

Все началось, как в детективе. Наша историко-археологическая экспедиция в августе 1983 г. прибыла в Ат-Башинский пограничный район. Мы направились в высокогорную Ак-Сайскую долину. Добирались долго. И чем ближе подъезжали к границе, тем большее любопытство вызывали окрестности. Все, казалось было, как и виденное ранее, — предгорные адыры, еще не пожухлая на склонах трава. Но то тут, то там неожиданно открывается глазу бруствер глиняного окопа или темная дыра амбразуры — будто кроты-великаны поработали. Ближе к границе появились ряды колючей проволоки, между ними свежевспаханые полосы земли. Напряжение усиливалось. И хотя у нас была отметка в командировочных удостоверениях на право въезда в погранзону, становилось не по себе: казалось, пристально следят за каждым твоим движением, невольно приковывала внимание нейтральная полоса, за которой змеей вилась лента уже китайской дороги. Руки тянулись к фотоаппарату (фотографировать — мы это знали — запрещалось: но как известно, именно запретный плод сладок), но трезвое сознание подавляло мальчишеское желание — не по-ло-же-но!

Впереди, километрах в трех должен был быть так называемый «культурный центр» — большой дом: одновременно агитпункт, гостиница и магазин. Темнело быстро — в горах день моментально сменялся ночью. И мы решили остановиться на ночлег, не доезжая до культцентра, прямо на берегу шустрой речушки. Раскинули наспех лагерь, разожгли костер, занялись ужином. Резко похолодало. Только забрались в уютные спальные мешки, как вдруг резкий свет нескольких автомобильных фар, скрип тормозов,

пограничники с автоматами на изготовке — как в кино! Старший лейтенант Сабиржанов, заместитель начальника пограничной заставы (все это мы узнали позже) придирчиво занялся проверкой наших документов. Мы чувствовали: что-то ему не нравится. У нас было общее разрешение на проведение работ в погранзоне, оказывается, требовалось еще в письменном отношении указывать конкретные пункты. Но кто знал? И хотя в Ат-Баши мы устно согласовали наш маршрут с начальником погранзаставы подполковником Ю. М. Корякиным, этого оказалось недостаточно. Сабиржанов приказал начальнику экспедиции следовать с ним на заставу для выяснения формальностей, а сотрудники остались под охраной солдат досыпать. Ехали минут пятнадцать, как вдруг за поворотом в свете фар неожиданно всплыли беленые глиняные дувалы и вышка с часовым. Заходим в комнату, которая служила радиорубкой и одновременно «красным уголком». Разговор не клеился. Да и не удивительно — шел второй час ночи. Сабиржанов все допытывался, как нас без документов пропустили так глубоко в его зону, что в отношении нас никаких сведений ему не поступало и т. д.

— Так кто же все-таки вас направил?

Начальник экспедиции, сдержанный в общем-то товарищ, резко ответил:

— Не китайцы же...

И предложил по радию или телефону связаться с подполковником Корякиным. Но Сабиржанов был хорошим офицером и понимал субординацию. Кто же звонит родному начальству поздно? Только часа через два, когда сам Корякин случайно позвонил на заставу, все недоразумения устранились. Тут же появились на столе чай, бутерброды с маслом. И хлеб и масло были отменными, не чета городским (а, может, мы так проголодались?). Чтобы как-то сгладить неловкость, Сабиржанов вынул из ящика стола и подарил нам — «как специалистам» (по его словам) —

две старинные китайские монеты. Пограничники изъяли их у местных чабанов, а те обнаружили в норе у скалы. Местность называлась Текелик — это по другую сторону колючей проволоки, почти на нейтральной полосе, куда без пограничников не пойдешь.

— Да сейчас и бесполезно туда идти, — пояснил Сабиржанов. — Подчистую, с миноискателем подобрали весь клад, свыше трех с половиной тысяч монет.

Так мы вышли на след клада старинных монет, о которых слышали во Фрунзе, но не надеялись встретиться с действующими лицами, обнаружившими этот клад.

А вся история началась за четыре месяца до этого.

В мае 1983 г. президенту Академии наук республики академику Иманалиеву Мырзабеку позвонили из Комитета госбезопасности и попросили срочно направить в пограничную зону Ат-Башинского района Нарынской области двух-трех специалистов по древней истории для определения предположительно китайских монет, которые нашли близ границы. Целый мешок! Институт скомплектовал команду, но выехать она не успела. На другой день получили отбой: в этой зоне работают археологи из университета, они, мол, и займутся кладом.

Как позже выяснилось, к пограничникам выехал представитель исторического факультета Кыргызгосунiversитета, руководивший экспедицией в этом районе (назовем его доцентом). Он-то и занялся обследованием места находки большой массы монет и их первичным описанием. На месте он встретился с представителем КГБ района Маратом Жамгырчыновым. Он и был первоисточником информации. Некоторое время назад у одного из местных жителей Марат увидел брелок-амулет из начищенной до блеска бронзовой китайской монеты, явно старинной. Спросил, откуда она? Тот назвал чабана, который якобы имеет их «целые горсти». Монетам даже определили цену на черном рынке — 25 руб. за каждую — как за амулет. Поскольку

все памятники старины должны находиться под охраной государства, а тут к тому же примешивалась спекуляция, М. Жамгырчынов сообщил обо всем наверх по инстанциям. Вот тогда-то и приехал преподаватель университета из столицы республики. В сопровождении пограничников выехали на место, где время от времени «доставал» монеты предприимчивый чабан. Оказывается, чабанам этот тайник был известен уже восемь лет. Поскольку монеты не золотые и не серебряные, на них сначала просто не обращали внимания. Когда-то они были в полотняном мешочке — курджуме, по весу — несколько килограммов. И спрятаны были наспех: скорее, небрежно, чем тщательно. Говорят, бросили их басмачи при бегстве в Китай. Это, конечно, фантазия. Затем прошел слух о чудодейственной силе монет как амулетов и на них появился спрос. Вот тогда-то местные власти и заинтересовались кладом. Поскольку граница была с Китаем, а напряженность с великим соседом в те годы не ослабевала, все сведения о китайских монетах оказались причисленными к «совершенно секретным». Так что до сих пор — восемь лет спустя — известия о них так и не просочились в печать.

Мы, естественно, захотели сразу посетить место находки. Но это оказалось невозможным. Во-первых, по словам пограничников, место вблизи границы, где появляться без особой нужды нецелесообразно, да и китайцы уже засекли появление там пограничников с гражданскими лицами. Во-вторых, там уже ничего нет — руководитель университетской экспедиции все забрал с собой, составил план местности и краткое описание сохранности, количества и внешнего вида монет, входящих в состав клада. Нам оставалось довольствоваться двумя образцами китайских монет и надеждой на ознакомление с первичным описанием и всей коллекцией уже во Фрунзе.

Тепло распрощавшись с хозяевами, мы на том же пограничном «уазике» под утро прибыли в свой лагерь.

...Однако во Фрунзе (Бишкеке) ознакомиться с кладом оказалось не так-то просто. Никто о нем ничего не знал. Да и доцент, в общем-то человек открытый и доступный, стоял, как крепость.. Он долго выпытывал, откуда мы знаем про монеты и его поездку, затем полусшепотом поведал, что действительно ездил на границу, составил план местности находки клада и поверхностное описание монет. По приезде в столицу все передал в «органы», представитель которых строго запретил ему распространяться насчет находки, а о тех, кто будет ею интересоваться, обязал «сообщить куда следует». На этом наш разговор и закончился.

Но дело имело продолжение. Через несколько дней нас вызвали к секретарю ЦК КП Кыргызстана по идеологии К. Н. Кулматову, который показал отношение из КГБ республики в ЦК с описанием находки и предложением передать коллекцию монет из республики в Государственный исторический музей (г. Москва) или Эрмитаж (г. Ленинград) «для изучения и хранения».

Не знаем, кто подал им такую идею, хочется верить, что не университетский коллега, но она нас глубоко возмутила. Республиканская академия имела и имеет достаточно квалифицированных специалистов, чтобы разобраться с любыми находками. К тому же клад, как любой памятник культуры, — достояние республики. Прошли те времена, когда археологические трофеи с раскопок на территории республики, как и случайные находки, можно было без оглядки вывозить в центральные музеи страны. К. Н. Кулматов с пониманием отнесся к нашему возмущению и попросил дать от имени Академии конкретное предложение. В этот же день был подготовлен ответ за подписью президента АН республики и передан в ЦК Компартии.

Приведем этот ответ по сохранившемуся черновику.

«ЦК Компартии Киргизии

Клад китайских монет, обнаруженных в Ат-Башинской пограничной зоне, действительно представляет определенный научный, интерес. Находки в таком объеме бывают редки. Но они в настоящее время могут служить и неким лишним поводом для территориальных притязаний Китая.

Считаем, что открытая публикация сведений о находке китайских монет может быть преждевременной, а передача в Государственный исторический музей или Эрмитаж нецелесообразна. Считаем, лучше передать их в закрытый фонд Исторического музея республики. Наш Исторический музей такой коллекцией монет не располагает. Они — достояние республики.

Президент АН Кыргызской ССР
академик М. Иманалиев»

Надо сказать, что в это время в печати и на всех картографических изданиях Китая вся территория Кыргызстана и большая часть Казахстана представлялись как традиционно-исторические китайские. Маоистская пропаганда использовала любой повод (от археологических находок до неожиданно фальсифицированных источников) для подкрепления этого притязания.

Расшифрованная надпись на подаренной нам пограничниками монете (коллекцию в целом тогда увидеть нам так и не удалось) гласила: «Цянь-яун тун-бао», т. е. «ходячая драгоценность периода Цянь-лун» (чтение кыргызстанского китаевода Г. А. Супруненко). Отлита эта монета была в период между 1736—1796 годами. Остальные монеты клада еще ждут своего определения.

После того, как в мае 1991 г. мы, наконец-то, познакомились в республиканском Историческом музее с самим кладом, сопровождаемым лишь актом о передаче его из

ЦК в музей, были предприняты поиски (уже в партархиве) первичных документов. Они увенчались успехом.

Пройдемся по страницам этих документов, до последнего времени скрываемых под грифом «секретно». Оказывается, Бюро ЦК Компартии Кыргызстана 27 сентября 1984 г. приняло решение «считать целесообразным передать указанные монеты как достояние республики на хранение в закрытый фонд Государственного исторического музея Киргизской ССР».

Подписал первый секретарь ЦК КП республики Т. Усубалиев. [Партархив. Ф. 56. Оп. 247. Д. 104. Л. 55].

К решению Бюро была приложена справка следующего содержания.

«В апреле 1983 г. Нарынское областное управление КГБ республики получило сведения о том, что в Аксайской долине чабанами обнаружены старинные китайские монеты... В Аксайской долине в 12 км к югу от поселка Новый Культцентр в скальной расщелине на глубине до 1 метра были обнаружены 985 монет. Еще 456 были собраны с помощью миноискателя на прилегающем участке площадью до 30 квадратных метров. Кроме того, 2006 монет из этого клада были обнаружены и изъяты у населения в процессуальном порядке.

Монеты были направлены на исследование в соответствующие экспертные учреждения КГБ СССР, где в их изучении приняли участие специалисты Эрмитажа и Государственного исторического музея СССР. По заключению специалистов, клад состоит из бронзовых китайских монет, относящихся ко времени маньчжурской династии середины XVII—XIX вв. Клад представляет большую историческую и научную ценность как единственное в таком количестве компактное собрание китайских монет этого периода, найденное на территории нашей страны, и свидетельствует о широком развитии товарообмена Киргизстана

с сопредельными странами». [Партархив. Ф. 56. Оп. 247. Д. 107. Л. 147].

Здесь же в документах хранился сам протокол осмотра места происшествия, т. е. места обнаружения клада монет.

Протокол составлен по всем правилам следственного дознания. Вот его содержание.

«Долина Ак-Сай, Нарынская область. 15 июня 1983 г.

Следователь следственного отдела КГБ республики лейтенант Никович, при участии специалиста-археолога — преподавателя-историка Кыргызского университета и сотрудников Ат-Башинского РО УКГБ Кыргызстана по Нарынской области майора Ж. А. Орозова и капитана М. А. Жамгырчиева в присутствии двух жителей поселка Новый Культцентр установил следующее.

В 12 км от поселка Новый Культцентр, к югу по Ак-Сайской долине, расположен скалистый участок местности, подножья скал покрыты травой. По дну ущелья с юго-запада на северо-восток протекает река Текелик, вдоль левого берега которой проходит заросшая травой пешеходная тропа. Участок осматриваемой местности расположен в 80 км к северу от скалы (на которой имеется природное темно-розовое пятно размером примерно 2×2 м). В 43 м к югу от слияния горного ручья с рекой Текелик он примыкает к подножью скалы высотой 8–10 м, в юго-восточной части которой имеется расщелина длиной 7,5 м, шириной от 0,2 м до 1,2 м. Глубина в широкой части расщелины составляет 0,75 м, в узкой — 0,1 м...

Монеты, изготовленные из металла, старые, покрытые коррозией темно-коричневого, зеленого и черного цвета, диаметром от 2,5 см до 1,8 см, толщиной 0,1 см.

В центре — квадратное отверстие. С двух сторон надписи иероглифы.

Количество монет 1441 шт.». [Партархив. Ф. 56. Оп. 247. Д. 107. Л. 153–156].

Надо сказать, что всех собранных монет сказалось значительно больше — 3447 штук.

В этом же деле хранится и заключение московских специалистов, составленное 12 августа 1983 г.

Перед специалистами была поставлена задача установить:

1. Из одного ли материала изготовлена монета и из какого именно?
2. Каким способом изготовлены они?
3. К какому времени относится их изготовление?
4. Какова номинальная ценность исследуемых монет?
5. Какую историческую ценность они составляют и для каких музеев, других учреждений могут представлять интерес?

«Трассологическим методом исследования установлено, что монеты изготовлены литьем.

При консультации со специалистами по нумизматике Государственного исторического музея обратились к «Каталогу монет» (1977. С. 204—308) и установили, что клад является китайскими бронзовыми монетами маньчжурской династии Чиао. Монеты имеют разное название в зависимости от провинции, которая их выпускала. Время выпуска — в соответствии с каталогом — середина XVII — середина XIX в. С одной стороны на монетах имеются китайские иероглифы, с другой — маньчжурские надписи.

В СССР номинальная ценность монет ни в одном из каталогов не определена. В аукционных каталогах западноевропейских стран стоимость определяется от 50 центов до 2 долларов за одну штуку.

Монеты — большая историческая и научная ценность, так как являются единственным в таком объеме кладом, найденным на территории нашей страны.

Монеты представляют научный интерес для Государственного исторического музея (г. Москва) и для Государственного Эрмитажа, ибо только в этих музеях Советского

Союза занимаются изучением монет и в них имеются специалисты по китайским монетам. (Вот, оказывается, откуда дует ветер о передаче монет из республики в другие музеи!).

Материаловедческое исследование показало, все монеты изготовлены из сплавов бронзы с добавками свинца, олова и сурьмы». [Там же. Л. 157–160].

Таково предварительное заключение по старинному монетному кладу.

Так, обнаруженная в апреле 1983 г. в местности Текелик Аксайской долины коллекция китайских бронзовых монет в количестве 3447 экземпляров, выпущенных в период маньчжурской династии, осталась в фондах республиканского музея. Добавим, все еще в закрытых фондах и не выставлена для экспозиции.

Это единственный в таком объеме клад китайских монет XVII–XIX в. на территории нашей страны. Сейчас он должен стать, наконец, объектом подлинно научного описания и исследования и быть введен в научный оборот как ценный исторический источник по китайско-кыргызской торговле XVII–XIX вв.

ЗАКОНЫ И КЛАДЫ **(Вместо заключения)**

Где клад — там соблазн. Оба эти понятия всегда находятся в прямо пропорциональной зависимости: чем ценнее клад, тем больше соблазн. Перед каждым нашедшим сокрытое всегда дилемма: утаить? или поступить по закону? История знает случаи, когда перед блеском золота не могли устоять даже великие.

...Удивления достойно, что сын нищего мекленбургского пастора Генрих Шлиман сделал блестящую карьеру — от ученика в дрянной лавчонке до оптового купца первой гильдии, русского потомственного почетного гражданина и директора Императорского государственного банка в Санкт-Петербурге. Но еще большего удивления достойно то, ради чего он упорно добивался своих миллионов. Еще семилетним мальчиком Шлиман не расставался с великим творением Гомера. Восхищенный подвигами древнегреческих героев под стенами Трои, он однажды пообещал отцу: «Когда я вырасту большой, я найду Трою и сокровища царя». И уж совсем поразительно то, что фантастическая цель жизни, которую поставил перед собой малыш, была достигнута: став богатым и независимым, он едет в Турцию, безошибочно угадывает холм, который скрывал легендарный город, начинает раскопки и... находит «клад царя Приама».

Многолетние работы приближались к концу. Было уже переворочено 250 тысяч кубометров земли. С точки зрения науки он уже открыл бесценные сокровища — планировку Трои, жилища горожан, мощные стены, ворота, подлинные вещи того времени. За сутки до окончания работ, жарким

утром 15 июня 1873 г. Шлиман с женой, как всегда, наблюдал за раскопками. И вдруг в стене раскопа блеснуло золото... «Быстро отошли рабочих домой сейчас же», — прошептал ученый жене. Красавица гречанка, которая хорошо знала турецкий, под первым же пришедшим на ум предлогом спровадила землекопов. Супруги спустились в раскоп, жена расстелила свою шаль, а Шлиман, орудуя ножом, извлекал из земли и наполнял шаль сокровищами древних героев, подобных богам... Золотые диадемы и застежки, цепи и блюда, пуговицы, браслеты, заколки, серьги, ожерелья, филигрань... «Сокровища царя Приама!» Достойный венец всех трудов.

Как должен был поступить Шлиман? По закону? Конечно же, поставить в известность власти, сдать сокровища турецким чиновникам и получить символическое вознаграждение. Он не сделал этого. Ученый хорошо знал нравы коррумпированных безграмотных и всемогущих в своих владениях турецких пашей. Сокровища, скорее всего, никогда бы не стали достоянием ни турецкого народа, ни науки. Почти наверняка древнее золото осело бы в сундуках чиновного паши либо попало в руки стамбульских торговцев древностями. Шлиман решился на рискованный шаг. С помощью родственников жены и везения он переправил «клад Приама» в Афины, а оттуда — в Германию. Слухи о горах золота, конечно же, дошли до властей. Дом Шлимана опечатали, обыскали... и ничего не нашли¹.

¹ Керам К. Боги, гробницы, ученые: Роман археологии. М., 1963. С. 42—54. Позже ученые доказали, что сокровища, найденные Шлиманом, были зарыты задолго до времени Троянской войны и, следовательно, не могли принадлежать царю Приаму. Сокровища хранились в Берлинском музее. В 1945 г. они в качестве трофеев были вывезены в СССР и находятся в одном из наших спецхранов (Известия. 1991. 15 мая).

Можно ли считать великого археолога авантюристом, если не вором? С точки зрения современных нам международных соглашений и современной морали — да. Но во времена Шлимана турецкое законодательство о кладях было настолько запутанным и противоречивым, что исполнительная власть опиралась, скорее, не на законы, а на произвол. Поэтому вполне можно понять человека, который не захотел рисковать мечтой всей своей жизни именно тогда, когда она принесла поистине волшебные плоды. «Сокровища царя Приама» были спасены для науки... но ценой попрания законов. А не виноваты ли в грехопадении Шлимана и сами законы?

Вне всякого сомнения, правила, регулирующие цепочку «клад — человек — государство», должны разумно уравновесить интересы государства и человека. Каковы же наши законы?

Обратимся к Гражданскому кодексу Кыргызстана.

Статья 150. Клад.

Клад, т. е. зарытые в землю или скрытые иным способом деньги (золотые и серебряные монеты, советская или иностранная валюта и т. п.) или ценные предметы (драгоценные камни, жемчуг, драгоценные металлы в слитках, изделиях и ломе и т. п.), собственник которых не может быть установлен или в силу закона утратил на них право, поступает в собственность государства и должен быть сдан обнаружившим его лицом финансовым органам.

Лицу, обнаружившему клад и сдавшему его финансовым органам, выдается вознаграждение в размере двадцати пяти процентов стоимости сданных ценностей, кроме случаев, когда раскопки или поиски таких ценностей входили в круг служебных обязанностей этого лица¹.

¹ Гражданский кодекс Киргизской ССР (С изменениями и дополнениями на 30 июня 1986) Фрунзе. 1986. С. 246.

Хорош тот закон, который строго исполняется. А как же соблюдаются наши в общем-то справедливые законы?

В декабре 1988 г. творческое объединение «Экран» продемонстрировало художественный телефильм «Клад» (сценарий В. Кунина, режиссер В. Сергеев.). Сюжет прост. Три человека совершенно случайно нашли клад, в котором было 192 золотые монеты царской чеканки, стоимостью около восьми тысяч рублей. «Золотой телец» не затуманил разума. Решение было единодушным: сдать клад государству. И вот тут-то, в наше перестроечное время, завертелась, как и прежде, старая бюрократическая карусель: милиция, прокуратура, райисполком, Госбанк... Даже сдать ценности государству, не говоря уж о законном вознаграждении, оказалось не так-то просто. Людей обижали, подозревали, пугали, хамили, мытарили, а клад, ссылаясь на какие-то решения, постановления, инструкции, не принимали. Вконец измученные и задержанные «счастливики», отчаявшись, глубокой ночью вышли во чисто поле и... зарыли золото в землю.

Комедия? Конечно. Но основана она, увы, на реальных фактах. Некоторые из них, опубликованные в центральной и местной прессе, стали достоянием общественности.

Мы пытались выяснить в МВД республики, зафиксированы ли в последние годы у нас находки кладов, а если да, то выплачено ли законное вознаграждение людям, сдавшим клад государству. Оказалось, что такие факты в МВД не регистрируются.

Некоторые сведения удалось получить в республиканском Историческом музее. Так, за клад золотых монет начала XIII в., найденных на городище Бурана в 1966 г. учащимися Чуйской школы-интерната, ребята получили только символическое вознаграждение. Обратимся к протоколу приемки клада от 30 марта 1966 г.: «Комиссия... считает необходимым приобрести указанный клад золотых монет — четыре целых кружка и рубленные кусочки,

общим весом 85 граммов, золото 750 пробы, покупная цена — 4 руб. 37 коп. за грамм. В качестве вознаграждения комиссия считает необходимым выдать предоставившим в музей клад сумму в 120 рублей». Честных ребят подвели крайне низкие закупочные цены на золото у населения, действовавшие в середине 60-х годов. Любой коллекционер-нумизмат с благодарностью отвалил бы им сумму, в десять раз превышающую государственное вознаграждение. В наши дни за находку клада они получили бы уже тысячи рублей. Например, за клад золотых украшений, обнаруженных в карьере севернее города Бишкек в июне 1985 г., который был весом поменьше, а пробой повыше буранинской находки, ребята получили вполне приличное вознаграждение. В протоколе расширенного заседания художественно-экспертной комиссии читаем: «Смотрели золотой клад из сако-усуньского захоронения III—I вв. до н. э. из восьми предметов общим объемом 78,98 г. Оценка... 900 пробы по госцене 80 руб. за 1 г. Клад был оценен в 6318 руб. 40 коп., а 25% стоимости, то есть 1579 руб. 60 коп. (здесь даже — копейки!) была выдана братьям Дорофеевым, А. Малкову и С. Казанцеву».

Еще больше повезло невольному кладоискателю из с. Дон-Арык Чуйского района Алым Кылычеву. Клад серебра, который он нашел на городище Бурана, весил 9360,7 грамма. Взвешивания и анализы на пробу были выполнены в центральной комплексной лаборатории Управления геологии республики. Оценочная стоимость выразилась в сумме 9377 руб. 41 коп. Четвертую часть стоимости по закону и получил Алым Кылычев¹.

Все правильно, все по закону. Государство получило драгоценности, и «кладоискатели» вроде бы не в накладе. Ан нет! В накладе, да еще каком! Дело в том, что в нашей

¹ Газиев А. Люди и клады // Лит. Киргизстан. 1988. № 6. С. 123—126.

стране всем нашедшим ценности, будь то прекраснейшие ювелирные изделия древних мастеров или бесформенный слиток драгметалла, платят одинаково, исходя из веса и пробы. А это значит, что если мы, например, обнаружили в земле полный гарнитур дивной, тонкой работы золотых украшений царственной красавицы V в. до н. э., а вы бутылку из-под кефира, наполненную краденым и перекупленным золотым песком, спрятанную современным «деловым», и если наши находки равны по весу и пробе, то и цена им одинакова.

Есть еще одна несуразица. Согласно нашему законодательству, ценными, а следовательно, подлежащими приемке государством по твердой оценке считаются клады из золота, платины, серебра, бриллианты, изумруды и др. Ежели вы нашли древние шедевры из бронзы, мрамора, стекла или, что хуже всего, из керамики, то вы попадете в руки оценщиков из музеев с их мизерными материальными возможностями. В этом случае и вознаграждение, как правило, произвольное и символическое. Чаще всего лицу, доставившему находку в музей, дарят книгу с благодарственной надписью.

Как обстоит дело с оплатой кладов, оценкой археологических ценностей и древностей вообще в международной практике? Обратимся к интервью директора Института археологии АН СССР академика В. П. Алексеева газете «Известия». На, казалось бы, провокационный вопрос корреспондента «сколько стоит наша история?» неожиданно был дан конкретный ответ. «Вопрос ключевой для нашей археологии, — сказал В. П. Алексеев. — Да, мы одно из самых богатых культурной историей государств мира... Но правда и то, что мы не умеем оценить — я имею в виду меркантильную, денежную оценку — наше национальное наследие». Далее академик рассказал, что на Западе целые антикварные фирмы торгуют археологическими находками за бешеные деньги. Издаются и переиздаются международные

каталоги с обозначением цен на реликвии древности. Цены эти постоянно растут. В каталогах фигурируют не только изделия из золота или шедевры мирового искусства древности вроде знаменитой Чертомлыкской вазы. Там обозначены цены на любой добытый во время археологических раскопок материал, начиная с неказистого керамического горшка и грубого каменного рубила. «(Мне приходилось, — продолжал академик, — работать в Музее человека в Париже. Там на лотках разложены вещи — палеолитического, нижнепалеолитического времени. Ручное рубило из Северной Америки. Рядом маленькая этикетка: «20000 франков», (по официальному курсу на 1 февраля 1989 г. за 100 франков 9,82 рубля). По весьма субъективной оценке В. П. Алексеева, сейчас в музеях Советского Союза накоплено археологического материала на 80–100 миллиардов рублей (по мировым ценам). Для справки напомним, что полное восстановление последствий катастрофического землетрясения в Армении обойдется государству в 6–8 миллиардов рублей.

А у нас в стране? Мы охотно говорим по поводу и без повода: «всемирное сокровище», «бесценно» (очевидно, потому что не знаем, сколько стоит) и оставляем наши археологические материалы пропадать в непригодных для хранения музеях-развалюхах. Как курьез нашего оценочного мастерства можно привести документ, составленный в 50-х годах, где древний архитектурный комплекс Киево-Печерской лавры был оценен в... 230000 (!) рублей — дешевле постройки бетонного свиного комплекса!

Учитывая эти обстоятельства, директор Института археологии АН СССР ставит перед учеными страны колоссально-сложную, но первостепенной важности задачу: «создать научный кадастр всего того, что мы имеем сейчас в музейных экспозициях и запасниках, и — это еще важнее — попытаться оценить, что собой представляет

археологический кадастр территории Советского Союза вообще»¹.

Каков же вывод из сказанного? Он однозначен: при совершенствовании статей нашего законодательства о кладах будет разумным учесть международный опыт оценки сокровищ и древностей вообще. Тогда едва ли будет соблазн, как это случилось в Крыму, случайно найденный массивный золотой браслет работы мастеров Древней Греции тайно продать для переплавки зубному технику, что нельзя оценить иначе, как факт вопиющего варварства. Какой бы был смысл нашедшему клад вступить в преступную сделку с частником, если за подлинное произведение искусства государство законно уплатит больше, чем за золотой лом? А если повезло меньше и ты нашел не золото или серебро, а бронзовый топор, железный меч или мраморный барельеф, то тоже не отбросишь его равнодушно, не пройдешь мимо, если сможешь получить за находку вполне приличное вознаграждение.

Есть еще один недостаток в статье 150 «Гражданского кодекса Киргизской ССР», равно как и других республиканских и союзных кодексов. Если просто следовать букве закона, то вознаграждается только одно лицо, нашедшее клад. А если сокровище найдено группой лиц? На практике, когда стоимость клада не столь уж велика, финансовые органы смотрят на это сквозь пальцы и выплачивают четверть стоимости группе — всем участникам поровну. Но в случае оценки клада в очень крупную сумму становятся в позу неподкупных ревнителей законности и группе лиц, так же, как и одному, не видать вознаграждения.

Так случилось с кладом Жалаулы, когда четверо казахских школьников нашли 634 золотых предмета древнего искусства. Даже в прозаическом исчислении по «принципу

¹ Известия. 1988. 26 дек.

золотого лома» клад «тянет» на многие сотни тысяч рублей. По международным каталогам он стоит гораздо дороже. Нашим же школьникам сказали лишь «спасибо», категорически отказав в вознаграждении¹.

Можно вспомнить десятки случаев, когда местные жители поведали археологам о находках кладов. Часть из этих рассказов, как правило, типичные «утки». Однако некоторые из них по ряду характерных деталей казались правдоподобными. Нас не покидает ощущение, что далеко не все ценности, случайно найденные в Кыргызстане, доходят до финансовых органов или пополняют экспозиции музеев. Часть вины за это ложится на несовершенное законодательство и, как следствие того — отсутствие должного поощрения.

Законы почти всех государств мира запрещают самовольное кладоискательство. Однако одержимые идеей отыскания сокровищ люди мало считаются с ними. Иногда раскопки самодеятельных «археологов» принимают такие масштабы, что являются серьезной угрозой всему живому. О «лунном ландшафте» острова Оук (близ Канады) мы уже упоминали в связи с сокровищами пирата Вассеры: этот ландшафт — дело рук кладоискателей. Еще в худшем положении оказался маленький необитаемый островок Кокос, лежащий в 300 милях от побережья Коста-Рики. Молва приписывает островку шесть кладов. Самый последний и самый богатый из них якобы был зарыт в 1820 г.

...Предчувствуя крах колониальной империи, из Лимы бежала группа испанских вельмож. Они зафрахтовали английский парусник «Мери Диэр» и погрузили в его трюмы свои богатства. Среди них упомянуты золотые канделябры, слитки золота, серебра и прочее. Но главной ценностью была статуя Девы Марии, в рост человека, отлитая

¹ Труд. 1988. 17 мая.

из чистого золота. Вероломный капитан-шотландец по выходе в море перебил испанцев, а сокровища зарыл в пещере на острове Кокос. Вскоре капитан умер, так и не сумев вернуться за добычей, но оставил карту с «точными» координатами пещеры — $5^{\circ}32'57''$ северной широты и $88^{\circ}02'10''$ западной долготы...

С тех пор на острове в поисках шести кладов побывало свыше 450 экспедиций. Ни одна из них не добилась успеха. Но остров изрыли так, что в 1978 г. правительство Коста-Рики, возмущенное наносимым экологическим ущербом, специальным законодательным актом категорически запретило впредь заниматься там какими-либо раскопками¹. В Австралии вот уж 12 лет действует специальное законодательство, направленное против тех, кто посягнет на реликвии, поименованные в «Списке затонувших кораблей исторического значения», содержащем более 80 названий. Так, нарушителям-аквалангистам грозит штраф до 5 тысяч австралийских долларов или тюремное заключение на срок до 5 лет².

В Кыргызстане с самого начала образования его государственности издано немало законодательных актов, запрещающих самовольные раскопки, а следовательно, и кладоискательство. В них правильно декларировались положения об охране государством всех памятников истории. Однако слабостью этого законодательства явилась разрозненность актов и, что еще хуже, расхождение слова с делом. Очень большой вред в деле охраны памятников принесла так называемая антирелигиозная пропаганда, которая зачастую велась совершенно недопустимыми, а иногда и варварскими методами. Достаточно напомнить, как с попустительства областных властей был разрушен

¹ Комсомольская правда. 1987. 25 окт.

² Там же. 1987. 21 нояб.

памятник XVI в. «домик Бабура» на Сулейман-горе в Оше, осквернен гумбез Арслан-бобо, почитаемый во всей Ферганской долине, снесена соборная церковь в Бишкеке. Этот скорбный список можно еще долго продолжать.

Наконец, 28 декабря 1977 г. Постановлением за подписью Председателя Президиума Верховного Совета республики Т. Кулатова был введен в действие Закон «Об охране и использовании памятников истории и культуры». Как гласит этот закон, «охрана памятников — важная задача государственных органов и общественных организаций. Бережное отношение к памятникам истории и культуры — патриотический долг каждого гражданина СССР». ¹ Закон категорически запрещает самовольные раскопки и кладоискательство: «Ведение раскопок и разведок памятников археологии допускается только при наличии разрешения (открытых листов, выдаваемых и регистрируемых в установленном порядке») [статья 39].

Собственность на памятники истории и культуры целиком и полностью принадлежит государству. Обнаруживающим любой клад следует знать, что «все обнаруженные в земле, на ее поверхности, в воде, в старинных постройках или их частях предметы, представляющие историческую, научную, художественную или иную культурную ценность, собственник которых не может быть установлен или в силу закона утратил на них право, является собственностью государства» (статья 4). Статья 44. Закона предусматривает уголовную, административную и иную ответственность, применяемую ко всем лицам, виновным в невыполнении и нарушении законодательства о памятниках истории и культуры.

Что ж, «закон строг, но он — закон». Нам, гражданам республики, необходимо его знать и выполнять неукоснительно.

¹ Об охране и использовании памятников истории и культуры: Закон Киргизской ССР. Фрунзе, 1978. С. 32.

А всегда ли мы строго следуем букве закона? Далеко не всегда. В начале 60-х годов где-то на Тянь-Шане был найден богатый клад раннесакского времени (VII—VI вв. до н. э.). В нем было около двадцати бронзовых изделий, включавших оружие, части конской сбруи, зеркала. Все предметы были отличной сохранности. Рабочие, нашедшие клад, передали его руководителю исторического кружка республиканского Дворца пионеров Л. В. Шевченко. Она любовно разместила его на отдельном стенде и выставила для всеобщего обозрения. С кладом ознакомились и авторы этих строк. Каково же было наше огорчение, когда мы узнали, что клад кто-то похитил прямо из музея. До сих пор о нем ни слуху, ни духу. А ведь клад даже не описали, не зарисовали, не сфотографировали. Вор нанес серьезный ущерб исторической науке.

Доцент истфака КГУ М. Н. Федоров рассказал нам при-
скорбный случай хищения клада и вывоза его за пределы республики. Учащиеся средней школы с. Кара-Джигач (близ г. Бишкек) нашли глиняный кувшин, в котором было свыше 230 серебряных монет. Дети принесли клад в школу и отдали его учительнице истории для музея. Но в музей он не попал: учительница хранила его у себя в доме и ревниво скрывала находку даже от ученых. М. Н. Федорову удалось осмотреть часть монет. Нумизмат определил, что в составе клада были редкие монеты джагатайских ханов первой половины XIV в. и среди них — уникальные монеты хана Кепека. Ближе познакомиться с монетами ретивая «хранительница» клада не разрешила единственному в республике специалисту. Через пару лет М. Н. Федоров, постоянно интересовавшийся судьбой неизученного клада, узнал, что она вышла на пенсию и уехала в Белоруссию, прихватив «на память» о Кыргызстане весь клад серебряных монет. А ведь такие хищения уголовно наказуемы. И здесь свое слово должны сказать правоохранительные органы.

* * *

Кладоискатели не дремлют. Они ищут. Газетой «Комсомольская правда» организован клуб «Искатель», который собирает различные сведения о кладах. Некоторые из них представляют интерес. Из Ленинградской области пишут: «Предлагаю свое участие в раскопках колодца глубиной 6—7 метров, в который брошены ценности. Моей матери о них рассказала жена трактирщика, которого в 30-м году неожиданно арестовали. Сейчас колодец засыпан хламом и землей. Приезжайте, то место покажу».

Есть весточка и о трофейных кладоискательских картах: «В 1942 г. я стал обладателем интересного документа, принадлежащего немецкому офицеру. В нем говорилось о сокровищах Золотой Орды, закопанных в незапамятные времена за Волгой. Указаны точные места. В тех же бумагах я обнаружил место захоронения на одном из островов реки Дон сокровищ Степана Разина». Обладатель карты живет в Витебской области, но просит, по вполне понятным причинам, не публиковать его имени.

А вот что сообщает житель деревни Кочергино Ивановской области Н. Царев: «На территории Южского района Ивановской области есть озеро Святое, на берегу которого до революции располагался женский монастырь. Игуменья и монахини расценили приход большевиков к власти как явление временное, поэтому прежде, чем покинуть монастырь, собрали книги, драгоценности и вещи, необходимые для богослужения, в огромный сундук, затопив его в Святом озере... Если вас заинтересует этот клад, за более подробным сообщением можете обращаться ко мне»¹.

Американские кладоискатели пошли дальше всех: для поисков кладов они использовали модные ныне сверхъестественные способности экстрасенсов. Некий Стефан Шварц,

¹ Комсомольская правда. 1989. 29 янв.

директор фирмы, занимающейся решением многих конкретных задач с помощью парапсихологии, решил привлечь экстрасенсов к поискам затонувших кораблей. Результат превзошел все мыслимые ожидания. Отобранные путем тестирования 18 человек указали почти одинаково места гибели 14 кораблей, назвав даже примерную глубину. Одно из указанных мест решили проверить. И нашли-таки!¹. Все это очень смахивает на договор итальянского аристократа с князем тьмы, о котором мы упоминали в начале этой книги, но коль дает результат, то, как говорится, Бог (или вернее, черт) в помощь.

Как бы ни был найден клад, любому нашедшему его следует помнить:

Клад является серьезным и достоверным историческим источником, отражающим материальную и духовную жизнь прошлых поколений, свидетельствующим о вкладе народов нашей республики в мировую цивилизацию.

Клады служат целям развития исторической науки, народного образования и культуры Кыргызстана.

Клад является национальным достоянием Республики Кыргызстан и принадлежит только государству. Его нельзя присвоить.

Гражданский долг нашедшего клад или узнавшего о находке — собрать его полностью и передать компетентным органам по акту.

Нельзя оставить для себя ни единой вещички из состава клада, даже в качестве сувенира — комплекс предметов сразу нарушится. С научной точки зрения клад — это своеобразная и хорошо написанная книга по истории республики, причем «изданная» в одном (и неповторимом!) экземпляре. Поэтому любые изъятия из клада по своей пагубности можно приравнять к вырванным страницам из этой книги.

¹ Известия. 1989. 12 февр.

В наше время во многих странах «самостийное» кладоискательство принимает формы хорошо налаженной индустрии. При этом кладоискатели в печати и устно заявляют, что их цель — не столько обогатиться самим, сколько вернуть обществу втуне зарытые или затопленные сокровища. Многим из нас присущи романтические устремления, нами движет неумемная страсть к приключениям. Она и может привести к поискам кладов. Но мы, археологи, не раз убеждались: чаще всего такие «вольные» кладоискатели, бродящие с лопатами и кирками по средневековым городищам Чуйской и Таласской долин, древним могильникам Ошской области или ныряющие на дно Иссык-Куля с современными аквалангами, руководствуются желанием единым махом обогатиться, т. е. самой примитивной алчностью. И вот здесь последнее слово должно принадлежать Закону. Ведь клады — это материальная Память народная, и охранять их от посягательства корыстолюбцев необходимо уже потому, что народ, лишившийся вещественных и подлинных атрибутов своей истории, вправе чувствовать себя ограбленным.

Публикуется по изданию:

Мокрынин В. П. Плоских В. М. Клады в Кыргызстане: Мифы и реальность. Бишкек: «Илим», 2004. 56 с.

Часть вторая

Т. Койчурев, В. Плоских

В МИРЕ ДЕНЕГ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В ранней молодости мне случилось ознакомиться с очень хорошей (как я сейчас понимаю) коллекцией денежных знаков. Как и миллионы советских людей, никаких денег, кроме рубля с шахтером, трешки с красноармейцем, пятерки с летчиком и червонца с Лениным, я в глаза не видел. Поэтому величественная простота фунта стерлингов, великолепный Петр на русской пятисотрублевке и глаз, заключенный в треугольнике на «зеленой спинке» (гринбэк) доллара меня сильно удивили. Но наибольшее впечатление произвели на меня все-таки деньги «революционного пространства», как сейчас называют охваченную пожаром гражданской войны Россию. Деникинские «колокольчики» — синеватые сотенные бумажки страны «единой и неделимой» — с Царь-колоколом (почему не с царь-пушкой?), «чайковские» деньги оккупированного Архангельска с белым медведем, прекрасно отпечатанные в Англии бакинские — зеленые, с якорем на щите и башнями огнепоклонников, поражали воображение. Звездами коллекции были надпечатки махноградской анархической вольницы «Чем наши хуже ваших» и этикетки от портвейна с подлинной размашистой росписью наркомфина Семенова — деньги, имевшие хождение на территории, превышавшей площадь Францию. Да, тут было на что посмотреть, и я вдруг ощутил, насколько однообразно унылы советские казначейские билеты (и это уже навсегда, вдруг подумалось мне). Реформы 1947-го и роскошных имперских рублей Сталина, как и мелких форматом хрущевок 1961-го, никто тогда предвидеть не мог. Да кто в начале 1993 мог предвидеть появление ныне уже измятых в сотнях тысячах карманов бумажек с беркутами и гумбезами? Никто.

Что же такое деньги? Попробуем рассмотреть этот вопрос с философских позиций (с позиций экономических и исторических он ярко освещен в книге Т. Койчуева и В. Плоских, которую вам предстоит прочесть).

Итак, по Борхесу, деньги — это концентрированная возможность. Сгусток возможности что-то купить — а купить можно не только вещи, но и услуги, расстояния, помощь и поддержку частных организаций — наделяет человека дополнительной силой.

Правильно ли это? По-видимому, здесь много верного.

По Дж. Б. Пристли деньги — это слуга, ставший господином. Ведь первоначально деньги служили просто для удобства торговли, для скорейшей оплаты работы. Но затем они стали сильнее, и человек, у которого очень много денег, так же силен, как человек, имеющий небольшую частную армию или владеющий маленькой страной. Конечно, таких людей — единицы, но они есть, и не следует ли поставить предел суммам, которыми вправе распоряжаться отдельный человек или отдельная семья?

Что же, и здесь немало справедливого. Губернатор штата Луизиана Хью Лонг, убитый, если не ошибаюсь, в 1934 году, утверждал, что предел богатству может поставить государство: не свыше пяти миллионов долларов! Правда, тогдашний доллар стоил много больше, чем теперешний.

И тут мы подходим к важнейшему для всех нас вопросу: О цене денег. В книге Т. Койчуева и В. Плоских вы прочтете о чудовищных инфляциях, перед которыми сегодняшняя (тоже очень сильная) меркнет.

В чем причина инфляции? Их много, но важнейших три.

Первая — в товарной необеспеченности денег. Инфляция, говорил Маяковский, это понос денег и запор товаров.

Вторая причина — в недоверии к правительству. Что же, вы думаете, что доллар и на самом деле эквивалентен тысяче рублей? Нет, это не так. Но доверие к российскому

правительству, к парламенту, их властным полномочиям, их компетентности невелико. Вот невелика и стоимость рубля.

Третья причина вот в чем. Вас инфляция разоряет. Но так просто обеднеть нельзя, как нельзя и так просто разбогатеть. Если кто-то богатеет, то кто-то беднеет. Если вы беднеете от инфляции, значит, кто-то становится от нее богаче. То есть, важная причина инфляции состоит в том, что она кому-то выгодна.

О великом разнообразии денег прочтете вы в книге, которая перед вами. Наперед скажу — всем будет интересно ее прочесть. И с неизбежностью у вас возникнет вопрос: вечно ли это разнообразие? Неужели не возникнут деньги, которыми могут пользоваться все, все люди во всех странах мира?

Ответ на этот вопрос даст будущее, и кто знает — может, даже и недалекое будущее. Если на основе мирового сообщества возникнет и мировое правительство, с ним придет и мировая валюта, деньги для всех, подобно тому, как экю-деньги для всего европейского сообщества. Повлияет ли такая ситуация на нашу с вами жизнь? Очень может быть, что да.

*Член-корр. НАН Кыргызстана,
докт. филос. наук А. Брудный.*

ГОРЬКИЙ ХЛЕБ НУМИЗМАТА

*Деньги — очень дурной господин,
но хороший слуга.*

Ф. Бэкон.

Тайны древнейших монет

Как правило, древние деньги вызывают уважение: они много видели и много знают, порой содержат тайны, которые веками остаются неразгаданными. Допустим, материал, из которого изготовлена монета, дает возможность заключить, какими металлами в то время пользовались, как составлялись различные сплавы, литьем или ковкой обрабатывались заготовки. А взвесьте несколько одинаковых монеток, и вы получите ответ на вопрос, какими единицами измерения пользовались наши далекие предки. Вас интересуют старинные цены? Присовокупите к этому некоторые другие данные, и ваше любопытство будет с лихвой удовлетворено. Пробы золотой и серебряной монет дадут полное представление о богатстве той или иной страны — если драгоценного металла меньше, чем объявлено, следовательно, правитель обманывал народ, ухудшая монету.

Металлические кружки доносят до нас облики людей, живших много веков назад. На драхме сасанидского царя Ирана Ковада (правил в 489—531 гг. нашей эры) мы видим человека с явно восточным типом лица, с бородою и длинными волосами. Откуда бы нам знать об этом, если

бы не эта монета? Как подтверждают письменные источники, достоверный портрет великого полководца Александра Македонского изображен на тетрадрахме. Монеты же сохранили нам лица знаменитых поэтов, писателей, философов — Геродота, Гиппократата, Горация и других... От многих памятников архитектуры и искусства остались развалины, однако монеты через века донесли их первоначальный вид.

По монетам можно изучать флору и фауну стран, где они выпускались, восстановить некоторые легенды, по эпизодам определить время великих битв, а также спортивных олимпиад. Какие почитались боги, в каких храмах проходили службы и какими были древние обряды, — об этом тоже могут поведать металлические деньги. Как и о политической борьбе, к примеру, между королями и папами: французский король Людовик XII из ненависти к папе Юлию II велел на монетах выбить надпись: «Истребим имя Вавилона» — король имел в виду папскую власть...

Много воды утекло, пока вошли в обиход металлические деньги. Из бытовых предметов — ножей, гвоздей, наконечников стрел, посуды, которыми обменивались, как всяким другим товаром, они постепенно становились деньгами. У немцев: сковорода — пфанне — пфенниг. Восточные ножи были оружием, но со времен они стали легче, лишились лезвий, рукоятки и обрели специальную денежную форму колец, которые носили с собой, нанизав на шнурок. В Китае в качестве денег ходили кусочки металла в виде «рубашки», напоминавшей одежду того времени. С годами деньгам стали придавать специфическую форму: в Индокитае — это толстые медные прутья, в Северной Америке — свинцовые шарики, в Африке — куски железа подковой; в Камбодже — железные ромбики...

Не правда ли, любопытно: почему монета называется монетой? В 275 г. до нашей эры Рим — наконец-то! — одержал победу над царем Эпира Пирром и его

союзниками — греческими городами Южной Италии. В честь этого в храм богини — покровительницы Юноны Монеты, стоявшем на самом высоком месте столицы, на вершине Капитолийского холма, несли и несли щедрые приношения — золото, драгоценные камни, дорогие ткани и животных. Во славу ее слагали оды, ваяли прекрасные статуи. Был также принят закон чеканить деньги только в храме Юноны Монеты.

С той поры во многих странах металлические деньги называют монетами.

А спрятанные в укромных уголках монеты — кладами. Испокон века люди зарывали деньги. Давно, очень давно появилось на свет выражение — «зарыть талант в землю». Однако в первом своем значении оно не имело прямого отношения к человеку, который, обладая прекрасными способностями, не сумел их реализовать. Это выражение восходит к библейской легенде о денежных кладах: по древнейшему преданию, некий господин, отправляясь в далекое путешествие, оставил верным рабам свои сбережения — восемь талантов серебра (талант — денежная единица Восточного Средиземноморья, весом около 26 кг). Два раба, получив семь талантов, пустили их в торговый оборот и значительно увеличили и без того громадную сумму. Третий не захотел рисковать и зарыл свой талант в землю. Прибыли он, ясное дело, не получил, за что совершенно справедливо изругал его возвратившийся из далеких краев господин. Думается, что именно эта притча является одним из первых письменных свидетельств, в котором упоминается о сокрытии денег в земле и рассуждениях по поводу неразумности подобных деяний.

На территории Кыргызстана клады своих монет могли быть обнаружены только с VIII века, именно с этого времени в Чуйской и Таласской долинах тюркешские каганы и их вассалы стали выпускать первые медные деньги. До сих пор в руки ученых не попало ни одного клада

тюргешских монет, но они были. В 1962 г. ученики бишкекской средней школы на городище Шиш-Тюбе, севернее города Кара-Балта, нашли четыре слипшиеся тюргешские монеты. Дальнейшие поиски предполагаемого клада успеха не имели, потому что ребята не могли указать точного места находки.

В конце 70-х гг. в окрестностях городища Ак-Бешим (близ города Токмак) был найден целый горшок медных тюргешских монет, но все они тут же разошлись по рукам местных жителей, а ученым осталось всего два кружочка, да и то плохой сохранности. Тем самым был нанесен большой ущерб исследованию раннесредневековой истории Кыргызстана. Ведь именно здесь в VI веке была столица Западнотюркского каганата город Суяб. Ученые предполагают, что в нем мог находиться монетный двор тюргешских каганов и их вассалов. Изучение клада наверняка бы расширило наши представления о том далеком времени.

Если клады тюргешских монет еще предстоит найти, то кладов караханидских денег в земле нашей республики найдено довольно много. Кто такие Караханиды? В середине X в. в Семиречье, Центральном Тянь-Шане и Восточном Туркестане тюркские племена, объединившись, создали мощное государство, которое к началу XI в. подчинило почти всю Среднюю Азию. Правители его именовали себя караханами, отчего произошло и название всей династии, сначала в русской, а затем и в зарубежной исторической науке. При Караханидах получили расцвет наука, культура, градостроительство, ремесла, торговля и связанное с ней монетное дело.

В кладе на городище Шиш-Тюбе найдены дирхемы из серебра высокой пробы. В 1960 г. студент истфака КГУ М. Оморов в который уже раз обследовал развалины средневекового городища. В свое время он в пределах его стен нашел еще более древнее поселение, собрал интересную коллекцию материальной культуры. А потом обнаружил

кубышку-копилку, а в ней 30 высокопробных монет из серебра, обломки серебряных украшений и проволоки, около 1000 целых монетных кружочков и несколько сот обломков.

Будучи уже доцентом исторического факультета, М. Оморов в соавторстве с нумизматом М. Федоровым изучил клад, который состоял как бы из двух кладов и формировался, по меньшей мере, на протяжении двух поколений. Вначале в копилку поместили 30 серебряных монет чеканки между 1016 и 1027 гг. на монетных дворах Восточного Туркестана и Средней Азии. Особо порадовали специалистов два дирхема монетного двора Куз-Орду, находившегося в 120 км к востоку от Шиш-Тюбе, в городе Баласагуне.

Они и помогли уточнить очень важную дату. Видный историк XI в. Абул Фазл Байхаки писал о вмешательстве могущественного султана Махмуда Газневи в борьбу между караханидскими ханами Кадыром и Туганом за Баласагун, который был захвачен ими в 1030 г. Историк здесь допустил неточность. Дело в том, что в копилке было два серебряных дирхема, выпущенных в Баласагуне: один — от имени Туган-хана в 1025–1026 гг., другой — от имени Кадыр-хана в 1026–1027 гг. Кому в подобных случаях верят ученые? Конечно же, монете, ибо она более беспристрастна. Следовательно, Кадыр-хан занял Баласагун не в 1030, а в 1026 г.

Один из кладов — в большом глиняном хуме — найден в селе Беловодском при рытье котлована под новый дом. Когда весть о кладе разошлась по соседям, то почти каждый из них уходил со двора с горстью монет. Хорошо, что о находке узнал местный краевед И. Трофимов, который и прекратил разграбление, собрал оставшиеся монеты и сдал их в музей. Всего в музей попало 2245 медно-свинцовых дирхемов.

Но чтобы монеты заговорили, их надо изучить. Это не просто. Пролежав в земле более 900 лет, они сильно

окисляются, и чтобы не повредить текст (легенду), нужно очищать тщательно, не спеша. Нередко монета может оказаться потертой из-за длительного обращения. Но даже если она очищена и хорошо сохранилась, правильно прочитать текст не так-то просто. На караханидских дирхемах надписи выполнены арабской графикой, но без особых, диакритических, знаков. Отсюда разночтения, которые приводят к ошибочным историческим выводам.

Да, горек хлеб ученого-нумизмата. Не одна тысяча монет пройдет через его руки, прежде чем эти пришельцы из прошлого заговорят, поделятся своими тайнами...

На территории Кыргызстана до 1917 г. зарегистрировано несколько находок древних монет, но сведения о них очень скудны, а само их наличие еще не всегда говорит о существовании налаженной системы товарно-денежных отношений. Так, в Отчетах Императорской археологической комиссии за 1890 г. сообщается, что в урочище Койсары Иссык-Кульского уезда Семиреченской области найдено семь золотых и девятнадцать медных монет XI в. Караханидов и Сельджукидов. В 1888 г. Н. И. Веселовский обнаружил несколько монет при раскопках памятника на узгенском городище. Несколько монет передано В. Д. Городецким в археологическую комиссию с раскопов Бураны. Эти и подобные находки дали возможность разработать некоторые вопросы хронологии государства караханидов и киданей в публикациях ученых Х. М. Френа, Б. А. Дорна и П. С. Савельева, В. Г. Тизенгаузена и А. К. Маркова. Каталог мусульманских монет Эрмитажа, где значительное место отведено караханидскому чекану, и по сей день остается замечательным справочным изданием для многих исследователей.

Монеты находили, безусловно, и позже, но они не регистрировались даже в таком серьезном научном обществе, как Туркестанский кружок любителей археологии, созданном в Ташкенте в 1895 г. под руководством академика

В. В. Бартольда. Сам он лишь использует сведения о монетах в целом ряде работ, не делая их темой специального научного труда.

Серьезно этой работой занялся М. Е. Массон — сотрудник Среднеазиатского комитета по делам музеев, охраны памятников старины, искусства и природы, основоположник среднеазиатской научной нумизматической школы. Возглавляя археологический отдел Среднеазиатского музея, ныне преобразованного в музей истории Узбекистана им. Айбека, он собирал и изучал монеты на протяжении почти 70-ти лет своей жизни. Первая публикация ученого посвящена находкам 1917—1927 гг. Исследовал он и дореволюционные клады, о которых упоминалось в литературе. Связь с местными коллекционерами, специалистами и крестьянами, строящими ирригационные сооружения, позволила обнаружить не только отдельные монеты, но и сведения о кладах золотых монет, к примеру, на Буране сельджукского чекана из Герата.

М. Е. Массон скрупулезно регистрировал находки монет и в последующие десятилетия, но специальную работу опубликовал в Трудах Института языка, истории и литературы Кирг. ФАН СССР, когда он сотрудничал с другими учеными при изучении памятников архитектуры и археологии. Его исследования стали важным фактологическим источником для написания всех четырех изданий «Истории Киргизской ССР». Им же впервые введен материал по истории товарно-денежных отношений в крае.

С годами накапливаются знания по старинным монетам вначале с помощью М. Е. Массона, а затем и его учеников: доктора исторических наук Е. А. Давидович, которая осветила не только важнейшие проблемы товарно-денежных отношений в государствах Саманидов, Караханидов, Тимуридов, Шейбанидов и Джанидов, но и разработала теоретические и методологические основы данного раздела среднеазиатской нумизматики, Б. Д. Кочнева (Самарканд)

и М. Н. Федорова (Бишкек), успешно работающих по караханидской нумизматике.

Большой приток монет в музейные собрания дали археологические исследования на территории республики, начиная с экспедиций А. Н. Бернштама — Семиреченской (1938—1940), Тяньшано-Алайской (1944—1947), Памиро-Ферганской (1950—1952), а также экспедиции археологического надзора при строительстве БЧК (1941). Помимо караханидских монет, были собраны и тюркешские, которые А. Н. Бернштам первым вводит в научный оборот и классифицирует. Серия монет была пополнена и во время археологических исследований Л. Р. Кызласова на Ак-Бешиме в 1953—1954 гг., при изучении городищ Чуйской долины П. Н. Кожемяко и Л. П. Зяблиным. Тюркешские монеты получают специальное рассмотрение в трудах нумизматов О. И. Смирновой, А. М. Щербака, а затем В. А. Лившица. Находкам кладов на ряде городищ, преимущественно караханидских монет, посвящаются публикации 70—80-х гг., а по материалам раскопок и находок на Краснореченском и Буранинском городищах — обширные статьи Б. Д. Кочнева, М. Н. Федорова и В. Н. Настича. У коллекционеров, понятное дело, сосредоточена значительная часть заветных монет, поэтому ими также подготовлена брошюра в плане популярной нумизматики — с древнейших времен до Октябрьской революции.

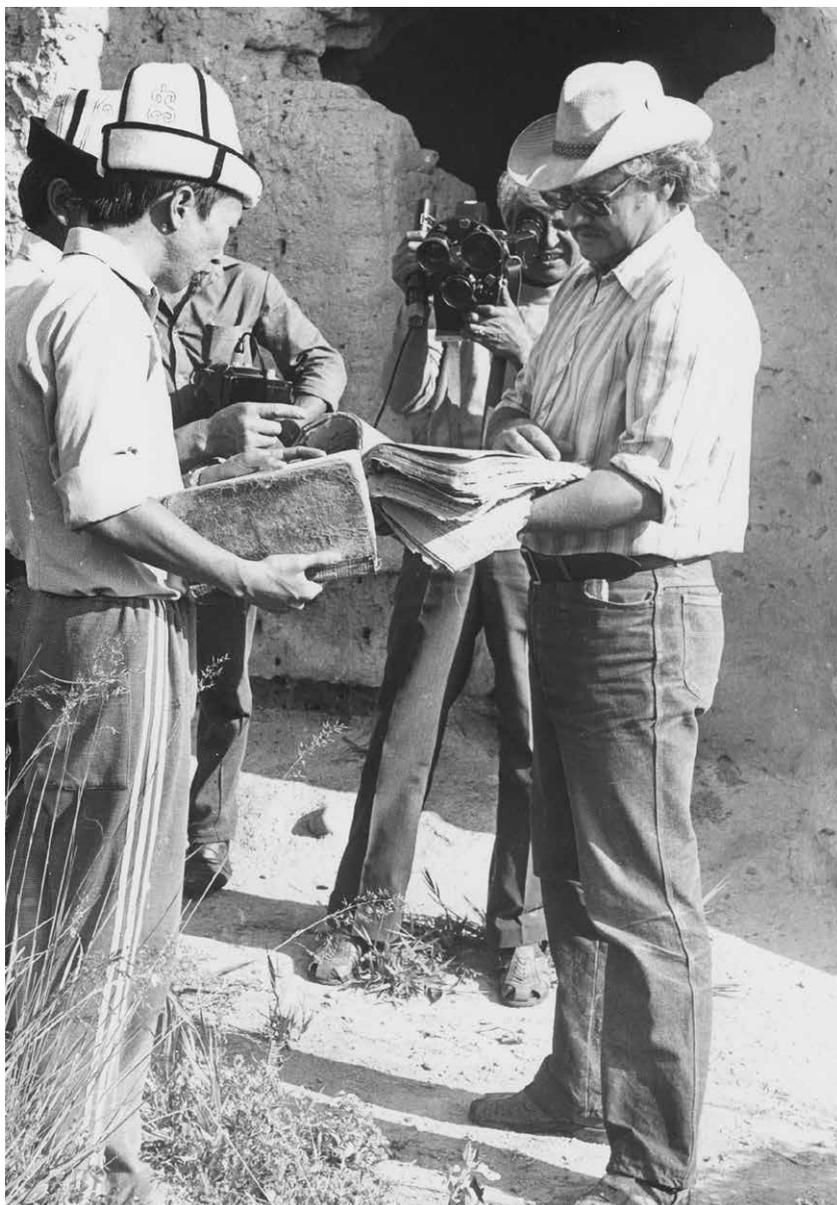
Находки монет при раскопках, как правило, помогают установить дату строительства различных памятников, а также время образования так называемых культурных слоев. Богатый материал в этом смысле можно найти в публикациях раскопщиков-археологов А. К. Абетекова, Г. А. Брыкиной, Ю. Д. Баруздина, Д. Ф. Винника, В. Д. Горячевой, Б. А. Дуйшеева, В. П. Мокрынина, М. Н. Москалева, И. Кожомбердиева, В. М. Плоских и других. Отдельным разделом в последнем издании первого тома «Истории Кыргызской ССР» выделена тема торговли, рынков и денежного

обращения в раннем средневековье, чего раньше не было. С изданием работ по караханидской нумизматике и монетам тюргешей В. Н. Настича, Б. Д. Кочнева, М. Н. Федорова появилось систематическое представление о местном чекане, начиная с древнетюркских каганатов до позднего караханидского. Используя труды Е. А. Давидович, можно проследить и развитие товарно-денежных отношений на территории Кыргызстана в средние века.

От раковины и меди — до серебра и золота

Древнейшим средством денежного обращения на территории нашего края принято считать, как и в других странах Востока, скот, орудия производства и труда. Археологическое изучение древнейших памятников Средней Азии, в том числе и Тянь-Шаня, показывает также, что в качестве денег ходили раковины каури — морского брюхоногого моллюска — своеобразной овальной формы, цвета белого фарфора, которые часто использовались как украшения. За свою форму их называли еще змеиной головкой, ужовкой. Эти раковины в изобилии встречаются в Индийском океане и южных морях, омывающих Китай. Именно там они появились впервые в качестве эквивалента денег. О значении каури как одной из домонетных форм денег красноречиво говорит иероглиф «бэй», принятый для их обозначения в Китае.

Из небольшого района Мальдивских и Лаккадивских островов каури распространилась в качестве денег чуть ли не на все северное полушарие Земли. Ее знали Индия и Цейлон, Сиама и Африка. Ее находят в далеких от родины развалинах, в славянских курганах, на берегах Балтийского моря, в древних могильниках Германии и Англии, Швеции и Франции. Тысячелетия неказистая раковина царствовала на рынках многих стран мира...

В. М. Плоских в археологической экспедиции

Рукописная книга

Фрагмент свитка «Санжыра» XIX в.
Иссык-кульская котловина

**Тюркешские монеты. Бронза. VIII–X вв.
Чуйская долина**

**Монеты – динары. Золото. XI–XII вв.
Чуйская долина**

**Монеты. Серебро. VIII–XII вв.
Иссык-кульская котловина**

**Монеты. Серебро. X–XIV вв.
Иссык-кульская котловина**

**Монеты. Серебро. X–XIV вв.
Иссык-кульская котловина**

**Коллекционные монеты.
Кыргызская Республика**

**Коллекционные монеты.
Кыргызская Республика**

**Коллекционные монеты.
Кыргызская Республика**

Уже во второй половине II тыс. до н. э. в Китае знали бронзу. Тогда и началась замена каменных, костяных и глиняных предметов, использовавшихся как мерило стоимости товаров на рынке, на монеты из более долговечного материала. Известны древнекитайские деньги в виде пластин, колокольчиков, лопат, мотыг, ножа.

На территории Кыргызстана, в районе станции Пишпек, в 1972 г случайно был найден клад китайских монет — ножей, которые в самом Китае ходили в VII—III вв. до н. э. К сожалению, все они разошлись по рукам, и лишь одна монета-нож попала в коллекционеру Г. И. Величко. Кольцевидное навершие и примыкающий к нему участок рукоятки потеряны, сохранились только часть рукоятки и клинок, лезвие которого слегка вогнуто внутрь. На одной из сторон клинка помещены три иероглифа — надпись, по мнению Б. Д. Кочнева, очень близка той, которая опубликована синологом М. В. Воробьевым, — «циска стандартная монета» (то есть, «стандартная монета государства Ци»). Такие монеты выпускались с начала V в. до н. э. и до 221 г. н. э., когда династия Цинь, объединив страну, реформировала денежную систему Китая.

Другой тип древней китайской монеты, впервые зафиксированный в качестве денег, известен под названием «у-шу» в Ферганской части Кыргызстана. Эти монеты находят археологи в погребениях вместе с китайскими тканями, зеркалами, бусами и стеклянными изделиями — предметами китайского импорта. Эти вещи попадали в города и селения Ферганы с Великого Шелкового пути, который, принято считать, стал действовать после известной в истории дипломатической миссии китайского посла в Западный край Чжан-Цаня во II в. до н. э.

Однако торговый путь существовал раньше. Об этом, в частности, свидетельствуют находки у-шу, которые выпускались в правление династии Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.). В настоящее время известно более 300 монет

¹⁸ Том V. В. М. Плоских

из курганных захоронений. Они найдены Г. А. Брыкиной в Северо-Западной Фергане, в Баткенском и Ляйлякском районах, в могильниках Ташрават и датированы 118 г. до н. э. и I в. н. э., II в. н. э. Как считают некоторые исследователи, у-шу попали в Фергану не ранее II в. и использовались только в качестве украшения. Однако это заключение представляется спорным.

Китайские монеты (как ранние, типа у-шу, так и более поздние) — это круг с квадратным отверстием посередине. Надписи указывают место их выпуска или вес (стоимость), а иногда и то, и другое. Они нанизывались на веревочку и подвешивались к поясу. У-шу довольно часто изображались на китайских миниатюрах или среднеазиатских живописных панно в раннесредневековых жилищах — тюрки в традиционных одеждах с поясами, к которым крепились разные предметы вооружения и обихода, в том числе и деньги. Заметим к слову, что в Тюркском каганате также ходила ханьская монета.

Наибольшее число находок китайских монет раннего типа было сделано в Западной Фергане. И это не удивительно, так как торговая трасса пролегла через Памир, Алай и Западную Фергану, через перевалы: Терек-Даван с выходом на Гульчу и Ош, Тенгиз-бай с выходом на Исфарамсай и Караз-Казык с выходом на Шахимардан-сай. Исторически — это северный путь, описанный китайским дипломатом Чжан Цанем: через Цунлин (Памир) в царство Давань (Фергана), затем — в царства Кангюй (нижняя и средняя Сыр-Дарья) и Яньцай (Приаралье и нижняя Волга, племена сарматов и аланов). Через Давань путь вел в Аньси (Парфянское царство) и далее — на запад. Дипломат отмечал, что в Фергане — Давани было свыше 70 больших и малых городов с населением в несколько сот тысяч человек. «В Давани делают вино из винограда. Богатые хранят его до 100 дан. жители любят вино, как их лошади любят траву мусу. Посланники вывезли семена,

и Сын Неба приказал и мусу, и виноград посадить в тучных землях... Давань, Дахя и Аньси суть большие государства, в которых много редких вещей! О занятиях населения Чжань Цань писал: «Даваньцы искусны в торговле и наперекор состязаются за выгоду...» И отмечал, что Фергана «...не знает шелка и не умеет отливать монету. Получая из Китая золото и серебро, даваньцы употребляли его на изделия, а не на монеты».

Налаженные торговые связи Востока с Западом пролегли через Фергану и Тянь-Шань, поэтому совсем не случайны находки монет по различным ответвлениям Шелкового пути. Помимо китайских (наиболее ранних и наиболее распространенных), попадались и деньги западного происхождения, о которых писал в свое время М. Е. Массон. В частности, он упоминает об аршакидских и римских серебряных динариях и драхмах I—II вв., которые служили валютой при международной торговле. Торговля между Китаем и Римом, Византией и Парфией не оставила в стороне те страны, по которым пролегла межконтинентальная трасса. Однако эти деньги не привились в сако-усуньской среде, не знавшей такой государственности и такой централизованной власти, как в Риме, Парфии, Греко-Бактрии или Китае. Лишь с образованием древнетюркской государственности на Тянь-Шане появляется собственная денежная единица.

На берегах Иссык-Куля, в районе Каракола, еще в до-революционное время была найдена драхма Митридата IV (129—147 гг. н. э.). Как и на всех парфянских монетах, на лицевой ее стороне изображен бородатый царь, а на оборотной — царь Аршак, основатель Парфянской державы, с луком в руках. В Оше была найдена медная монета парфянского царя Митридата III (57—55 гг. до н. э.), которая хранится в коллекции А. М. Камышева. Это мелкая разменная медная монета предназначалась в основном для обращения на внутреннем рынке, но пользовалась спросом

и на международном. На медном кружке с одной стороны изображен царь, с другой — слон.

На побережье Иссык-Куля в разное время были найдены римские динарии императоров Веспасиана (69—79 гг. н. э.) и Адриана (118—138 гг.), а также монета, выпущенная в египетской Александрии, которая являлась портом и какое-то время форпостом Кушанского царства во времена правления Диоклетиана (284—305 гг.). На этой территории они, по всей вероятности, оказались в связи с активизацией торговли и дипломатических отношений Кушанского царства с усуньским племенным союзом. Границы этого могущественного государства достигали и пределов Тянь-Шаня, а часть Ферганы даже входила в его состав. Найденная А. К. Абетековым при раскопках курганов ранних кочевников в местности Джалбак-Дебе (1968 г.) стеклянная чаша римского производства позволяет предположить, что межгосударственные связи сохранялись до III—IV вв.

Находились в Кыргызстане и монеты собственно кушанского чекана, а также изделия ремесленников и мастеров кушанской Бактрии. Это царство существовало в пределах Средней Азии, Афганистана, Пакистана, Северной Индии и части Восточного Туркестана с тех пор, когда на землю древних бактрийцев пришли кочевники и во II в. до н. э. основали новое государственное объединение. Расцвет царства приходится на I—III вв. н. э. — время, названное историками эпохой Великих кушан. Тогда под влиянием прославленной школы мастеров Гандхары в Средней Азии широко распространяется буддизм и изделия буддийского искусства. Именно с этим и связаны отдельные находки предметов кушано-буддийской культуры на территории Кыргызстана.

За последние двадцать лет в среднеазиатской нумизматике сформировалось целое направление — кушанское, охватывающее домусульманские деньги Бактрии и Согда. В Таджикистане кушанскими монетами успешно

занимаются Е. В. Зеймаль и Е. А. Давидович, в Узбекистане — Г. А. Пугаченкова, Э. В. Ртвеладзе, Ш. Р. Пидаев и другие выпускники ТашГУ, специализирующиеся на археологии. Находки, представляющие произведения искусства древних торреэтов, классифицированы по группам, изучены их иконография и палеография.

У бишкекских коллекционеров хранятся кушанские монеты: серебряная тетрадрахма владетеля Санаб «Герая», медная монета «Сотер Мегас», золотая монета царя Хувишки. Каждая из находок — это довольно хорошо изученный ранее и распространенный тип монет, хотя до настоящего времени не выяснена личность царя Герая, принадлежащего, по всей вероятности, к иерархии кушанских царей, основателем которой был Куджула Кадфиз.

Эти деньги отличает трех- или четырехзубая вилкообразная тамга с меняющейся нижней частью рисунка. На лицевой стороне монеты — погрудное изображение правителя в диадеме, повязке на лбу поверх волос. На обороте изображен всадник, за ним — парящая богиня Ника с венком. Сверху и снизу над изображением текст: «Правящего Герая (Санаба) Кушана». Помимо тетрадрахмы кушаны выпускали серебряные оболы, медные или золотые динары (не путать с римскими денарами — денариями).

На медном оболе «Сотер мегас» изображен правитель с волосами, подвязанными диадемой. В правой приподнятой руке его — скипетр, вокруг головы сияет нимб, а за ним — тамга, символ власти из трех зубьев и круглой «рукояткой». На оборотной стороне тот же правитель сидит на коне в коническом головном уборе. Надпись гласит: «Царь Царей Великий Спаситель». Кто он такой, мы пока не знаем.

Монета Хувишки найдена в Дараут-Кургане на Алае. Она была лишь покрыта золотом, что, вероятно, дало основание нумизматам причислить ее к фальшивым. Однако она, как и все другие подделки, имеет свою историческую

ценность, потому что дает представление о наиболее платежеспособных денежных знаках своего времени. По типу эти золотые подделки-подражания соответствуют иконографии медных монет Хувишки, где изображены царь, сидящий со скрещенными ногами, царь на тахте и царь на слоне, а на обороте — божество во весь рост — Мах, Михр или что-то близкое к античным изображениям.

Попадались на территории Кыргызстана и древние согдийские монеты. Согд, или Согдиана, лежала к северу от Бактрии — Тохаристана, как с V—VI вв. стала именоваться область Кушанской Бактрии. Она включала центральный, или Самаркандский Согд, Бухарский Согд, Южный Согд (долина Кашка-Дарьи) и согдийские колонии на периферии своих княжеств, куда до образования тюркских каганатов входила часть Северного Притяньшанья (Чу-Таласское междуречье).

Древние согдийские мастера не чурались подражать своим предшественникам, которые изготавливали монеты, ранее ходившие на территории Согда, в соседних странах, следовательно, имеющие спрос на международном рынке. Эти подражания тетрадрахмам селевкидского царя Антиоха или грекобактрийского царя Евтидема имели широкое хождение в мире. Попали они и на Тянь-Шань. Сейчас их именуют «варварскими подражаниями», поскольку они в какой-то мере соответствовали оригиналу, но выполнялись на более низком техническом и художественном уровне. Ходили эти монеты со II в. до н. э. до II в. н. э., а теперь хранятся в коллекции нумизмата Г. П. Величко.

Раннесредневековые монеты Согда имели широкое хождение на территории Ферганы, куда согдийцы переселились раньше, чем в Северную часть территории нынешнего Кыргызстана. Издревле соседи торговали друг с другом и, поскольку Фергана не чеканила своей монеты и предпочитала натуральный обмен, в торговых центрах по трассам Великого Шелкового пути, наряду с китайской, широко

использовалась согдийская монета. Ходили денежные знаки и других государств. В первую очередь, это высокопробные серебряные драхмы Сасанидского Ирана, возникшего на месте Парфии и части Кушанской Бактрии (224–651 гг. н. э.). Каждый новый властитель чеканил свои монеты, строил храм огня и менял тамгу. История подтверждает, что обслуживали правителей Ирана 120 монетных дворов, которые обеспечивали серебряной драхмой весь Средний и Ближний Восток. Особенно оживленной и прибыльной была торговля шелком не только из Китая, Кашгара, но и из Согда – в Византию, которая расплачивалась золотыми солидами, найденными на юге и севере Кыргызстана.

Сасанидские монеты Хормизда II (302–309 гг.) найдены учителем из с. Кировское М. Ф. Тур. Драхма Хормизда IV (579–590 гг.), хранящаяся в коллекции Г.П. Величко, обнаружена в Джалал-Абаде. В 1933 г. геолог И. Анбоев на побережье Иссык-Куля подобрал золотой солид Ираклия – правителя Византии (610–641 гг.), а А. Н. Бернштам при строительстве БЧК на Сокулукском городище увидел два брактеата, которые были подражаниями византийским монетам. М. Е. Массон сообщает, что русское население Семиречья хорошо знало «медальоны-иконки», за которые они принимали византийские монеты. В связи с этим ученый делает вывод о довольно регулярных культурных и экономических связях Средней Азии, в частности, тюркских каганатов с другими государствами.

Тюрки, установив политическое господство, с VI в. до начала VII в. пользовались денежными знаками, уже имевшими хождение на трассах Великого Шелкового пути, но на монетах все чаще стала появляться печать-тамга тюркских правителей. Вначале на новых деньгах повторялись античные сюжеты парфянских и византийских монет, затем стали меняться их облик и форма, и с VII в. за образец согдийцы и тюрки взяли бронзовую китайскую монету с квадратным отверстием.

В состав Западного тюркского каганата, столица которого находилась на месте развалин Ак-Бешима, входил и Ташкентский оазис (историческая область Чач-Таш). Когда же в 586—588 гг. Первый Тюркский каганат разделился на Восточный и Западный, на местных рынках обращались медные посеребренные монеты так называемого бухархудатского типа. Это были деньги, изготовленные поначалу в Бухаре, а затем — в Самарканде и Чаче с погрудным изображением царя в ступенчатой короне и согдийской надписью «Бухар худат» («Господин Бухары»). На обороте по типу Сасанидских монет изображены жертвенник и два стража. Такая монета найдена В. П. Мокрыниным при раскопках Беловодского некрополя в 1987 г.

Типы чачских и согдийских монет были разные: например, с изображением неоседланного коня и тамгой, льва и тамгой или фантастического животного. К примеру, на Ак-Бешиме С. О. Шнайдером поднята именно такая, отлитая в Чаче, монета с вилкообразной тамгой. При раскопках усадьбы Кайрагач Г. А. Брыкина находила единичные монеты чачского чекана.

Однако все это — очень редкие находки. До настоящего времени еще нет полного представления о развитии товарно-денежных отношений в Западно-тюркском каганате. Исторические источники, в том числе и монеты, дают скудные сведения о развитии торговли, товарообмена и характере денежных отношений, а находки монет не обобщены. Сказывается географическая разобщенность отдельных областей республики и исторических областей средневековья. Ферганская долина в культурно-историческом плане чаще была связана с оседлыми культурами древности, экономически — с остальной частью земледельческой Средней Азии, и товарно-денежные отношения здесь складывались в рамках древних оседло-хозяйственных традиций. В северной части Кыргызстана (Семиречье, или Притяньшанье)

эти традиции прослеживаются гораздо слабее и в целом складываются позднее, с преобладанием транзитных форм торговли и обмена. В таких горных районах, как Прииссыкулье, Талас и Центральный Тянь-Шань, они четко не прослеживаются вплоть до позднего феодализма.

Развитие товарно-денежных отношений связывается в Семиречье с формированием торговых факторий и караван-сараяв на трассе Шелкового пути, выросших позже в города со своим денежным хозяйством, основу которого заложили колонисты — согдийцы, чачцы и тохаристанцы. Материальная культура, градостроительство и архитектура в VII—VIII вв. имели четко выраженный согдийско-тохаристанский характер и лишь со временем, в процессе тюркизации населения, города приобретают специфический тюрко-согдийский облик.

Почти по такой же схеме развивались финансовые дела. На территории Кыргызстана ходили согдийские монеты в форме китайских монет с согдийской надписью-легендой и тюркской тамгой. Их так и именуют в нумизматике — «тюрко-согдийские».

Затем тюркешские правители стали выпускать собственные деньги (711—766 гг.). Вначале это были литые бронзовые кружки по типу согдийских, но крупнее размером, а согдийская надпись содержала не имя согдийского царя, а титул тюркеш-кагана.

Часто эти монеты находят на городищах Северной Киргизии, гораздо реже — в Фергане, еще реже — за пределами собственно нынешнего Кыргызстана, что свидетельствует о внутрирыночном и внешнем обращении этих монет.

Коллекция найденных тюркешских монет, содержащая несколько типов и классифицированная еще А. Н. Бернштамом, существенно дополнена в результате последующих археологических исследований в основном за счет раскопок городищ Ак-Бешим (столица каганатов — Суяб)

и Краснореченского городища (город согдийцев в Семиречье, одна из временных столиц каганов — Навекат), а также Тараза (ныне г. Джамбул).

А. Н. Бернштам отнес эти монеты к шести типам по характеру текстов на них, которые он не сумел правильно прочитать. Согдиологи дали свою классификацию. На лицевой стороне этих монет, выпускаемых от лица кагана, тюргеши ставили свою тамгу, а на оборотной выбивалась одна и та же надпись: «Тюркского небесного хакана деньга» (по версии О. И. Смирновой), или «Господин (Божественный) тюргеш-каган. Деньга» (по предложению В. А. Лифшица). Это литая бронзовая монета с квадратным отверстием, диаметр ее 24–25 мм, вес — около или немногим более 5 граммов. Есть деньги тюргешей среднего и малого размеров. Среди них выделяется большая группа так называемых тухуских, или тухумских. О. И. Смирнова считает, что эти монеты изготовляли турки племени тухси, проживавшие в округе Суяба. На лицевой стороне копировалась надпись с монет своего сюзерена — тюргешского хакана, а на оборотной выбивались свой титул и свой знак, вероятно, как и тюргеши, ставили свою тамгу. Тюргешская же тамга, предполагает ученая, это стилизованный вариант буквы «ат» рунического алфавита. Другой тип тюргешских монет, который встречается в Таласской долине, несет дополнительный элемент — знак в виде рунической буквы «ръ» и китайского иероглифа «юань» или трехбуквенной согдийской надписи. Одна из таких монет, найденная на Краснореченском городище, имеет иную круговую надпись, чем тюргешская — «Арслан-Куль иркин», а на обороте — две тамги (одна из них и повторяет знак «ръ»). На другой монете выбита надпись с именем «Арслан-Бильге хакан». Это имена представителей правящей карлукской династии (766–940 гг.), сменившей тюргешей.

Монеты тюргешей, а, возможно, и карлуков, ходили на рынках Притяньшанья, Ферганы и за пределами

нынешнего Кыргызстана — в Пенджикенте, Самарканде и Ташкенте — вплоть до XI в. и имели равную стоимость с караханидскими. Ферганские правители, по-видимому, выпускали свою монету по типу тюргешской, но с другой тамгой и надписью из одного слова «хакан» в левой части монеты. О. И. Смирнова полагает, что ее выпускали представители одного рода.

Итак, в VII–VIII вв. форма бронзовой китайской монеты была прочно освоена не только иранским (согдийским) населением Средней Азии, но и тюрками под непосредственным влиянием согдийцев. Она называлась «фень». Это слово встречается в надписях на монетах самих тюргешей, в письменных источниках и в документах мугского архива, найденного в окрестностях Пенджикента (Таджикистан, начало VIII в.). По китайскому (а вернее, уже — по тюргешскому) образцу чеканили или отливали монету и первые представители Караханидов, династия которых правила в Семиречье и Восточном Туркестане, Мавераннахре с 940 по 1210 гг. Тюргешские и тухусские монеты отливались в глиняных или алебастровых формах и без дальнейшей обработки пускались в обращение.

Караханиды же свои медные монеты (нач. XI в. — конец X в.) чеканили, но сами кружки отливали в формах. На лицевой стороне была та же тамга, кружок с ободком, на обороте шел текст, но выполненный не согдийским, а кувфическим почерком. Надписи располагались по четырем сторонам, по типу китайских иероглифов, и при нечетком изображении или плохой сохранности монеты могли восприниматься именно в качестве китайских иероглифов. Монета, обнаруженная Т. Н. Сениговой на городище Джикиль (Чигиль) в Таласской долине, не имеет даты, так как оборотная сторона монеты (а возможно, наоборот, лицевая) не воспроизведена. Подобные монеты были найдены В. Д. Горячевой при раскопках дворцового сооружения на Буране и на Краснореченском городище.

Во всяком случае, как и монеты карлукские (их В. Н. Настич назвал «арсланидскими»), так и первые караханидские, по типу тюргешских, вновь выявленные за последние десять лет типы монет, связаны с местным чеканом. Монеты выпускались в столичном Суябе (тюргешская), в Навекате (более всего здесь находят монеты тухусов, уже выявлено четыре типа этих монет). Четко выделяется монетный двор ферганских тюрков, место которого пока неизвестно, а также, по-видимому, Тараза (столица таласских тюрков). Возможно, что первая караханидская монета, под которой мы подразумевали описанные выше экземпляры с куфической надписью и тюркской тамгой, выпускалась уже в новой столице каганата — Баласагуне или Куз-Орду, отождествляемой с городищем Бурана. Это был уже исламизированный город, отстраивавшийся первыми представителями Караханидской династии со второй половины X в. во вкусах новой идеологии — ислама и новых культурных ориентаций — на халифат. Вместо согдийской письменности вводится арабская, причем наиболее ранний из почерков, широко распространяемый именно в X—XI вв., — это куфи.

Монеты Караханидов — отдельное, большое и сложное направление восточной нумизматики, история создания которого отражена во введении предлагаемого очерка. Прежде чем перейти к характеристике монет и товарно-денежных отношений в средневековом Кыргызстане, опишем несколько типов китайских монет, ходивших на рынках согдийских колоний в древне-тюркских каганатах. Надо заметить, что об этой категории бесценных памятников материальной культуры долгое время предпочитали не говорить, ввиду сложных отношений с Китаем в 70—80 гг. нашего столетия. По этой же причине с оглядкой вводились в научный оборот сведения китайских источников. Поэтому монетные находки китайского происхождения оставались недоступными для большинства исследователей. Однако

в государственных хранилищах и у коллекционеров накопилось очень много монет. Последнюю сводку о них по собраниям В. Д. Горячевой дал В. Н. Настич в публикации о монетах с Красной Речки.

Находка 1979 г. — династии Тан (618—907 гг.) выпущена при императоре Суцзуне с объявленной стоимостью 10 цяней. Надпись (читается крестом) «Цяньюань чжунбао» — «Тяжелая монета — периода Цяньюань» (т. е. выпуск 758—760 гг.). Находка 1981 г. — такая же монета, но меньшего веса и размера. Находка 1981 г. — монета династии Тан с надписью «Кайюань тунбао» — «Ходячая монета начала правления» отливалась с 621 года до середины X в. На обороте монеты иероглиф ЭР — «два». Отверстие в ней рассверлено до круглого. Вторая монета — находка этого года — с таким же девизом.

Находки 1982 года — такие же монеты с девизом «Кайюань тунбао», обломки монет, — всего 8 экз., однако три из них — другого типа: тип «Кай (юань тун) бао», тип (неизвестной династии) «Нань-го тунбао» — «Имеющая хождение монета Южного государства». Монеты с подобным текстом имеются в китайских нумизматических каталогах, но без указания места и времени выпуска. Как пишет В. Н. Настич, они могли выпускаться в эпоху Пяти династий (Тан-го тунбао) и Южного царства Тан (Нань Тан), которое существовало в 936—961 гг.

Тип третий (находки 1983 г. и 1988 г.). Надпись ромбом — «Дали юаньбао» — «Основная монета /эры/ Дали» (766—779 гг.). Такая же монета была найдена в стратиграфическом шурфе нижних слоев раннесредневекового замка на дворцовом комплексе Краснореченского городища. И, наконец, из находок Г. И. Величко — китайская монета династии Сун в правление императора Тай-цзу (960—976 гг.) с девизом «Сунюань тунбао» — «Ходячая монета начала Сун».

Подводя итог, скажем, что находки монет на территории Кыргызстана, относящиеся к раннему средневековью,

не дают основания, как и письменные известия о товарно-денежных отношениях, делать далеко идущие выводы. И все же новые монетные находки из раскопок в какой-то мере расширяют наши представления о денежном обращении в каганатах, поэтому берем на себя смелость сделать некоторые обобщения.

Если в древности регулярные торговые связи с ближними и дальними странами осуществляли преимущественно оседлые ферганцы из Давани и Уструшаны (Баткенский и Ляйлякский районы современной Ошской области входили в состав этого государства), то в раннее средневековье в международную торговлю включается уже северная трасса Великого Шелкового пути. Данные следовавшего в 629 г. в Индию, к буддийским святыням, Сюань Цзана о Суябе как о городе, где встречаются купцы четырех сторон горизонта, где смешанно живут земледельцы и торговцы, «те, кто возделывают поля, и те, кто извлекают выгоду», если и не подтверждаются обилием монет того времени (в частности, согдийских), то могут объясняться, может быть, преобладанием натурального обмена между скотоводами, земледельцами и ремесленниками. Римскими и византийскими монетами расплачивались при торговых операциях между иноземными купцами в факториях и городах Семиречья, но на внутреннем рынке, конечно же, преобладал товарообмен.

С установлением государственности, которое совпало с началом феодальных отношений на Тянь-Шане, появляется необходимость в выпуске собственных денег. Нельзя твердо сказать, что поначалу денежное обращение основывалось на монетах завоеванных государств, так как их находки даже в столичном Суябе и крупном торгово-экономическом центре Навекате редки. Если в западных районах Кыргызстана появились подражания монетам, особенно со времени завоевания Согда и Тохаристана арабами в начале VII в.,

то арабо-византийские, арабо-сасанидские или арабо-согдийские монеты в Притяньшанье вообще не встречались.

Вероятнее всего, наибольшим спросом длительное время пользовалась китайская монета, поскольку основным поставщиком шелка, стекла, бумаги, лаков и прочей продукции был Китай.

С середины VIII в. основу денежного хозяйства каганатов составляли тюргешские и тухусские монеты, выпускаемые от имени верховного правителя и удельного князя. Надо сказать, что в это время сменилась ситуация и в международной торговле Запад-Восток: контроль над трансконтинентальной дорогой с VII в. установили тюрки. Тюргешская монета выходит на общий рынок, среднеазиатский шелк существенно потеснил китайские шелка, изделия из металла и художественные ремесла. Из китайских письменных источников известно 17 видов шелковых и шерстяных тканей, с VII в. импортируемых Китаем из западных стран, в основном из Согда.

К VIII–IX вв. города Притяньшанья и Ферганы стали крупными торговыми, ремесленными и административными центрами Средней Азии, несмотря на рассредоточенность усадебной застройки и включения посевных площадей в городскую черту. В них осуществлялся не только внутригородской товарообмен, но и торговля между странами, между городом и степью, между городом и сельской округой. Тюрки не только контролировали торговый путь, но охотно заключали сделки с государствами и городами. Так, Истеми-каган (567 г.) приезжал в Иран специально для налаживания торговли, но успеха не имел. Второе посольство направилось в Византию, и торгово-политический союз был заключен. Из Византии и с Ближнего Востока в Китай по трассам, проходящим через земли каганатов, вывозили краску для бровей, вавилонские ковры, драгоценности, стекло и ткани.

Согдийцы продавали серебряные вещи, цветное стекло, лекарственные и красящие вещества, ковры и кошмы. Предполагают, что часть изделий изготавливали христианские общины Семиречья по византийским и сирийским образцам более раннего времени (VI—VIII вв.). «Городами купцов» или «местом встречи купцов» называют письменные источники Суяб и Тараз, через которые шли торговые трассы, по Сюань Цзаню, на «все стороны горизонта». Действительно, уже в VII в. функционировали не только трансконтинентальные магистрали Великого Шелкового пути, но и целая сеть меридиональных ответвлений в отдельные места Южной Сибири, Дальнего Востока, в горный Тянь-Шань, Чаткал, Кетмень-Тюбе, а также во все уголки Ферганской долины. Известно, что купцы Тараза имели свою колонию в Исфагане, целые колонии иностранных перекупщиков серебра находились в Шельджи, Текабкете, Куль, Атлах в Таласской долине.

Письменные источники донесли до наших дней сведения о покупательной способности денег в раннем средневековье. Хотя конкретных сведений о Семиречье нет, но, судя по документам знаменитого Мугского архива, товарно-денежные отношения мало чем отличались друг от друга, например, в Навекате в Семиречье и Пенджикенте или Самарканде в центральном Согде. Взглянем хотя бы на один так называемый брачный контракт между тюрком Ут-Тегиним и согдийкой Дугдгончой родом из Навеката. Документ составлен в храме Самаркандского правителя 25 марта 711 г. н. э., то есть, относится ко времени правления тюркешского кагана Сакал-кагана (706—711 гг.). Одним из условий контракта была выплата серебра, весом в динар, в качестве возмещения за понесенные убытки. В хозяйственных документах мы также находим некоторые цены на скот, товары и услуги. Например, корова, откормленная на убой, стоила 11 драхм, пара волов — 12 драхм, кафши (род обуви) — 1—2 драхмы, платье — 15 драхм. Боевой конь оценивался

в 200 драхм, хум на 200–250 литров — 2 драхмы. Молодого и сильного раба продавали за 200 драхм, золото весом в один мискаль (т. е. 4,46 г) — за 20 драхм.

Вес драхмы колебался, поэтому при купле-продаже (как в случае с брачным контрактом в Самарканде-Навекате) оговаривался вес драхм по отношению к золоту. Отрез шелка, приобретенный для того, чтобы сшить одежду, стоил на базаре 20–25 драхм, но иногда сам шелк выполнял функцию денег. Так, воинам-тюрькам, нанимаемым в гвардию каганов, платили шелком — в месяц один отрез.

Арабское завоевание Средней Азии не прошло бесследно для культуры и истории народов этого региона. Напрямую коснулось оно и денежного обращения, поскольку со времени Кутейбы ибн Муслима — первого наместника Арабского Халифата — стала вводиться новая монета, основанная на иной, чем в древности, системе.

Изобразительная сторона монетной системы Халифата основывалась на законах шариата, который настрого запрещал изображать живые существа. Разрешалось выбивать на монетах только символы ислама и верховной власти. Важное значение в истории денег имела реформа, проведенная халифом Абд ал-Маликом в 90-х годах VII в. Именно тогда был узаконен единый общехалифатский тип монеты на огромном пространстве от Испании до Индии и Средней Азии.

Кыргызстан в то время еще не входил в состав Халифата, но в его городах и селениях нередко встречаются монеты общехалифатского типа различных династий и государств Средней и Передней Азии. Денежная система халифата состояла из золотых динаров, серебряных дирхемов и медных фельсов. Канонический, узаконенный шариатом вес динара равнялся 4,235 г, дирхема — 2,9645 г. Вес фельсов колебался в пределах 2–3 граммов. До начала XI в. обычным было соотношение 1 динара к 15 драхам.

¹⁹ Том V. В. М. Плоских

Самыми ранними монетами общехалифатского типа в Средней Азии были медные фельсы, позже появилось золото. Причем, в Средней части Кыргызии очень редко можно обнаружить эти ранние мусульманские монеты, в южной же части — довольно часто, и это свидетельство того, что города Ферганы входили в среднеазиатский рынок. Самые ранние монеты местных среднеазиатских династий Мавераннахра — это монеты тахиридские (822—873 гг.). В 1982 г. золотой динар нашли в Краснореченском городище, на шахристане, среди городской застройки. Мелкие и сильно искаженные арабские надписи на нем с трудом поддаются чтению. По мнению В. Н. Настича, она принадлежит чекану Абдаллаха б. Тахира (213 / 828—230 / 845 гг.).

Эта находка, однако, подтверждает, что золото на рынке принималось на вес, а сама по себе монета на семиреченском рынке ценности не представляла. Позже, для саманидского времени (873—999 гг.), вес золотых динаров был разным, значит, их принимали на вес, а не поштучно. Иначе при расчете получась бы большая разница между стоимостью монет и купленного товара или расчета с работниками. В повседневной торговле динары не использовались, потому что покупательная способность этих денег была очень велика. Они употреблялись только при крупных сделках и в международной торговле. Тогда динары шли на вес как товар.

Где чеканили монеты?

В IX—X вв. ферганская часть Кыргызстана частично входила в состав Саманидского государства. До недавнего времени считалось, что здесь не ходили монеты местного саманидского чекана, однако в 80-х гг. Б. Д. Кочневу удалось обнаружить в г. Узгенде несколько монет, относящихся к чекану Саманидов. Один из ранних фельсов, датированный

312 г. хиджры (924—925 гг.), очень хорошо отштампован, с надписями, обычными для мусульманских монет: религиозная формула (калима), имя и титул правящего государя, упомянут также его наместник, указано время и место чеканки. Фельс бит от имени Насра ибн Ахмеда, имя наместника — Малик, который владел Ахсикетом, столичным городом Ферганы того времени. Другие находки из Оша и Узгена датированы концом правления Саманидов и началом эры правления Караханидов. Основной же чекан этих монет производился в Ахсикете, а также в Маргинане и в самом начале XI в. — в Оше. На основе данных этих ферганских монет Е. А. Давидович исследовала такую сложную проблему, как феодальные пожалования за службу в X веке, принятые позже караханидами.

История возвышения Караханидов, начавшаяся в 940 г. с захвата власти у карлуков, завершилась взятием саманидской столицы Бухары в 999 г. Таким образом, границы каганата расширились почти на весь Мавераннахр (согласно арабским источникам, междуречье Сыр-и Аму-Дарьи) и Восточный Туркестан (Кашгария). Включение Северного Притяньшанья и Ферганы в более развитые экономические регионы дало толчок быстрому развитию производства и товарно-денежных отношений. Караханиды переняли у Саманидов не только методы управления, но и монетную систему. Через пять лет общехалифатскую монету, по образцу саманидской, стали чеканить и в городах Восточного Туркестана — Кашгаре и Яркенде.

Самый первый, еще при Саманидах, монетный двор на территории Кыргызстана находился в Узгенде. Работал он с начала XI в., а вот в столичном Баласагуне первые монеты появились в 1003 г., на которых проставлялись места чекана в форме Куз-Орду (Баласагун). Под этим названием монета известна во всех каталогах, между тем недавно найдены и такие, на которых в качестве столицы называется Баласагун.

В Оше монетный двор действовал с 1002 г. В Таласской долине стали чеканить в Шельджи (Кировское городище). В Прииссыккулье, в Барсхане, свои деньги появились в 1026—1027 гг. Всего в Караханидском каганате существовало более 50 монетных дворов, большинство из которых, естественно, располагалось в бывших мастерских, существовавших при Саманидах. Товарный обмен вытесняется с внутреннего рынка, а караханидская монета получает статус международной, правда, не во все времена и не при всех правителях. Современные исследователи заметили и такую технологическую особенность этих денег: будучи в своей массе чеканенными, медные и медно-свинцовые кружки отливались в формах предшествующего тюркешско-арсланидского времени. Этот факт, как и хождение тюркешских и тухусских монет вплоть до середины XI в., указывает на преемственность ремесленного опыта и приемов металлообработки городами Притяньшанья в VIII—XI вв. В других местах каганата с самого начала чеканка монет шла по типу общехалифатской, как, например, в Испиджабе, находившемся около современного Чимкента, хотя и пограничного с городами Тараз и Шельджи Таласской долины, где сохранились тюркешские традиции. Продолжали работать монетные дворы Бухары, Самарканда, Ахсикета, Кувы, Маргинана, Ходжента, Шаша, Тункета, Тараза и других удельных владетелей.

На территории Кыргызстана найдено свыше 13 тысяч караханидских монет, начало публикациям о которых положено Е. А. Давидович по кладам Ак-Бешима. Затем было сообщено о кладах из Беловодска общим числом 5290 караханидских монет; с городища Шиш-Тюбе — 4859 монет. Еще не разобранный клад в 974 монеты находится в Ошском музее; исследуются клады Джамбулского историко-краеведческого музея. Находки в три—пять и до десятка монет — явление частое при раскопках городищ. Такой кладик монет начала XI в. найден Д. Ф. Винником

и В. Д. Горячевой в фундаменте цокольной части Буранинского минарета, что дало еще одно дополнительное основание считать его памятником второй половины X в. Но это — клады посеребренных дирхемов и медных фельсов. Совсем другой интерес представляют клады золотых монет; речь о них — ниже.

География находок караханидских монет очень обширна. Один монетный двор обслуживал, как правило, свой удел, но его деньги не имели четких границ. Даже сейчас монеты чекана Куз-Орду можно встретить далеко за пределами Семиречья, например, в Шаше и Той-Тюбе Ташкентского оазиса, в Ходженте и ряде других мест. Так же как на территории Кыргызстана ходили монеты Самарканда, Шаши, Отрара, Тараза, Бухары, Яркенда, Кашгара, а в ферганских городах — Маргинана, Касана, Узгенда, Ахсикета, Ходжента, Оша.

Найденные 48 монет, выпущенные в Куз-Орду — это посеребренные дирхемы с 394 / 1003—04 гг. до 460 / 1 067—68 гг. (сюда не включены находки последних пяти лет). Так вот, до 406/1016 г. монеты несут имя Ахмада б. Али — правителя, который все это время верховодил каганом. (Вернее, с 382 / 992 г., когда он после смерти Богра-Хана Харруна стал преемником Баласагуна и титула верховного правителя). На лицевой стороне монет приводится символ веры (калима), который встречается в трех вариантах: «Нет бога, кроме (Аллаха единого) нет ему сотоварища» «Нет бога, кроме Аллаха (единого) нет сотоварища ему» или «Нет бога, кроме (Аллаха), Мухаммад — посланник Аллаха».

В выпускных сведениях вводная формула имеет две разновидности: «Во имя Аллаха бит этот дирхем...» и «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного, бит этот дирхем...» Далее стоит наименование монетного двора — Куз-Орду (в одном случае — Баласагун) и дата выпуска. На обороте монеты в круговой надписи-легенде часто

помещается 33-й стих IX суры Корана, причем в двух вариантах: в полном — «Мухаммад — посланник Аллаха, пославшего его с прямым путем и религией истины, чтобы проявить ее выше всякой религии, хотя бы и ненавидели это многобожники», и в сокращенном — без первых трех слов. Сохранность монет разная, поэтому не всегда можно с уверенностью определить полный текст ее легенды.

После смерти Ахмада б. Али престол в Баласагуне занял представитель другого рода — Тоган-хан Мухаммед блал-Хасан (иногда его именуют Тонга-ханом). Этому правителя в междоусобной войне сменил его брат Кадыр-хан Иусуф до 417 (1026–1027 гг.), затем власть перешла к его сыну Арслан-хану Сулайману, который был взят в плен братом Мухаммедом. Последнего убила жена и посадила на престол своего сына Ибрагима (монета 448 / 1056–57 гг.). Характерно, что прозвища этих правителей имеют различия, содержат арабские и тюркские имена и титулы. Последняя известная монета Баласагуна — дирхем 460 / 1067–68 г. Видимо, к этому времени чеканка денег в столице Восточно-караханидского каганата, который в 1041–1042 гг. разделился на Западный и Восточный, вообще прекратилась.

Баласагун оставался столицей каганата, и прекращение чеканки монет исследователи связывают с общим кризисом монетного дела, так называемого «серебряного кризиса», и перенасыщением рынка медно-свинцовыми дирхемами. Кризис был связан с тем, что в VIII–IX вв. из Средней Азии уходило серебро именно в серебряных дирхемах. С X в. добыча серебра, в том числе и в горах Таласа, начинает сокращаться из-за истощения рудников и экологических преобразований, уничтоживших леса, которые вместо угля применялись при плавке серебра. Уже в начале XI в. стал ощущаться недостаток серебра, что вызвало «порчу» монет. Так, по данным Е. А. Давидович, в 1010 г. в караханидских монетах было 88 процентов серебра, в 1015 г. —

уже 60, а в 1030 г. — 30 процентов. С середины XI в. и до начала XII в. количество серебра в дирхемах составляло лишь 20–23 процента, медное ядро только заключалось в тонкий слой серебра. Во второй четверти XII века на смену этим монетам приходят медные посеребренные, содержащие всего около 5 процентов серебра.

Серебро наносилось при помощи амальгамы (раствор серебра и ртути), затем заготовки помещались в печь, ртуть испарялась, а на медной основе сохранялся слой серебра. Курс таких денег устанавливался принудительно указом правителя, они принимались только на территории удела, где выпускались. Излишний выпуск монет приводил к их обесцениванию, инфляции. Поэтому вместе с медными посеребренными монетами в XII в., при Караханидах, начался выпуск золотой монеты — динара, но небольшими партиями. Ходили ли они в Тянь-Шане, пока неизвестно, а вот в Узгенде монеты султана Кадырхана обращались с тех самых пор, когда узгендская семья правящей династии приняла титул «султанов» и верховную власть в Самарканде. Возможно, что золотые динары чеканились здесь и раньше. В ходу были также золотые монеты, выпущенные в разное время в разных городах и государствах. Попадали они в Семиречье и Фергану в связи с торговыми операциями и культурным обменом.

Особенно известен в этом отношении Баласагун. Как столица каганата, он был и крупным торговым центром. На его развалинах золотые монеты находят чаще, чем в других местах. По данным М. Е. Массона и Е. А. Давидович, такие монеты и даже клады монет найдены в 1902, 1903, 1927 и 1966 годах, всего 33 целых монеты и более 100 обломков. В кладах встречаются монеты Гуридов, Сельджукидов и Хорезмшахов, был и смешанный: в нем оказались и монеты хорезмшаха Мухаммеда, выпущенные в начале XIII в. Клад был зарыт, как полагает Б. Д. Кочнев, накануне монгольского нашествия. Мелкая разменная

монета – фельсы, похожие на серебряные дирхемы, широко употреблялись на местном рынке: их часто находят на развалинах древнейших городищ.

Какова была покупательная способность караханидских монет? Сколько нужно было уплатить за тот или иной товар на рынке Средней Азии, в экономическое пространство которого в X–XIII вв. входил Кыргызстан? Письменные свидетельства фиксируют цены в дирхемах или динарах. В 1035 г. за один дирхем можно было купить 8 кг хлеба и 14 кг ячменя, что очень дешево, заключает М. Н. Федоров. В 1040 г. в Нишапуре был голод, и цена одного килограмма хлеба поднялась до 16 дирхемов. В 1046 г. 160 кг винограда или 80 кг меда можно было купить за один динар. Дорогой была земля: 1600 кв. м возделанного участка с деревьями продавали за 3 тыс. дирхемов, а невозделанный участок тех же размеров стоил 1 тыс. дирхемов. Породистый конь из конюшни султана Меликшаха стоил 300 динаров, а боевой слон султана Масуда – 100 тыс. дирхемов, курица – один дирхем, простой конь – 20 динаров.

Товарное производство и торговля при Караханидах достигают наивысшего расцвета. Для удовлетворения рынка запасов серебра не хватало, и государство стало выпускать фальсификаторы под серебро, которые ходили по принудительному курсу в качестве средства обращения для торговли. Подобная практика началась при Саманидах, а широкое развитие получила при Караханидах. Такие деньги уже не были эквивалентом стоимости, а лишь ее знаком, своего рода металлической ассигнацией. Известны они как дирхемы «гитрифи», курс которых либо равнялся серебру, либо был выше. Правительственная политика и общественная психология обеспечили их прочность. Именно эти монеты в сфере серебряного обращения купировали потребность в золотых динарах как средстве обращения и платежа. До второй половины XII в. финансовая политика

Караханидов обеспечивала все уровни торговли без привлечения золота.

Начавшаяся регулярная чеканка золотых динаров — это уже прямое свидетельство изменения монетной политики государства, заключавшегося в прекращении выпуска низкопробных серебряных монет и организации денежного обращения на основе золотой валюты в сочетании с посеребрёнными дирхемами и медными фельсами. Такова была общая тенденция в Средней Азии. Медные посеребрённые деньги — это караханидские монеты довольно солидного размера и веса, которые регулярно чеканили монетные дворы Узгенда и Ахсикета во второй половине XII — начале XIII вв.

От XI до начала XIII вв. функции золота как меры стоимости, средства обращения и платежа неизмеримо выросли. Анализ имеющегося нумизматического материала позволил Е. А. Давидович заключить: «На протяжении многих столетий во внутреннюю торговлю оно (золото) вовлекалось редко и случайно, больше употреблялось для наград и подарков и фактически даже функцию меры стоимости не выполняло. Последнее понимали и современники, приравнивавшие золотые монеты к товарам и предметам торговли. В источниках много примеров, когда золото оценено в серебре. Чекан золотых монет в значительной степени определялся не экономическими потребностями рынка, а политическими и престижными соображениями. Функции золотых монет как средства обращения, средств платежа и меры стоимости были наименее развитыми на протяжении всего тысячелетия (т. е. IX—XVIII вв.), однако не оставались неизменными: значение их на рассмотренных выше отрезках времени возрастало, но каждый раз это вызывалось конкретными причинами...»

При завоевании Караханидского каганата киданями в 1129—31 гг. Баласагун уже не чеканил монеты. Сократился

выпуск денег и в западной части каганата, но продолжали работать монетные дворы городов Ферганы и Мавераннахра. Хорезмшах Мухаммед положил конец династии Караханидов, но его монетная система имела много общего с караханидской: выпускались динары (иногда — малого размера и в $1/3$ стандартной монеты), посеребрённые дирхемы, мелкие медные фельсы, а также высокопробные серебряные монеты, каких никогда не было при караханидах. Именно эти деньги и находят в кладках, зарытых накануне монгольского нашествия.

В 1219 г. под ударами монгольских орд держава Хорезмшахов прекратила свое существование. Спустя 8 лет возникло огромное государство Джагатаидов, которое до 1270 г. в административном и хозяйственно-экономическом отношении копировало государство Хорезмшахов. Чеканились золотые и посеребрённые монеты. Последние ходили по принудительному курсу. Население отказывалось принимать низкопробную монету, и на них появились угрожающие надписи: «В Самарканде и округе этого города каждый, кто не берет эту монету, преступник будет». Исполнялись подобные надписи и на тюркском языке. Деньги по М. Н. Федорову чеканились и в Оше, но на них не указано адреса монетного двора. Поскольку эти монеты принимались неохотно, под угрозой, их не было смысла вывозить за пределы города, где они выпускались. В Северной Киргизии подобных монет не находили, к тому же здесь снова стал преобладать натуральный обмен.

В последующие годы чекан джагатаидов претерпел изменения, связанные с реформами правителя Масуд-бека (1270—1271 гг.) и хана Кепека (1318—1326 гг.). В 1270—1271 гг. стала выпускаться высокопробная серебряная монета — дирхем весом до 2 граммов. Легенды на монетах разные, но ходила она повсеместно. В 1318 г. Кепек чеканит крупную серебряную монету весом около 9 граммов, называет ее динаром и ставит на ней свое имя. Таких

монет в Кыргызстане найдено много, хранятся они как в музейных собраниях, так и у коллекционеров.

М. Е. Массон в свое время посвятил им специальную работу, указав места находок монет в Таласской долине вообще и джагатаидских, в частности, в селах Орловка и Ленинполь. Ученым зафиксированы: дирхем Кепека, Бухара, 725 г. х.; дирхем Кепека в виде одностороннего брактеата с двумя дырочками; теньга Тармаширины, чекан Тараза 729 г. х.; теньга Дженкши, чекан Отрара, 736 г.; дирхемы Есен Тимура, чекан Отрара; динар Казана, 746 г.; динар Казана, 748 г. динар Буянкули, чекан Бухары; такие же монеты чекана Отрара и др. Были там и монеты тимуридской эпохи.

В 1928 г. М. Е. Массоном изучен клад из 555 монет, в котором подавляющее большинство составляли монеты Джагатаидов — 563, в т. ч. 497 — мелкие монеты, ставшие уже дирхемами, и 66 крупных динаров. Границы времени монет 708 / 1308 г. до динара шах Тимура 759 / 1358 г. В кладе находились джучидские монеты, которые имели характер «товара» и хранились вместе с имевшими хождение монетами Кепеками. Помимо стандартных легенд (калима, имя правителя, место и время выпуска) на джагатаидских монетах проставлялась тамга и разделительные нишаны разной формы и начертания. Приведенная в статье карта монетных дворов в государстве джагатаидов не захватывает территорию Кыргызстана (кроме Оша), хотя монеты, судя по находкам, имели здесь широкое хождение. Это свидетельствует об оживленных товарно-денежных отношениях второй половины XIII—XIV вв., уже включая время правления Тимура (1370—1405 гг.), когда восстанавливается ряд городов, заметно оживляется северная ветка Великого Шелкового пути, хотя, впрочем, и ненадолго. Реформа Кепека полностью и надолго удовлетворила потребности рынка ходовой серебряной монетой. Помимо денежной, Кепек провел и административную реформу,

разделив на так называемые туманы огромную территорию Мавераннахра. Это деление сохранялось до XVI в., вплоть до образования на северо-востоке Средней Азии монгольского государства.

Денежное хозяйство в государстве Тимура и тимуридов охватывает конец XIV — начало XVI вв., когда в Средней Азии бьет ключом городская жизнь и активизируются товарно-денежные отношения. Повсеместно монеты Тимура и тимуридов находят на позднесредневековых городищах — Садыр-Курган (Шельджи), Ашпара, в Оше и Узгенде. Кстати, Ош оказался самым богатым на находки тимуридских монет различного чекана.

Монетная система тимуридов, основанная на денежном обращении Джагатаидов, все же претерпела некоторые изменения. На первом этапе Тамерлан, завладев Средней Азией, выпускал золотую, серебряную и медную монеты от своего имени, от имени хана при упоминании имени Тимура. Начиная с 1380 г., по мере расширения государства за счет завоеванных стран, появляется монета от имени Тимура и подставного хана Суюргатмы-ша. Правитель проводит денежную реформу и выпускает новую серебряную монету — теньга, равную 4 дирхемам. Эту монету чеканят почти все столичные города бывших государств и княжеств, традиционно занимавшиеся этим. В Мавераннахре в те поры работал лишь один двор — Самаркандский.

По данным М. Е. Масона, занимавшегося кладами тимуридских монет из Оша, на территории Кыргызстана ходили монеты, чеканенные в городах Бухаруа, Кашгар, Орду, Шираз, Герат, Хутталян и Самарканд. Обнаружены также две монеты неизвестного чекана, но из Восточного Туркестана. В надчеканах на монетах значатся монетные дворы Самарканда, Андижана, Термеза, Шахрухи. Находки тимуридских монет на горе Тахт-и Сулейман и у ее подножья — довольно частое явление. Известны клады: 1925 г. — 25 фулусов чекана Бухары, 1924 г. — полторы сотни

монет, которые частично разошлись по рукам; 1953 г. — 251 медный фулус, — состав всех их примерно одинаков. Это свидетельствует о том, что содержимое кладов отражает состояние денежного хозяйства края, которое было основано, как правило, на медном чекане разных монетных дворов. Однако известны и серебряные монеты, именовавшиеся «амири» или «мири» — та же теньга, равная 4 дирхемам «кебеки», то есть Кепека. Впоследствии вес теньги стал уменьшаться и остановился на 4,8 грамма.

Чеканка из меди и условно-валютное обращение получили государственное одобрение. Следует заметить, что медный чекан был основным и для Шейбанидов, сменивших династию Тимуридов в 1510 г. Монета в основном обращалась на юго-западе Кыргызстана, а для северной его части наступил «безмонетный период». О чем свидетельствует Е. А. Давидович, которая посвятила монографическое исследование медному чекану Тимуридов и Шейбанидов, дала детальный разбор всех известных кладов медных монет, исследовала их с источниковедческой точки зрения и охарактеризовала денежное обращение средневековой Средней Азии.

Ею отмечено множество типов надчеканов на монетах и в том числе нового термина — «балдад» в значении «округа» или «область» (араб. — «шахристан», шахр — перс.). Встречаются и надчеканы слов «зарб» чаще со словом «адли», «ширмад» и др. Меняется и название основного номинала, когда один и тот же термин мог принадлежать монетам из разных металлов. Термин «фулус» (от «фельса» средневековья) из понятия множественности стал обозначать «медь» — медную монету вообще. На разрозненных тимуридских монетах 832–854 гг. термин «фулус» употребляется вместе с термином «адли», а на шейбанидских — с термином «динар». В юридических документах того времени термин «фулус» уточняется различно, в том числе и термином «данги», а «вакх-нама» — достоинство

фулусов — определялось весом медных монет. В качестве названия основного номинала в медном чекане термин «динар» известен со второй половины XV в. и в XVI в.

В Герате, например, обращались динары, изготовленные из разных металлов: «динары кебеги» — серебряные монеты, три штуки которых по весу равны мискалу серебра; «динары гератские», 18 штук которых равнялись трем динарам кебеки.

По письменным источникам известны цены на товары и недвижимость. Например, в Самарканде двор с домом из двух комнат, кладовой, террасы, балаханы и таартхана был продан за 1500 медных монет «динар адли», или 83,3 деньги. Халат стоил 20, рубаха — 10, шапка каракулевая — 20, рукописный Коран — 100, бык — 15, жеребенок — 15 тенег. Пшеница шла 16,6 кг за теньгу, ячмень — 33,2 кг. Прожиточный минимум взрослого мужчины составлял 6,1–6,4 тенег в месяц.

Денежное хозяйство Шейбанидов (1510–1599 гг.) унаследовано от Тимуридов (за исключением краткого периода во второй половине первого и начале второго десятилетия XVI в.). Чеканилась устойчивая высокопробная теньга весом 4,8 грамма, которая разменивалась на 20 медных фулусов, а к концу XVI в. — на 30 фулусов. Около 1580 г. государство начало выпускать золотую монету под названием «ашрафи» весом в мискаль и 0,5 мискаля. Проба золотой монеты была 907, а серебряной теньги — 935.

После смерти последнего хана из рода Шейбани — Абдулла-хана II (1598 г.) — к власти на большой территории Средней Азии пришла династия Аштарханидов, затем Мангытов (Бухарский эмират), не имевших отношения к территории Кыргызстана. В середине XVIII в. начался процесс сложения Кокандского ханства, денежное хозяйство которого связано с Кыргызстаном. Чеканка собственных монет Кокандом началась при хане Норбута (1770–1800 гг.):

выпускались только медные «пулы», медные посеребренные «мири» и низкопробные серебряные дирхемы. В 1785 г. в Бухарском и Хивинском ханствах была проведена денежная реформа, в результате которой начался выпуск высокопробной теньги, но весом не 4,8 грамма (\approx мискаль), а в 3,1–3,2 грамма, золотой монеты «тилля» также высокой пробы с «указанным весом» в мискаль (хотя вес ее был 4,6–4,7 грамма) до 95 проц. содержания драгоценного металла.

В Кокандском ханстве Мухаммад Умар (1809–1822 гг.) снова провел денежную реформу, начав выпуск серебряной теньги весом 3–3,2 г по образцу бухарской 1785 г. Появилась и стандартная «тилля», которая в разное время равнялась 19–21 теньги. Теньга соответствовала 4 мири, или 45–60 пулов. В середине XIX в. одна тилля приравнивалась 3,8 серебряного рубля, а теньга – 20 копейкам серебра царской чеканки.

Монеты этого времени чаще встречаются в южной части Кыргызстана, входившей в состав Кокандского ханства. По данным В. М. Плоских и М. Н. Федорова, стоимость товаров, привозимых в кыргызские кочевья из России, Кашгара и Средней Азии, выражалась в баранах. Недаром же в народе их называют алтын-кочкорами – золотыми. Самые лучшие халаты из восточного Туркестана шли за 4 барана, один аршин русского сукна или 8 аршин ситца – за одного животного. Роль денег выполняли и серебряные слитки – «ямбы», «джамбы» и «тайтуяки». В ходу были также китайские монеты и специально выпускавшиеся для торговли в Восточном Туркестане юани по образцу мексиканского доллара «песо». Эти крупные высокопробные монеты встречаются в Кыргызстане и чаще всего используются как накосные украшения, сувениры и капитал. Большую сводку сведений о ценах на рынках Кыргызстана, а также в Кашгарии и Казахстане дает

Ч. Валиханов. Некоторые данные о характере денежных отношений можно почерпнуть из эпоса «Манас». Среди серебряных монет в коллекциях нумизматов хранятся деньги Синьцзяна, Хивы, Афганистана и Индии. Своей монеты кыргызы не чеканили.

ДЕНЬГИ — СЛУГИ ИЛИ ГОСПОДА?

Финансовый голод

Первые бумажные деньги — ассигнации — были выпущены в России в 1796 г. Они, в отличие от существовавшей в то же время золотой монеты, не имели твердого курса. Их стоимость нередко колебалась, и практически всегда они ценились дешевле (бывало, в несколько раз) своего достоинства. В первой трети XIX в. в России действовала биталлическая система, при которой одновременно обращались золото, серебро и ассигнации. В 30-х гг. началась подготовка к денежной реформе, которую провели в 1839—1843 гг. Выпуск ассигнаций был полностью прекращен, а главным государственным платежным средством стала серебряная монета (монометаллизм). На начало 1840 г. в России обращалось три вида бумажных денежных знаков: ассигнаций, депозитные билеты (свидетельства о сданном в банке серебре) и кредитные билеты. В то время ходили такие металлические монеты: деньга, одна монета, 2 коп. 5 коп.; серебряные 10, 20 коп, полуполтинник — 25 коп., полтина — рубль; золотые — империял (10 руб.) и полуимпериял (5 руб.). Имели хождение также медные монеты с серебряным курсом в 1/2, 1, 1/4, 2 и 3 коп. Государство в то время являлось абсолютным монополистом в банковском деле.

Крымская война породила огромную эмиссию бумажных денег и, соответственно, их инфляцию. Рост цен к 1858 г.

составил 75 проц. К 1861 г. в империи обращалось кредитных билетов на 713 млн. руб., билетов гос. казначейства — на 168, билетов бессрочных вкладов бывших банков — на 178 млн. В общей сложности более 1 млрд. руб. — сумма, в несколько раз превышающая доходы государственного бюджета. Денежное обращение имело явно инфляционный характер. Попытки упорядочить его в 1862–1864 гг. ни к чему не привели: бумажные деньги так и не достигли цены серебряных. С 1867 г. правительство взяло курс на интенсивное накопление разменного фонда в драгоценном металле. За десять лет он достиг более 310 млн. руб., увеличившись в четыре раза, а сумма кредитов за это же время увеличилась лишь на 10 проц. Все это позволило бы финансистам возродить надежду на полную стабилизацию рубля, однако русско-турецкая война развеяла ее.

На выпускаемых в 50-х гг. 50- и 100-рублевых казначейских билетах часто изображались массивные архитектурные детали вроде портала княжеского дворца. В 60-е гг. на банкнотах появляются портреты русских исторических лиц: Дмитрия Донского (5 руб.), Михаила Федоровича — основателя династии Романовых (10 руб.), Алексея Михайловича (25 руб.), Петра I (50), Екатерины II (100 руб.). Мелкая монета также имела традиционное оформление: указание номинала с одной стороны и герб империи или монограмма царствующего императора — с другой. На более крупных монетах помещались портреты царей, иногда они украшались изображениями архитектурных памятников. Вензеля царствующих особ печатались и на кредитных билетах.

Начиная с 1881 г., правительство вновь устремилось к накоплению значительного золотого запаса, чтобы стабилизировать рубль, и уже скоро Россия имела активный внешнеторговый баланс. К тому же был выпущен ряд государственных займов и резко увеличена добыча золота

в стране. Все это, а также расширение выпуска депозитных квитанций, которые свободно разменивались на золото, позволило увеличить золотой запас в 1881–1897 гг. более чем в 3,5 раза.

В 1887–1895 гг. вышли денежные знаки новых образцов — государственные кредитные билеты с нарицательной стоимостью в 1, 3, 5, 10 и 25 руб. Оформлялись они очень пышно: русские полководцы на рублевых и трехрублевых билетах, геральдический щит с гербом империи и многочисленным древнерусским оружием — на пятирублевых. Ассигнации украшались шапкой мономаха и женщиной в богатой княжеской одежде.

Новая денежная реформа, проведенная министром финансов С. Ю. Витте в 1895–1897 гг., ввела в оборот золотую монету со стапятидесятипроцентным курсом: 5 руб. золотом — 7,6 руб. кредитными билетами. С 1897 г. курс кредитного рубля был установлен в $66 \frac{2}{3}$ копейки золотом, а золотой империял при сохранении веса и вида имел номинал 15 руб. Таким образом, была законодательно оформлена девальвация рубля. С того времени началась очень активная чеканка золотых монет. Кроме империяла и полуимперияла, в обороте появились золотые монеты достоинством в 5 и 10 руб.

Новый эмиссионный закон 1897 г. позволил Государственному банку выпускать в обращение на 600 млн. руб. кредитных билетов из расчета пятидесятипроцентного покрытия золотой эмиссии. А с ноября 1897 г. кредитные билеты полностью уравнились в цене с золотыми монетами. В связи с введением золотого монометаллизма серебряная монета стала вспомогательным платежным средством.

Серьезный урон по золотому монометаллизму нанесли события 1904–1907 гг. — русско-японская война и революция в России. Начался отток золота из страны, и правительство вынуждено было прибегнуть к внешним займам, которые помогли сохранить в России золотую валюту.

Однако золотой монометаллизм империи не пережил следующего удара — вступления России в мировую войну. Крупные банкноты в 50, 100 и 500 руб. с портретами представителей дома Романовых — Николая I, Екатерины II и Петра I выпускались с 1898 г.

С 1905 г. началась постепенная замена денежных знаков на новые. В обращение выпущены деньги: в 1905 г. — 3 руб., в 1909 г. — 5, 10 и 25 руб., в 1910 г. — 100 руб. и в 1912 г. — 500 руб. На самых крупных из них вновь изображены цари. Особенно красив был кредитный билет с Петром I. На сквозном белом поле с одного его края находился водяной знак в виде портрета государя. Его же облик запечатлен и в левой части оборотной стороны купюры: на Петре рыцарские доспехи, грудь пересекает орденовая лента, на плечо накинута плащ. Мягкие линии доспехов придают легкость фигуре царя, изящно гармонируя с другими элементами оформления купюры. В частности, с женщиной в правой части этой стороны билета, рядом с белым конем, которая держит скипетр в правой руке, а в левой опирается на щит причудливой геральдической формы. В оформлении денежного знака целая масса декоративных элементов: цветы, архитектурные детали и графические украшения, которые создают объемность композиции, придавая ей запоминающийся, романтический характер. Этот кредитный билет, равно как и 100-рублевый, можно считать шедевром российского искусства, вершиной творчества Экспедиции заготовления государственных бумаг. В народе они получили название «романовских».

Однако век устойчивого обращения этих денег был недолгим. С начала первой мировой войны правительство было вынуждено выпускать много «лишних» денег для покрытия дефицита Государственного бюджета. Прекратился обмен кредитных билетов на золото, началось неудержимое падение курса рубля — инфляция. Рухнула система золотого монометаллизма, и в скором времени из обращения

полностью исчезла металлическая монета: народ придерживал ее до «лучших» времен. К концу 1915 г. десятирублевые золотые монеты продавались уже за 17 бумажных рублей. Был налажен выпуск разменных денежных знаков для нормальной розничной купли-продажи. Правительство стало выпускать бумажные казначейские марки достоинством в 1, 2, 3, 5 и 50 коп. Были также подготовлены марки в 10, 15 и 20 коп., но в обращение они так и не поступили. В основе их лежали почтовые марки 1913 г., выпущенные к 300-летию дома Романовых, на лицевой стороне которых были портреты русских царей, а на оборотной — номинал и Государственный герб Российской империи.

Кроме того, в годы войны из-за возросшей нагрузки на печатный станок стали выпускаться денежные знаки с упрощенным оформлением: с 1915 г. печатался бумажный рубль образца 1898 г. без индивидуального номера, только с номером серии. Инфляция за годы войны постоянно росла, и к февралю 1917 г. кредитный рубль упал в цене почти в четыре раза по сравнению с довоенным временем.

Новые власти — новые деньги

После победы Февральской буржуазно-демократической революции власть в России перешла в руки Временного правительства, выражавшего интересы крупных капиталистов и помещиков, что определило его политику, в том числе экономическую и финансовую. Провозглашенный им лозунг «Война до победного конца» для крупного капитала означал, что сверхприбыль от военных поставок по правительственным заказам текла по привычному адресу. С другой стороны, продолжать войну было невозможно без громадной финансовой поддержки. Временное правительство, которое унаследовало разрушенную экономику и государственный бюджет с громадным дефицитом, вынуждено

²⁰ Том V. В. М. Плоских

было ввести государственную монополию на продажу важнейших продуктов, выпускать займы.

30 марта 1917 г. опубликовано постановление Временного правительства о выпуске внутреннего государственного «Займа свободы». Буржуазная пресса единодушно поддержала его, потому что он якобы мог снизить темпы инфляции и будто бы способствовал изъятию из обращения части бумажных денег и значительному сокращению их выпуска. Но надежды не оправдались: по займу удалось получить лишь около 4 млрд. рублей, а вскоре бесславно провалилась и сама идея принудительного займа. Печатный станок вновь заработал во всю мощь, росли долги другим государствам, налоги, снижалась заработная плата, но денег катастрофически не хватало.

При Временном правительстве продолжался выпуск денежных знаков дореволюционного образца. Объем их эмиссии к октябрю составлял уже 16,5 млрд. руб. Указом от 26 апреля 1917 г. появились на свет кредитные билеты достоинством в 250 и 1000 руб., текст на которых гласил, что их можно разменять на золотую монету, однако обещание запоздало: бумажные деньги резко упали в цене. На 250-рублевом билете был изображен старый имперский герб, но без атрибутов царской власти, на 1000-рублевом — Таврический дворец в Петрограде — место заседаний Государственной думы, первого русского парламента. В связи с этим в народе их окрестили «думскими деньгами». Кроме того, по указу от 9 мая 1917 г. была произведена эмиссия кредитных билетов 5-рублевого достоинства образца 1909 г. с упрощенным оформлением.

Объемы эмиссии особенно возросли при правительстве А. Ф. Керенского. С августа 1917 г. начался активный выпуск казначейских билетов достоинством в 20 и 40 рублей, широко известных «керенок». В их основу положили знаки почтовой оплаты (русской марки консульской пошлины в 10 руб.), выпускавшиеся до февральской революции.

Только герб Империи был заменен рисунком герба новой России, надписи «Консульская пошлина» — на «Казначейский знак», а «МИД» — на «Обязателен к обращению наравне с кредитными билетами». Интересно, что эти денежные знаки людям выдавались неразрезанными листами до 40 денежных единиц. Временное правительство также выпускало и марки-деньги достоинством в 1, 2 и 3 копейки.

Народ с недоверием относился к новым деньгам: в сельской местности, к примеру, старые николаевские шли выше керенок на 20—25 проц. Керенками расплачивались при каждом удобном случае, а николаевские и думские деньги копили. Всего за 8 месяцев пребывания у власти Временное правительство выпустило бумажных денег больше, чем правительство Николая II за 32 месяца мировой войны. Это привело к неудержимой инфляции и многократному повышению цен на продукты, но зато позволило изъять из оборота довольно значительную сумму материальных ценностей.

Несмотря на значительные объемы эмиссий, наличности не хватало ни для торговли, ни на заработную плату рабочим и служащим. Среди причин этой нехватки можно назвать и забастовки работников Экспедиции заготовления государственных бумаг (тогдашний Гознак). Особенно возросли финансовые трудности. К осени 1917 г. в связи с сезонным расширением товарооборота и очередным витком инфляции производственные возможности монетного двора были на пределе. В связи с этим правительство разрешило использовать в качестве законных платежных средств купоны некоторых видов ценных бумаг вместе с облигациями военного займа и «Займа свободы».

В то же время делались попытки напечатать деньги за рубежом. Так, были заказаны в США кредитные билеты достоинством в 50, 100, 250, 500 и 1000 рублей. Но они стали поступать с опозданием — в 1918 г. — и в общегосударственном масштабе не использовались, однако,

25-копеечные, 250 и 100-рублевые билеты с особым надпечатками обращались на территориях, находящихся под юрисдикцией местных контрреволюционных правительств, — в Забайкалье и на Дальнем Востоке.

Неразбериху и сумятицу вносили марки, чеки и боны, которые в изобилии выпускались местными властями, отдельными организациями, предприятиями и имели ограниченное хождение. Свои деньги собирался выпускать и консорциум 30 крупнейших петроградских и московских банков, но затея так и не удалась. Начался неуправляемый процесс распада единой денежной системы России, что содействовало новому скачку инфляции. Большевики после захвата власти одной из основных своих задач ставили овладение денежно-кредитной системой. Был захвачен Государственный банк, внутренняя структура которого подверглась значительной перестройке. И уже к 30 ноября 1917 г. советское правительство смогло получить первые 5 млн. рублей для финансирования своей деятельности, а чуть позже специальным декретом ВЦИК от 14 (27) декабря 1917 г. «О национализации банков» в его распоряжение перешла и вся сеть частных коммерческих и акционерных банков. Этот декрет вводил также государственную монополию на банковское дело. Аннулировались все внутренние и внешние займы прежних правительств — 36,2 млрд. руб.

В общем, молодая власть действовала весьма решительно. Теперь перед ней встала задача проведения денежной реформы. Идеологом ее выступил Ленин, основные направления проекта которой сводились к трем положениям: безусловной финансовой централизации, всеобщей трудовой повинности с регулярно взимаемым прогрессивным налогом и, наконец, отказу от эмиссии бумажных денег. В порядке проведения самой денежной реформы предлагалось произвести обмен старых денежных знаков на новые по специальному курсу.

Следует заметить, что, несмотря на определенные успехи, правительство испытывало большие финансовые трудности и в связи с саботажем банковских служащих, а также работников Экспедиции по изготовлению государственных бумаг. Запасы денег таяли, да и остатки их транспортировались с большими трудностями из-за разрухи на железных дорогах. В провинции по этой причине прекращались закупки продовольствия и все виды денежных выплат. Необходимо было срочное и постоянное пополнение финансовых запасов Народного банка России.

Декретом ВЦИК от 21 января (3 февраля) 1918 г. к кредитным билетам были приравнены пятипроцентные краткосрочные обязательства Государственного казначейства с номиналами в 1000, 5000, 10000, 25000, 100000, 500000 и 1000000 руб. Эти ценные бумаги подготовлены Министерством финансов еще до революции. В оборот пошли и другие виды ценных бумаг. Однако денежный голод неудержимо рос, хотя в качестве государственных денежных знаков использовались пятипроцентные облигации «Займа свободы» 1917 г., купоны от государственных процентных бумаг: свидетельств государственной четырехпроцентной ренты, облигаций внутренних пятипроцентных займов 1905, 1908, 1914, 1915 гг., государственных военных краткосрочных займов 1902, 1905, 1906 и 1909 гг., золотых займов, «Займов свободы» 1917 г., билеты Государственного казначейства. Кроме того, в качестве денежных знаков ходили купоны от закладных листов бывшего Общества Взаимного поземельного кредита и Государственного дворянского земельного банка, государственных свидетельств Крестьянского поземельного банка и некоторых других. В целом в оборот было запущено около пятидесяти групп купонов и три группы ценных бумаг. Их применение в качестве денежных знаков продолжалось с 1918 по 1922 гг.

Слегка сбив денежный голод, правительство собиралось начать серьезную реформу, но относительно мирный период революции подошел к концу. Против новой республики пошел войной целый ряд крупнейших капиталистических государств: Англия, Германия, США, Франция и Япония. На вооруженную борьбу поднялась и внутренняя оппозиция — белогвардейская. Началась гражданская война, сопровождаемая экономической блокадой.

Советскому правительству пришлось перейти к «военному коммунизму». Теперь товарный обмен между городом и деревней осуществлялся практически без денег. Их вытеснил натуральный обмен, а с января 1919 г. грабительская для крестьян продразверстка распространилась уже на всю территорию страны. Финансовый механизм государства в период «военного коммунизма» упростился до предела. Была отменена плата советских учреждений за пользование почтой, электричеством, телеграфом, водой, топливом. Натуральный характер приобретала и заработная плата советских служащих и рабочих, но государство при этом бесплатно предоставляло им квартиры, коммунальные услуги, транспорт и т. п.

Купля-продажа с использованием денежных знаков существовала практически только на «свободном» рынке, где цены росли просто фантастически. В январе 1920 г. розничные цены на московских рынках поднялись по сравнению с 1913 г. более чем в 6 тыс. раз, а через год — уже в 30 (!) тыс. раз. Народный банк фактически утратил кредитно-контрольные функции, и декретом СНК от 19 января 1920 г. он упраздняется. А в наркомате финансов образуется три управления: бюджетно-расчетное, налоговое и центральная канцелярия. Ряд советских экономистов и политиков считали, что именно путем «военного коммунизма» можно перейти к «коммунизму настоящему». Деньги, по их мнению, умирают, и держаться за них нет необходимости.

Большевики делали ставку на трудовой энтузиазм масс, а не на личную экономическую заинтересованность трудящихся в результатах своего труда, что в скором времени привело к недовольству народа. По стране прокатилась волна бунтов. На борьбу в защиту своих прав поднимались крестьяне Тамбовщины, Украины и многих других мест. Реакцией на политику «военного коммунизма» и был так называемый Кронштадтский мятеж.

Вероятно, еще как-то можно оправдать действия правительства в условиях интервенции и гражданской войны, но при мирном течении жизни они никуда не годились. Тем более, что для отмены денег и торговли, для перехода к прямому распределению по потребностям в стране не было условий. Существовал лишь один путь — цивилизованный: восстановление в полном объеме торговли и денежных отношений, ликвидация уравниловки, введение хозрасчета и ориентирование производства на получение прибыли. Но для этого не хватало одной немаловажной детали — твердой денежной единицы. Ведь если первые советские бумажные деньги, появившиеся в марте 1919 г., имели номиналы в 1, 2 и 3 рубля, а в декабре — 15, 30 и 60 руб., то в 1921 г. в обращение выпущены так называемые Обязательства РСФСР достоинством в 10 млн. руб. Вышли и расчетные знаки номиналом в 25 000, 50 000 и 100 000 руб. Это было обусловлено невероятным ростом цен: пуд ржаной муки стоил в среднем 140 тыс., а номер «Правды» — 2500 руб. Обращались тогда и государственные кредитные билеты достоинством в 1, 3, 5, 10, 25, 50, 100, 250, 500 и 1000 руб., которые печатались с клише, подготовленных еще Временным правительством с изображением герба буржуазной России — двуглавого орла.

Активная эмиссия купюр с крупным номиналом значительно увеличила удельный вес советских денег в общей массе средств обращения и платежа. Однако в связи

с недостатком денежных знаков правительство в ряде случаев разрешало печатание купюр на местах. Так, в Средней Азии ходили денежные знаки Бухарской и Хорезмской Народных Республик. В то же время некоторые эмиссии в этих республиках проводились непосредственно с санкции Правительства РСФСР, что учитывалось в общем объеме денег, выпускаемых государством.

Государственные реформы

Осень 1921 г. была отмечена особой активизацией правительства в области финансов. Принимается решение о воссоздании Золотого фонда страны, готовится первая деноминация — понижение нарицательной цены, переименование денежных знаков. С 1 января 1922 г прекратили выдачу бумажных денег старого образца, одновременно объявлялось, что старые обмениваются по курсу 1000 руб. на 1 руб. новых. Новые знаки выпускались достоинством в 50 коп., 1, 3, 5, 10, 25, 50, 100, 250, 500 и 1000 руб. До 1 октября 1922 г. были изъяты «керенки», «думские» деньги, «николаевские» кредитки и другие суррогаты.

Но первая деноминация не решила всех задач, поэтому был взят курс на восстановление обеспечения рубля золотом. Название новой «твердой» денежной единицы вызвало большие споры: ее предлагали назвать и «федерал», и «целковый», и «гривна», но в конце концов остановились на «червонце».

В октябре 1922 г. Государственный банк выпустил банковские билеты в золотом исчислении достоинством в 1, 2, 5, 10 и 25 червонцев. Золотое содержание каждого из них объявлялось в 8,6 г драгоценного металла. Первоначально сфера обращения новых денег была очень узкой. По нарицательной цене их принимали только в уплату государственных сборов и платежей, исчислявшихся в золоте.

Тем не менее, червонец с твердым обеспечением начал завоевывать авторитет и довольно быстро расширил круг своего влияния. Кроме того, государство разрешило использовать при купле-продаже монеты из золота и серебра царского чекана.

К концу 1923 г. червонец вытеснил из платежного оборота на внутреннем рынке золотые монеты и валюту иностранных государств. На 16 сентября 1924 г. бумажных червонцев было выпущено на 557,5 млн. руб. Они обеспечивались на 131 млн. золотом в монетах и слитках, на 7 млн. — платиной в слитках, на 103 млн. руб. — валютами США, Великобритании и Швеции, остальные — ценными товарами.

Червонцы различных номиналов имели однотипное оформление и печатались на белой бумаге. Изображение государственного герба РСФСР, номинал, год, серия, номер, подписи членов Правления Госбанка РСФСР — все это печаталось только на одной стороне банкнот, вторая оставалась чистой. В целях затруднения подделки надписи на них выполнялись несколькими шрифтами различной сложности. На червонце была надпись: «Банковский билет подлежит размену на ЗОЛОТО. Начало размена устанавливается особым правительственным актом».

Среди общегосударственных денежных знаков червонец образца 1922 г. стоит особняком: он стал первым устойчивым денежным знаком нового государства и завершил перечень общегосударственных бумажных денег РСФСР. В декабре 1922 г. Всесоюзный съезд советов принял декларацию и утвердил договор об образовании СССР. В связи с этим актом возникла необходимость в создании единой денежной системы страны.

К этому времени практически завершилась работа по унификации денежных знаков. Запрещалась эмиссия в государствах, входивших в РСФСР. Для укрепления денежной единицы в декабре 1925 г. проводится вторая

деноминация. Обмен проводился по курсу 100 руб. старых знаков на один рубль образца 1921 г. На новых деньгах в разъяснительных целях ставилась надпись: «ОДИН рубль 1923 г. равен ОДНОМУ МИЛЛИОНУ РУБЛЕЙ дензнаками, изъятыми из обращения, или СТА РУБЛЯМ дензнаками 1922 года». Денежные знаки образца 1923 года и явились первыми деньгами СССР. Они несли символику РСФСР (герб СССР был утвержден только 22 сентября 1923 г.) и обращались на территории страны по 30 апреля (в некоторых регионах до 30 июня). В обращение были выпущены бумажные знаки достоинством в 1, 5, 10, 25, 50 и 100 руб. и монетовидный, но также бумажный денежный знак в 50 коп. Позже появились купюры номиналом в 250, 300, 1000 и 5000 руб. Купюры образца 1923 г. имели схожие расцветки, отличались широкой орнаментированной рамкой.

За 1923 г. советская денежная система заметно окрепла. Удельный вес червонцев в общей денежной массе поднялся с 3 проц. на 1 января до 74 процентов на 1 октября. Это позволило государству наложить запрет на использование в стране в качестве средств платежа монет из серебра и золота царского чекана и иностранной валюты. А с лета 1923 г. заработная плата в стране стала выплачиваться червонцами.

Червонец существенно укрепил денежную систему, но крупная купюрность затрудняла использование его в розничном товарообороте (по официальному курсу на 1 января 1923 г. бумажный червонец шел за 17,5 тыс. руб. совзнаками образца 1922 г.). Во многих местах быстро сориентировавшиеся спекулянты-менялы брали только за размен червонцев на совзнаки от 100 до 200 руб. Рабочие нередко просто отказывались получать зарплату «слишком твердыми» червонцами.

На местах предпринимались попытки создания разменных суррогатов. Предприятия и организации вводили

расчетные квитанции, номинал которых исчислялся в долях червонца. Подобные знаки имели хождение фактически только на территории выпустившего их предприятия. А для долговечности эти знаки штамповали из меди, алюминия и бронзы.

Розничный товароборот государства остро нуждался в разменной монете. В период подготовки к выпуску мелочи СНК издал постановление, запрещающее выпуск денежных суррогатов под угрозой уголовного наказания как за подмену денег. Правительство старалось объяснить народу, что частная эмиссия сокращает емкость государственного рынка и обесценивает денежные знаки. Выпуск денежных суррогатов засоряет денежный рынок и подрывает, наконец, доверие к деньгам молодой республики.

Собственно, подготовка к выпуску монеты началась еще в 1921 г. финансовыми органами РСФСР. Прежде всего следовало восстановить производство на Петроградском монетном дворе. Уже в апреле 1921 г. медальный отдел разработал эскизы серебряных монет номиналами в 10, 15, 20, 50 коп. и 1 руб. Для удобства производственного цикла решено было сохранить за новыми металл, вес, диаметр и пробу монет царского чекана. На монетах в 1 руб. и 50 коп. в середине изображена звезда, в центре которой номинал, звезда обрамлена по кругу лавровой и дубовой ветвями. На монетах более мелкого достоинства в обрамлении тех же ветвей был обозначен номинал, а маленькая звездочка с лучами находилась между ободками сверху монеты. Обратная сторона у всех монет той серии была одинаковой: герб РСФСР и надпись по кругу — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Мелкие монеты выпускались в течение 1921–1923 гг., а рубль и полтинник лишь два года — 1921–1922.

В 1923 г. были разработаны эскизы серебряных и медных монет с символикой СССР, а металлическая монета поступила в обращение на завершающем этапе денежной

реформы. 5 февраля 1924 г. объявили о выпуске государственных казначейских билетов в 1, 3 и 5 руб. золотом, а 22 февраля — серебряных и медных монет. К 1 июля 1924 г. закончился выкуп у населения совзнаков образца 1923 г. (они менялись по курсу 50 тыс. старых за 1 новый рубль). Одновременно широко распространялась серебряная монета нового образца. Но, несмотря на значительные размеры эмиссии серебра, монеты по-прежнему не хватало: драгоценный металл хорош для частных накоплений. С целью предотвращения скопления большого количества серебряных денег в одних руках монеты номиналом в 1 руб. и 50 коп. принимались только на сумму, не превышающую 25 руб., а более мелкие монеты — до 3 руб.

Интересно, что часть заказов на выпуск монет была размещена за рубежом, так как советские заводы не справлялись с объемами: часть тиража серебряных полтинников печаталась в Бирмингеме, там же чеканили и пятаки. В 1924 г. были выпущены следующие монеты: медные — 1 коп., 2 коп., 3 коп., 5 коп., серебряные — 10, 15, 20, 50 коп. и 1 руб.

Серебряные монеты в 10, 15, 20 коп. мало отличались от монет старого образца, а вот монеты в 1 руб. и 50 коп. отличались особой символикой нового пролетарского государства. На полтиннике мы видим кузнеца: он размахнулся, собираясь нанести удар по наковальне, у его ног лежат плуг и зубчатое колесо. На рублевой монете изображен обнимающий крестьянина рабочий, он подался вперед, указывая рукой на восходящее солнце. 1 и 2 коп. выпускались в 1924 и 1925 гг., 3,5 коп. и 1 руб. — только в 1924, 50 коп. — в 1924–1927, а 10, 15 и 20 коп. — в 1924–1931 гг.

По мере осуществления денежной реформы происходила унификация денежной системы в стране, которая была достигнута в 1926 г. В результате на всей территории СССР получили признание рубль и червонец. Еще к началу

1925 г. был преодолен кризис с разменной монетой. В обращение к этому времени ушло серебряных монет на 73,5 млн. руб. и медных — на 1,4 млн. руб.

Потребность розничного товарооборота в мелких и средних купюрах в 1923 г. удовлетворилась отчасти и выпуском так называемых транспортных сертификатов — беспроцентных заемных обязательств с нарицательной стоимостью в 5 руб. золотом. А государственные казначейские билеты (номиналом в 1, 3 и 5 руб. золотом), выпущенные в 1924 г., официально сохраняли свою силу до денежной реформы 1947 г. На одной из трехрублевой купюр рабочий и крестьянин читают книгу, на другой, пятирублевой, изображен трактор. В 1924–27 гг. имели хождение казначейские боны в 1, 2, 3, 5 и 50 коп., призванные покрывать недостаток мелочи.

В мае 1925 г. III съезд Советов констатировал, что реформа денежного обращения удалась. Червонец официально котировался на основных биржах Европы и Азии. Но успех этот не удалось закрепить. Уже осенью 1925 г. обозначились довольно резкие инфляционные процессы. Вскоре был запрещен вывоз, а затем и ввоз червонца в страну, он перестал быть конвертируемым.

А к началу 30-х гг. в стране на смену НЭПу пришли жесткие методы административного управления, вновь появились рецидивы «военного коммунизма». За 1929–1937 гг. наличная денежная масса в стране увеличилась в 8 раз. Во второй половине 20–30-х гг. были выпущены также следующие денежные знаки новых образцов: государственные казначейские билеты СССР образца 1925 г. (номиналами в 3 и 5 руб.); билеты Госбанка СССР образца 1926–1928 гг. (1, 2, 5 червонцев); государственные казначейские билеты 1928 г. (1 рубль); краткосрочные платежные обязательства 1928–1929 гг. (100, 250, 500, 1000 руб.); билеты Государственного банка СССР образца 1932 г. (3 червонца); государственные казначейские билеты 1934 г.

(1, 3, 5 руб.); билеты Госбанка 1937 г. (1, 3, 5, 10 червонцев) и государственные казначейские билеты 1938 г. (1, 3, 5 руб.).

В 1926 г. в стране перешли на новый стандарт «медной» мелочи. Она значительно полегчала, и теперь ее вес в граммах соответствовал номиналу в копейках, в то время как кошелек с мелочью старого образца на сумму в 1 руб. весил 328 г. — в 3 раза тяжелее. Этот стандарт с незначительными изменениями в дизайне держался вплоть до наших дней. Постепенно осуществлялся и перевод монетной системы на новые материалы. Последние серебряные монеты в 10, 15, 20 коп. были выпущены в 1931 г. Затем их выпускали из никелевого сплава серебристого цвета.

На билетах Государственного казначейства образца 1938 г. отразилась напряжённая политическая обстановка в мире. Билет трехрублевого достоинства нес изображение двух красноармейцев в походном снаряжении, а на пятирублевом был изображен пилот у самолета. Это последние предвоенные выпуски денежных знаков. Изнуряющая война с фашистской Германией нанесла серьезный удар по финансовой системе страны. Возросшая заработная плата с одновременным сокращением производства гражданских товаров вновь породили недостачу денег, инфляцию. Денежная масса за годы войны увеличилась в 4 раза, а объем розничного товарооборота государственного и кооперативного секторов в то же время сократился на 2/3. Основные продукты распределялись по карточкам.

С окончанием войны остро встал вопрос о денежной реформе. Для оздоровления финансово-кредитной системы требовалось изъять излишки денег из оборота, ударить по капиталам, нажитым во время войны спекулянтами. Кроме того, денежный рынок был засорен фальшивыми деньгами из Германии. 14 декабря 1947 г. Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О проведении

денежной реформы и отмене карточек на продовольствие и промышленные товары».

Реформа предполагала обмен старых денежных знаков на новые соотношением 10 к 1, переоценке вкладов населения в сберегательных кассах, остатков средств кооперативных организаций и колхозов на счетах в кредитных учреждениях и конверсии государственных займов. На разменную монету действие реформы не распространялось. Реформа отменила название «червонец», и с 1947 г. эти денежные знаки, как и казначейские билеты, исчислялись в рублях.

Денежные знаки образца 1947 г. имели следующие номиналы: государственные казначейские билеты в 1, 3 и 5 руб., билеты Госбанка СССР в 10, 25, 50 и 100 руб. На лицевой стороне казначейских билетов изображался Герб СССР, указывалось наименование знака, обозначение номинала словами на 16 языках, серия, номер и год выпуска. На оборотной стороне словесное и цифровое обозначение номинала, а также обеспеченность данных знаков и предупреждение об уголовном наказании за их подделку. На билетах Госбанка СССР было традиционное изображение В. И. Ленина. В 1957 г. в связи с преобразованием карело-финской ССР в карельскую АССР были выпущены банкноты образца 1947 г. с исправлениями в гербе.

Реформа укрепила денежное обращение, позволила возобновить свободную государственную торговлю товарами народного потребления. Рынок быстро насыщался товарами, что объяснялось платежеспособностью населения, активной налоговой политикой государства, распространением новых государственных займов.

Быстрое развитие послевоенной экономики, рост объемов производства и товарооборота к концу 50-х гг. привели к тому, что в стране гигантски разрослись денежные обороты. Для облегчения организации учета денег, расчетов

в народном хозяйств и номинального уменьшения наличной денежной массы Совет Министров СССР принял 4 мая 1960 г. постановление об изменении с 1 января 1961 г. масштаба цен. Это достигалось укрупнением советской денежной единицы путем увеличения ее золотого содержания с 0,222168 г. благородного металла, установленного в 1950 г., до 0,987412 чистого золота.

В обращение выпускались денежные знаки и нового образца: государственные казначейские билеты СССР достоинством в 1, 3, 5 руб., билеты Госбанка СССР номиналами в 10, 25, 50 и 100 руб. и разменная монета в 1, 2, 3, 5, 10, 15, 20, 50 коп. и 1 рубль. Это были хорошо знакомые нам денежные знаки, до сих пор находящиеся в обращении (кроме банкнот в 50 и 100 рублей). Они беспрепятственно обменивались на денежные знаки прежнего образца по курсу 1:10 с 1 января по 1 апреля 1961 г.

Укрупнение денежной единицы облегчило планирование, учет и контроль в народном хозяйстве, уменьшило издержки обращения: поднывавшаяся в цене мелочь значительно долговечнее бумажных денег. Кроме того, мелочь начали активно использовать при автоматическом обслуживании населения.

Впервые в истории страны были унифицированы размеры банкнот: практически одинаковы по размеру между собой казначейские билеты в 3 и 5 руб.; билеты Госбанка СССР в 10 и 25 руб.; билеты Госбанка СССР в 50 и 100 руб. Это было обусловлено внедрением счетных машин для пересчета денежных знаков.

В 1965 г. было положено начало новой традиции в советской денежной системе. Вышла первая советская юбилейная монета достоинством в 1 рубль. Она была посвящена 20-летию победы в Великой Отечественной войне. На лицевой стороне рубля нового типа было помещено изображение скульптуры «Воина-освободителя» из берлинского трептов-парка.

В 1967 г. в обращение поступила серия монет, посвященных 50-летию Октябрьской революции: 10 коп, с изображением обелиска «Покорителям космоса»; 15 коп. — со скульптурой «Рабочий и колхозница», 20 коп. — с крейсером «Аврора», а также 50 коп. и 1 руб. с аналогичными изображениями Ленина на фоне стилизованных серпа с молотом.

Монета в 1 рубль с профильным изображением Ленина вышла в 1970 г. в ознаменование столетия основателя государства. Монета в 1 рубль была выпущена в 1975 г. в честь 30-летия победы над фашистской Германией. На ней помещено изображение волгоградского монумента «Матери-Родины».

Юбилейные и памятные монеты выпускались большими тиражами, но в обороте встречались не столь часто, так как высокое качество их художественного оформления сделали их объектом коллекционирования нумизматов всего мира. Сейчас многие из этих монет имеют довольно высокую коллекционную стоимость.

Но особняком даже от этих редкостей стоят монеты из драгоценных металлов, выпущенные к московской Олимпиаде 1980 г., а также монеты, посвященные 1000-летию древнерусского зодчества и монетной чеканки, 1000-летию крещения Руси и древнерусской литературы. Эти монеты, вычеканенные из серебра, золота, платины и палладия, предназначались для коллекционеров. Их начальная стоимость превышала обозначенный на них номинал, так как в оборот их пускать не планировалось. Кроме того, министерство финансов и Государственный банк СССР выпускали советские юбилейные и памятные монеты улучшенного коллекционного качества. Эти монеты штамповались полированными штемпелями, тираж их ограничен и предназначены они также для коллекционеров. Хотя это абсолютно полноправные денежные знаки, обязательные для приема повсеместно.

СОМ — КЫРГЫЗСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ВАЛЮТА

Зачем нам свои деньги?

Образование суверенной, на правах автономии, Туркестанской республики, естественно, повлекло за собой введение своих денег, выпуск которых проводился по постановлению Совнаркома РСФСР, в частности, в 1918–1920 гг. На банкнотах Туркестанского края выпуска 1918 г. достоинством в 1, 3 и 10 руб. указывалось, что они являются временными кредитными билетами. Выпускались и так называемые разменные денежные знаки Туркестанского отделения Государственного банка, которые по легенде имели хождение наравне с государственными кредитными билетами в пределах Туркестанского края.

А обеспечивались они так: временные кредитные билеты — всем достоянием Российской республики, а разменные денежные знаки — хранящимся в Ташкентском отделении Государственного банка равноценным запасом денежных ценностей крупных достоинств. На всех купюрах стояли факсимильные подписи управляющего и кассира банка. На временных кредитных билетах 1918 г. был изображен двуглавый орел — герб Российской республики, аналогичный имперскому, но без символов царской власти — короны, скипетра и державы. Достоинство билетов указывалось на русском языке славянской вязью и на узбекском — арабскими буквами. На 5- и 10-рублевых

купюрах помещалось изображение скульптурной женской головки. В оформлении всех этих денег присутствовали архитектурно-геральдические элементы, характерные для предреволюционных царских купюр.

В связи с прогрессирующей инфляцией постоянно рос номинал временных кредитных билетов и в Туркестанском крае. На билете образца 1919 г. номиналом в 500 руб. присутствует герб Российской Федерации, а компоновка самого билета вертикальная, с архитектурной символикой. На одной его стороне мы видим нечто вроде портала с пилонами и колоннами, центральная часть которого скрыта флагом-ковром с обозначением номинала, с подписями управляющего и кассира. Сходная композиция представлена и на обратной стороне купюры, где находятся сведения о выпуске, номинале, хождении и обеспечении временных кредитных билетов на русском языке и арабскими буквами.

Значительно повысился номинал временных кредитных билетов в 1920 г. Появились деньги в 1000 и 5000 руб., также горизонтальной компоновки. На первом — строгая рама обрамляет номинал, серию и номер билета на русском языке; на обратной стороне — Герб РСФСР. Графически более сложным был рисунок 5-тысячного билета: номинал и другие сведения, напечатанные в два цвета, обрамлялись в стиле рококо. Все необходимые данные давались по-русски и арабскими буквами.

На Туркестанских кредитных билетах не было водяных знаков, но серия и номер присутствовали на каждом. Их жизнь была недолговечной, и с середины 20-х гг. весь Туркестанский и Семиреченский край в лице самостоятельных государственных образований — Казахской, Узбекской, Таджикской, Туркменской и Кыргызской республик — перешли на общесоюзные деньги.

Теперь же, как никогда остро, встал вопрос о введении национальной валюты. Исходя из опыта Прибалтики, первоначальная потребность Кыргызстана в наличных деньгах

определилась в 300—400 млн. монет и 250—300 млн. бумажных денег, которые, считают специалисты, обеспечат действенность экономики в ближайшие пять лет. Разработанные концепции перехода на собственную валюту, образцы денег, механизм их внедрения дают основание сделать такой вывод.

Созданная специальная координационная группа из компетентных, инициативных и оперативных чиновников объединяла и контролировала действия всех привлеченных лиц. Экономисты, юристы, финансисты, банкиры после принятия концепции занимались детальной проработкой правового обеспечения денежной реформы, организацией денежного обращения, созданием кредитных институтов, расчетной системы переходного периода, определением гласности курсов и организацией обмена иностранной валюты.

К работе по художественному оформлению и полиграфическому исполнению национальной валюты привлекались историки, архитекторы и художники. Контракт на ее изготовление был заключен на выгодных условиях с одной из иностранных фирм. Одновременно рассматривался вопрос о приобретении оборудования для печатания денег.

Проблема введения национальной валюты рассматривалась в долгосрочном, стратегическом плане, и в краткосрочном — тактическом. В стратегическом плане необходимость своих денег достаточно очевидна, так как они являются важнейшим атрибутом национальной государственности и одним из основных механизмов обеспечения суверенитета республики. Без них невозможно было бы проводить самостоятельную экономическую политику. И все вновь образованные государства распавшегося СССР готовятся к переходу или уже перешли на собственную валюту.

Понятно, что введение новой валюты должно повлечь за собой серьезное преобразование экономической системы и народного хозяйства, иначе она не может служить эффективным средством денежного обращения и меры

стоимости, а сама же даст повод для углубления экономической дестабилизации. Сюда следует отнести все реформы, связанные с переходом к рыночной экономике, однако часть необходимых мер, непосредственно относящихся к введению национальной валюты, выделяется особо. Это реформа налоговой системы, ориентированной на поощрение предпринимательства, освобождение государственного бюджета от несвойственных ему функций, введение жесткой системы контроля за расходованием бюджетных средств государственных предприятий, реформа банковской системы, организация других финансовых посредников и т. д.

Надо завершить реформу цен, обеспечить единую политику цен и конвертируемость нашей валюты.

Чтобы осуществить меры по товарному ее обеспечению и изменению национальной экономической структуры народного хозяйства, нужно проводить целенаправленную политику формирования многоукладной экономики, ограничить государственный сектор, монопольное положение которого является основной причиной дефицита государственного бюджета и дестабилизации финансовой системы, и создать условия для развития конкурентной экономики, наращивать экономические связи с зарубежными странами, освободиться от диктата политических и экономических интересов одной-двух республик бывшего СССР.

Конечно же, введение национальной валюты следовало бы предварить глубокими реформами в экономике и структуре народного хозяйства, однако экономическая и политическая ситуация развивалась таким образом, что на первый план в числе аргументов «за» и «против» выходили доводы тактического плана. Среди них отметим кризис денежно-кредитной и фискальной систем в бывшем СССР, во всех бывших союзных республиках, катастрофическое падение покупательной способности рубля, высокие темпы инфляции и неуправляемый рост цен, серьезные диспропорции между производством и потреблением, обесцененный рост

²¹ Том В. В. М. Плоских

денежных доходов населения при углубляющемся дефиците практически всех товаров народного потребления, в том числе первой необходимости, снижение абсолютных объемов производства. Это и переход к рacionированию товаров как средству защиты республиканского потребительского рынка и большой удельный вес бартерных сделок, введение собственных денег рядом республик, входящих в рублевую зону, а также несогласованность в проведении экономических реформ, в частности, денежно-кредитной политики и ценообразования.

Отказ от рублевой единицы в ряде бывших республик по существу означает дезинтеграцию денежной системы бывшего СССР. Усугубляющийся распад рублевой зоны приводит к усиленной миграции избыточной покупательной способности в рублях из регионов, переходящих на национальные деньги. Это резко обостряет товарный дефицит и инфляционные процессы в условиях и без того напряженной ситуации.

Несогласованность действий по проведению экономической реформы и реформы денежно-кредитной системы может привести к тому, что небольшие республики обречены осуществлять определенные меры уже как следствие решений крупных государств, а не исходя из своих требований. Резкая либерализация цен и зарплаты в России уже привела к «импорту» инфляции в экономику Кыргызстана за счет роста издержек производства продукции из привозного сырья, полуфабрикатов, ввоза машин и оборудования по рыночным ценам.

Мы не имеем возможности оздоровить рубль собственными силами в отличие, скажем, от России, чем в значительной степени диктовалась самостоятельность политики на базе собственной денежной системы. Нам понятно, что связанные с этим процессы в определенной степени будут сдерживать развитие хозяйственных связей на микроуровне,

тормозить экономическую интеграцию. Если же не удастся сократить дефицит республиканского бюджета, то уровень инфляции республиканской денежной единицы превысит темпы обесценения валют других республик. При неполной конвертируемости региональных валют участники межрегионального оборота будут торговать по бартеру, или стремиться при сделках использовать мировые валюты. Однако и промедление с введением национальной валюты в условиях продолжающегося распада рублевой денежной системы могло бы привести к еще худшим последствиям, к угрозе основам экономического и политического строя в Кыргызстане.

Президент и Правительство Кыргызстана до последней возможности не ставили перед Верховным Советом вопрос о введении национальной валюты, хотя обстановка диктовала необходимость принятия практических мер в этом направлении. Дело ускорили состояние экономики республики, поиски путей выхода из экономического кризиса, разработка стратегии и тактики проведения экономических реформ. Анализ всего этого комплекса вопросов приводил к выводу о необходимости введения национальной валюты. Следует заметить, что большую роль в этом сыграли настояния Международного валютного фонда.

Даже короткий взгляд на положение дел в экономике уже дает наглядное представление о том глубоком кризисе, который явился следствием неподготовленного перехода к рынку, когда неожиданная и непродуманная, навязанная нам Россией либерализация цен в условиях тогда еще монополистической государственной экономики завела нас в тупик.

Уже на начало 1993 г. объем валового внутреннего продукта уменьшился на 15 проц., произведенный национальный доход — 19. Дефицит республиканского бюджета достиг 12 проц. к валовому внутреннему продукту. Объем

промышленного производства за 1992 год упал почти на 27 проц., в сельском хозяйстве — на 5, а в животноводстве спад составил 8 проц.

Практически все отрасли народного хозяйства не смогли избежать сокращения производства, но особенно критическое положение сложилось на транспорте и в капитальном строительстве. Резко снизился уровень жизни населения, т. к. темпы роста номинальных денежных доходов населения отставали от роста потребительских цен в среднем в 3 раза. Первый квартал 1993 г. не изменил положения: кризисные процессы в экономике продолжались. Как подчеркнул в своем выступлении на сессии Верховного Совета 3 мая 1993 г. Президент Республики А. Акаев: «Мы имеем дело с картиной, характеризующей глубокий экономический кризис, обнищание основной массы населения. Картина страшная и весьма нелюбезная...»

Выведенная из контекста всех других мер рыночных экономических реформ: разгосударствления и приватизации, демонополизации и создания конкурентной среды, банковских и иных финансовых институтов, механизма социальной поддержки населения, предпринятая российским правительством либерализация цен породила неуправляемую инфляцию во всей рублевой зоне. Если в сентябре-декабре 1992 г. среднемесячная инфляция составила 25 процентов, то уже в первом квартале 1993 г. она достигла 36.

Ни одно из государств рублевой зоны не смогло избежать крупных потерь, вызванных такого характера либерализацией цен. Кыргызстан же, лишенный достаточно крупных ресурсов, имеющих выход на международный рынок, был не в состоянии проводить сколько-нибудь эффективную антиинфляционную политику и попал в полную финансовую зависимость от России с ее печатным денежным станком. Не имея реальной экономической самостоятельности и важнейшего ее инструмента — национальной валюты, мы ничего не можем противопоставить

угрозе гиперинфляции со всеми ее взрывоопасными экономическими, политическими и социальными последствиями.

И даже в этих условиях Президент и Правительство Республики, понимая, что одному Кыргызстану придется испытать огромные трудности при выходе из кризиса, до последней возможности старались сохранить Кыргызстан в рублевой зоне. И только когда очередные проинфляционные акции руководства России поставили Республику перед реальной возможностью нового взрыва цен и угрозой гиперинфляции, Президент и Правительство 3 мая 1993 г. внесли в Верховный Совет Кыргызстана предложение ввести национальную валюту. К тому же Международный валютный фонд гарантировал материальное обеспечение кыргызских денег.

После тщательного обсуждения в Парламенте предложение было принято: 211 депутатов проголосовали «за», 41 — «против», воздержалось 28. Верховный Совет образовал специальный Комитет для практического осуществления принятого решения. 10 мая 1993 г. национальная валюта Кыргызстана получила права гражданства.

Шедевры искусства в миниатюре

Денежные знаки государств — это настоящие шедевры изобразительного искусства. Чем украшают их? Как правило, на ассигнациях изображают герб, портрет главы государства или знаменитого соотечественника, памятник старины, характерный для страны пейзаж. На советских деньгах обычно помещали портрет Ленина, рабочего и крестьянина. На английских банкнотах мы видим женщину с копьем в руках, водяной знак — Британию — женщину в греческом шлеме, святого Георгия, поражающего копьем дракона, льва, который держит ключ с цепью.

На деньгах Греции — портреты великих философов, изображения богов и богинь, мифических героев, полководцев древности, сцены знаменитых морских сражений и сухопутных битв, руины храмов, боевые колесницы, многовесельные корабли. На одной из датских банкнот портрет знакомого нам с детства сказочника Ганса Андерсена, на другой — портрет знаменитого скульптора Торвальдсена. На банковских билетах Индии изображена колонна с тремя стилизованными фигурами львов, текст напечатан на семи-восьми языках населяющих страну народов. Рисунки изображают главным образом представителей животного мира. Изображения женских головок неизменно присутствует на деньгах Италии. На всех канадских банкнотах выпуска 1954 г. есть портрет английской королевы Елизаветы II и пейзажи. На каждой из купюр США находятся портреты выдающихся государственных деятелей — президентов Вашингтона, Джефферсона, Линкольна и других. Швейцарские деньги отличаются разнообразными рисунками: люди труда, прославленные деятели, красивые цветы, а на банкноте в 1000 франков выпуска 1954 г. изображен «Танец смерти». Смерть в темном плаще стремится к старцу, уносит юношу, вальсирует с девушкой.

Жизнь денежному знаку дает художник, который делает эскиз, гравёр переносит его на металл, по готовому клише начинают печатать. Сейчас работникам монетных дворов помогают умные компьютеры, но все равно очень непросто сделать миниатюрную многоцветную гравюру так, чтобы ни один штрих рисунка не слился с другим, чтобы все линии были четкими, а красочные тона — чистыми и яркими.

Специальная сетка, рисунок, тонкость перехода цветов, чистая печать, водяные знаки делают деньги не только произведениями искусства, но и трудными для подделки. Увы... Несмотря на то, что в древнем Риме раба-подделывателя умерщвляли, а римского гражданина отдавали на съедение

диким зверям, что на Руси фальшивомонетчикам заливали горло раскаленным оловом, отсекали ноги и руки, страшные наказания ждали их и в других странах, — несмотря на все эти страхи, деньги подделывали и, к сожалению, подделывают сейчас.

Когда думали над тем, как могли выглядеть кыргызские деньги, то сразу же приходила мысль о «Манасе» — кыргызском народном эпосе, который занимает особое место среди памятников древней эпической поэзии народов мира. На протяжении десяти веков он был не только источником знаний, но и вдохновлял, согревал народ. Аксакалы вспоминают, как в горький для кыргызов 1916 г., так и в последующие годы, когда голод свирепствовал в Иссык-Кульской и Нарынской областях, в Чуйской долине, люди стекались послушать бродячих певцов — ырчы, как теплели их сердца при исполнении отрывков из эпосов «Курманбек» и «Семетей», вечной книги «Манас». Живая вода, взятая из этих животворных источников, оживляла мечты народа, волю и веру в счастливое будущее....

Думается, изображение Манаса на национальной валюте стало еще одним свидетельством почтения к бессмертному эпосу, как и репродукция цветной фотографии Гумбеза Манаса. Всегда будет напоминать об истории Кыргызстана изображение на деньгах уникального памятника истории и архитектуры Кыргызстана второй половины X века — башни Бурана. Это было время наибольшего расцвета государства Караханидов и одной из его столиц — Баласагуна, на территории которого и стоит сохранившаяся башня. Сам минарет, видимо, входил в комплекс Джумамечети, уничтоженной временем. Его облик неоднократно запечатлен на различных значках, медалях и сувенирах.

Не менее интересен и ансамбль Узгенского архитектурного комплекса XI—XII веков — минарет и три мавзолея. Сам Узген был в то время южной столицей Караханидского государства и переживал период большого культурно-

политического подъема. Предполагается, что в Среднем, наиболее раннем по постройке, мавзолее похоронен основатель династии Наср ибн Али, в Северном — Хасан ибн Хусейн ибн Али. Имя человека, прах которого покоится в Южном мавзолее, неизвестно, однако на терракотовой плите сохранилась дата возведения мавзолея — 1187 г. Захоронения внутри мавзолеев и рядом с ними продолжались до позднего средневековья, а сами они обрели ореол святости, который сохраняется мусульманами по сей день.

В одном ряду с ним стоит и Таш-Рабат — один из редких каменных памятников древней среднеазиатской архитектуры, среди которых он выделяется размерами и сложностью композиции. Долгое время ученые считали его караван-сарая XV века. Однако исследования последних лет относят его к X—XI векам и ставят под сомнение назначение сооружения: быть может, это жилище монастырского типа или, скорее всего, здесь располагалось укрепление на пути между югом и севером Караханидского государства. Таш-Рабат построен пришлыми мастерами в традициях раннесредневековой среднеазиатской архитектуры. За 300—400 лет существования ни разу не ремонтировался.

Мавзолей Шах-Фазиль — замечательный памятник средневекового зодчества — тоже заслуживает быть украшением национальной валюты, как и другой шедевр мусульманской культовой архитектуры XVIII века — мавзолей Асаф ибн Бурхия, построенный у подножия Сулейман-горы в Оше на месте более раннего сооружения. В его кладке использовались кирпичи саманидского времени, эпохи Караханидов, монгольского и послемонгольского времени. Сам Асаф ибн Бурхия был, по преданию, визирем пророка Сулеймана и завещал похоронить себя у подножия святой горы. Не исключено, что художников, работающих над эскизами новых кыргызских денег, вдохновляли также наскальные композиции в Араване, которые датируются III—II веками до нашей эры. Здесь, у подножия скалы, со временем

появился мазар — почитались не только рисунки, но и сама скала и деревья...

Имя Махмуда Кашгарского, составителя древнейшего, первого в мире «Словаря тюркских наречий», обычно произносится рядом с другим именем — именем Юсуфа Баласагунского, создавшего величественную поэму «Благодатное знание», первое произведение такого рода на тюркском языке. Теперь историки твердо говорят, что они стояли у самых истоков письменной кыргызской литературы, коей насчитывается целых девять веков, а не каких-нибудь там семь /или того меньше/ десятилетий, как считалось совсем недавно.

Истинным украшением национальных денег стали их изображения. Юсуф Баласагунский писал, что слово тюрков паслось оленем нагорным, а он приручил его, сделал покорным. Выдающийся поэт, высокообразованный, гуманный человек, он вошел в историю как основоположник тюркской классической литературы. Свою поэму «Благодатное знание» Юсуф Баласагунский преподнес караханидскому правителю Табгач-Богра-Карахану, за что получил высокий придворный чин, соответствующий министру императорского двора.

Видным представителем кыргызского народа являются Боромбай Бекмуратов, Байтик Канаев и Шабдан Джантаев, которые в народной памяти остались дальновидными политиками, наделенными поистине государственным умом. Известный манап племени бугу Б. Бекмуратов, когда во второй четверти XIX в. усилились междоусобные раздоры, стал искать защиту вначале у китайских властей, а потом — у России. Склоняя бугинцев к российскому подданству, он надеялся освободить народ от кокандского ига, предупредить агрессию со стороны Китая, избежать межфеодальных и родоплеменных смут.

Верховный манап северокрыргызского племени солто батыр Байтик Канаев сыграл большую роль в сближении

кыргызов с Россией. В 1867 г. в качестве представителя племени саяк, сарыбагыш и других он в составе посольства туркестанских народов ездил в Москву и Санкт-Петербург, имел чин капитана российской армии, награжден Большой золотой медалью на Анненской ленте и орденом Станислава III степени. Неподалеку от Бишкека сохранился гумбез, где похоронен манап, а село Орто-Алыш, где он родился, переименовано в айыл Байтик.

Шабдан Джантаев, верховный манап племени сарыбагыш, начал политическую карьеру с борьбы против кокандского ига в Северном Кыргызстане. Он принимал активное участие в завоевании царскими войсками Алая, за что ему присваивается звание войскового старшины милиции, что соответствовало чину полковника. Позже Шабдан назначается помощником Пишпекского уездного начальника, удостоивается царских наград и ценных подарков. Принимал участие в коронации Александра III. Ведая делами чрезвычайных съездов биев и третейских судей, старался быть объективным в судебных разбирательствах, не допускать межродовых усобиц. У себя на родине, в Кемине, основал школу, пригласив на свои средства учителей. Современники не раз отмечали его щедрость и гостеприимство. Конечно же, Б. Бекмуратов, Б. Канаев и Ш. Джантаев были людьми широкого размаха, не без недостатков, однако то, что память о них долго живет в народе, дает им право быть запечатленными на кыргызских деньгах.

Истинным украшением национальных денег стала репродукция с последней фотографии выдающейся представительницы кыргызского народа, «алайской царицы», как ее называли при жизни, Курманджан-датхи (1811–1907 гг.). Женщина, впервые в истории Кыргызстана и Казахстана, Кокандского ханства и Бухарского эмирата ставшая общепризнанной родопрavitельницей, вершителем судеб воинственных алайских кыргызов, отныне заняла свое место

на миниатюрных шедеврах рядом со своими знаменитыми предками и современниками.

Много доводов можно привести для того, чтобы объяснить появление портрета Касыма Тыныстанова на одной из новых ассигнаций: первый кыргызский профессор, автор первых учебников по кыргызскому языку, один из основоположников национальной письменной литературы, он был председателем Академического центра КАО, наркомом просвещения, ответственным редактором журнала «Жаны маданият жолунда», научным сотрудником, заведующим отделом кыргызского языка, директором Научно-исследовательского института кыргызского языка и письменности, доцентом, а затем и профессором пединститута.

К. Тыныстанов активно занимался научно-организационной и просветительской деятельностью, плодотворно сотрудничал в местных газетах и журналах. В 1925 г. в Москве на казахском и кыргызском языках вышел первый его стихотворный сборник, им же создан драматический цикл «Академические вечера». Он автор фундаментальных трудов по грамматике кыргызского языка, инициатор и один из организаторов перевода национальной письменности с арабского на латинскую графику.

К. Тыныстанов неоднократно исключался из ВКПб за «националистическую» деятельность. 1 августа 1937 г. арестован одновременно со своим коллегой, крупнейшим лингвистом современности Е. Д. Поливановым, осужден и расстрелян как враг народа. Реабилитирован в 1958 г. В историю он вошел как выдающийся научный деятель, талантливый поэт и драматург, видный общественный деятель.

Муратбек Рыскулов — выдающийся актер кыргызского театра и кино. С первых шагов, еще в 1936 г., ему сопутствовал успех. Широкую известность принесла актеру шекспировская комедия «Двенадцатая ночь», в полную силу развернулось его дарование в гоголевском «Ревизоре».

Обладая редчайшим даром перевоплощения, он был одинаково правдив как в глубоко трагической роли Отелло, так и в роли благородного Акылбека («Судьба отца»). Когда в Англии отмечалось 350-летие со дня рождения Шекспира, зрителей Лондонского театра восхитил кыргыз Рыскулов, выступивший с монологом короля Лира. Всемирную известность актер обрел и благодаря киноэкрану.

Он был подлинным интернационалистом. Делая все от него зависящее для прославления своей нации, М. Рыскулов вместе с тем с глубоким уважением относился к представителям других национальностей. Среди его настоящих друзей были русские, украинцы, узбеки, дунгане и многие другие, которые вместе с ним служили великому делу — кыргызскому искусству. Думается, каждому приятно будет взять в руки сом с его изображением.

Огромным признанием народа пользовалась и известная балерина Бюбюсара Бейшеналиева. Маленькой девочкой приехавшая в Ленинградское хореографическое училище, она всей душой отдалась балету. Ее творческий дебют состоялся в 1939 г., когда в Москве проходила Декада кыргызского искусства и литературы. На сцене знаменитого Большого театра вместе с прославленными мастерами выступали девочки-кыргызки, и среди них заметно выделялась пластичностью и легкостью 13-летняя Бюбюсара.

Удачей балерины явилась роль юной красавицы в балете «Чолпон». Высоким творческим достижением стала для нее партия Раймонды в одноименном балете. После этой роли за молодой актрисой закрепилась слава лучшей балерины кыргызского балета, которая не покидала ее всю жизнь. В золотой фонд вписаны сыгранные ею роли в «Бахчисарайском фонтане», «Лебедином озере», «Красном маке». Позже она замечательно танцевала в балетах «Доктор Айболит», «Весна Ала-Тоо», «Под небом Италии», «Спящая красавица». Она постоянно выступала во дворцах культуры, клубах, на полевых станах, на отдаленных

пастбищах, в театрах других республик. Бюбюсара с успехом снималась в кино. Ее труд высоко оценен: она была награждена орденами и медалями, ее именем назван один из вузов, улица в Бишкеке.

Б. Бейшеналиева, без сомнения, правомерно украсила одну из ассигнаций новой валюты, как и изображение Кыргызского Государственного театра и оперы и балета имени А. Малдыбаева, где она работала. Его здание вписалось в ансамбль зданий Театральной площади, являясь выразительным памятником строительной и художественной культуры конца 40-х — начала 50-х гг.

Особое место в жизни кыргызского народа занимает Токтогул Сатылганнов, наиболее яркий представитель демократического направления кыргызской поэзии, акын и композитор. Уже в 15 лет он был широко известен как сложившийся поэт и музыкант. Чем старше становился Токтогул, тем четче и глубже звучали в его творчестве обличительные мотивы бесправия, нужды народа. Манапы организуют донос, и приговоренный к смертной казни акын, после изменения приговора, оказывается в ссылке. Здесь и сформировался новый Токтогул с широким пониманием жизни народов многонациональной России.

Лишь третий побег с каторги удался. Три года скрывался он в Таласе, но манапы, враги Токтогула, вновь добиваются его ареста. Тогда на защиту любимого акына поднялся народ. Ученики его — Эшмамбет, Калык Акиев ездили по аилам, собирая средства на выкуп. Был создан народный фонд, написано прошение губернатору, и через шесть месяцев Токтогула освободили из тюрьмы.

Вокруг него собираются прославленные акыны. Среди них Эшмамбет, Калык Акиев, Барпы Алыкулов и Алыкул Усенбаев, которые учились у него поэтическому мастерству и несли его песни в народ. Токтогул становится в полном смысле учителем жизни. Кыргызский народ высоко чтит своего акына как подлинного патриота, как человека,

который своим талантом внес огромный вклад в развитие нации. Его бессмертные песни и мелодии будут всегда вдохновлять кыргызов на новые свершения во имя будущего своей отчизны.

В республике много мест, связанных с именем любимого акына, и среди них — Токтогульская ГЭС — уникальное сооружение такого рода в Кыргызстане. В 1979 г., после сдачи в эксплуатацию ЛЭП-500, произошло объединение энергосистем севера и юга республики, замкнулось кольцо объединенной энергосистемы Средней Азии. И сам Токтогул, и гидроэлектростанция, названная его именем, стали достойными символами Кыргызстана на новых денежных знаках.

Среди классиков кыргызской поэзии мы чтим Тоголок Молдо (Байымбета Абдрахманова), портрет которого так и просился на новые денежные ассигнации. За грамотность, умение вести долгими часами беседы, за коренастую фигуру акыну дали прозвище Тоголок Молдо, которое стало псевдонимом на всю жизнь. С ним он навсегда вошел в историю. Огромное влияние на творчество Молдо наложило само время: присоединение Кыргызстана к России, проникновение в жизнь кочевых племен российской и западно-европейской культуры, революция 1905–1907 гг., которая всколыхнула не только центральные районы, но и далекие окраины. В эти годы наблюдается наибольший подъем волнений против байско-манапского и колонизаторского засилья, что находит отражение во многих произведениях акына.

Тоголок Молдо с уважением относился к прошлому народа. В древних сказаниях и легендах он черпал образцы мужества, патриотизма, непримиримой борьбы с врагами за свою независимость и свободу. В этом плане интересен его вариант «Манаса», в котором с большой любовью описываются подвиги легендарного героя. Но Тоголок Молдо не идеализировал старину, резко выступал против

родоплеменных раздоров, которые наносили огромный урон и без того разобщенным кыргызам. В повествовании «Деление родов» он с болью в сердце говорил о том, что вражда, кроме страданий и горя, ничего народу не дает.

Несомненно, огромную роль в творчестве Тоголока Молдо сыграл Токтогул, после знакомства с которым в стихах прилежного ученика резко обозначились социальные мотивы, они стали более содержательными, мужественными. Умер он в январе 1942 г. На склоне лет поэт писал:

Твой дар оценен, Байымбет!
Возрадуйся, старик-поэт!
Ты видишь, как родной народ
Почтил тебя на склоне лет...

Да, это так, и поэтому понятным становится появление его портрета на национальной валюте. Не остались в тени и другие выдающиеся личности, такие, как манасчи Сагымбай Орозбаков и Саякбай Каралаев, сказители величественного эпоса «Манас». Сагымбай рос в семье, которая глубоко почитала и знала не только эпос «Манас», но и другие сказания и легенды, обрядовые песни. Он с малых лет обучался письму и чтению у узбекских мулл.

В двадцать лет к Сагымбаю пришла настоящая слава, он стал для всех желанным, уважаемым гостем, в совершенстве владел всеми жанрами устной поэзии. Кыргызы, слушая «Манас» в его исполнении, восхищались необычным красноречием, отшлифованными оборотами, искусством импровизации. В его творчестве тесно переплетались современные мотивы и наследие предшествующих поколений народных сказителей. С 1922 по 1926 г. с его слов записано более 180 тысяч строк только первой части трилогии «Манаса».

Практически всю жизнь не переставал заниматься изучением эпоса, сказаний и легенд и Саякбай Каралаев, учителями которого были знаменитые акыны Суранчи,

Акылбек и особенно опытный Чоуке Омур уулу. Приняв эстафету, Каралаев стал непревзойденным сказителем «Манаса», со слов которого записано свыше полумиллиона строк, по свидетельству же современников, он знал миллион строк, талантливо исполнял и другие эпические поэмы, в том числе «Эр-Тоштюк». Им создан ряд поэтических произведений: «Повесть о беркуте», «Охотник Томор», «Пернатые», где нашли отражение лучшие традиции устного народного творчества.

Саякбай Каралаев обладал широким интеллектом, феноменальной памятью, колоссальной фантазией и незаурядным артистическим талантом. О том, как воспринимали его исполнение, говорит такой факт. В 1964 г. в Москве проходил VII Всемирный конгресс по антропологическим наукам. На нем присутствовали представители 60 стран мира. Каралаев выступил там с отдельными импровизациями эпоса «Манас». Все слушали с огромным вниманием, хотя никто не знал кыргызского языка, следили за каждым его словом, движением, жестом, а когда он закончил, разразились бурными аплодисментами. Выдающийся казахский писатель Мухтар Ауэзов назвал его современным Гомером, рапсодом XX века, который являл собой яркую страницу в истории человеческой культуры.

Конечно же, рассказ о шедеврах в миниатюре был бы неполным, если бы мы не упомянули деньги с изображением уникальных животных, которые водятся в Кыргызстане, а первым среди них — знаменитого снежного барса. На этих красивых животных в основном охотятся опытные звероловы зообаз, которые ловят их живьем и отправляют в зоопарки ближнего и дальнего зарубежья. Однако охота на барса-илбирса связана с огромными трудностями и неожиданностями, потому что он очень скрытен, осторожен и обитает высоко в горах, в местах глухих и диких. Сила, кошачья ловкость и точность прыжков дают

ему преимущество в состязании с любым зверем, даже с козерогами и архарами.

Охота с беркутом — древнее традиционное занятие кыргызов. И сейчас еще во дворе дома, возле юрты можно увидеть эту гордую птицу, сидящую на мощной коряге. Она ждет своего часа, когда на заснеженные просторы выедут беркутчи, и загонщики, обнаружив лису, сорвут с головы птицы колпачок и подбросят ее. Мощные крылья (а размах их достигает двух-двух с половиной метров) быстро набирают высоту, еще несколько взмахов, и беркут бросается за лисицей, со свистом рассекая морозный воздух. Десятки лис за сезон берет один беркут. С ним охотятся и на зайцев, сурков, кекеликов, косуль и молодых волков. Птенцов этих птиц нередко забирают из гнезда для дрессировки, что ставит в опасность существование вида. Теперь в Кыргызстане ловчих птиц размножают в неволе. Первые результаты работы питомника на Иссык-Куле обнадеживают.

Своеобразным символом нашего края является архар, горный баран, изображение головы которого с мощными закрученными рогами мы часто видим на марках, значках и открытках. Во время боев эти животные сшибаются лбами, и резкие звуки разносятся далеко окрест. Рога у самцов растут всю жизнь, и к концу достигают почти полуметровой длины. Они-то и стали причиной неумеренного преследования их человеком, что сделало архара редкостью. Только вдоль границы с Китаем еще сохранились многочисленные стада. Тяньшанский и памирский — два подвида их обитает в Кыргызстане. Первый, распространенный севернее широты Нарына, внесен в Красную книгу СНГ и Кыргызстана.

Истинным украшением новых денежных знаков является изображение благородного оленя, или марала. Это животное испокон веков почиталось в Кыргызстане, а один

из родов даже стал называться бугинцами. Бугу — это самец, украшенный рогами, которые предназначены для турнирных боев, не для убийств. Очень редко, как исключение, рога вырастают у олених, но за это они расплачиваются бесплодием. В повести Ч. Айтматова «Белый пароход» волшебная мать-олениха украшена развесистыми, будто сучья осенних деревьев, рогами.

Как видим, фольклорная традиция наделяла самок оленья рогами не только из стремления по-особому выделить их: за вымыслом скрывается реальность. Еще в начале нынешнего столетия ареал марала на Тянь-Шане почти совпадал с ареалом ели. Теперь олень повсеместно исчез и остался лишь в ельниках верховьев реки Нарын, где создан специальный заповедник. Его изображение на деньгах должно всякий раз напоминать нам о том, что это животное внесено в Красную книгу, что о выживании его следует проявлять особую заботу.

Новые деньги — надежды и проблемы

Жаркие споры о введении национальной валюты в основном отгремели, однако обмен мнениями будет продолжаться еще очень долго, хотя многим понятно, что новые деньги появились не по чьей-то злой воле, а есть мера вынужденная, вызванная целым комплексом обстоятельств. Другое дело, что не был достаточно хорошо отработан механизм введения новых денег, а сам этот факт детально не согласован с партнерами по рублевой зоне. Сегодня надо трезво взвесить все плюсы и минусы для того, чтобы осуществить экономические, социальные и организационные мероприятия, которые стимулировали бы дееспособность национальной валюты, укрепили бы доверие к ней хозяйственных субъектов, населения и зарубежных партнеров. Итак, еще раз поставим ряд вопросов и постараемся ответить на них.

1. Какие цели преследовало введение национальной валюты в условиях экономического кризиса и свирепствующей гиперинфляции, распада некогда единого экономического пространства? В условиях, когда есть самостоятельные, политически независимые новые государства, экономика которых находится в состоянии депрессии.

Первая. Уйти от зависимости рублевой зоны, от российского печатного станка и обеспечить себя наличными средствами.

Вторая. Оградить Кыргызстан от общих инфляционных процессов и вести такую независимую финансово-кредитную и ценовую политику, политику в области труда и заработной платы, которая бы постоянно стимулировала производство.

Третья. Содействовать тому, чтобы республика стала жить по «заработанным средствам» и своим возможностям, реализовала бы свой путь к выживанию, а в дальнейшем — к процветанию.

2. В какой же мере эти цели будут реализованы с введением национальной валюты — сомов?

Зависимость от России в эмиссии денег, в обеспечении наличными средствами будет ликвидирована. Однако национальная валюта неконвертируема и может обращаться только в республике, к тому же она не имеет товарного обеспечения, чтобы стать твердой. Те 400 млн. американских долларов, которые занимают нам зарубежные «доноры», на какое-то время обеспечат уверенность сома, однако часть долларов уходит из республики в качестве расчетов с зарубежными поставщиками. Нужно будет постоянно пополнять республиканскую копилку, и опять в долг. До каких же пор?

Это хорошо, что кредиты льготные, с отсрочкой платежей, что дает возможность с некоторым облегчением проводить реформы, но использовать их надо именно

на реальное оживление экономики, да и залезать в долги следует с умом: нельзя делать заложниками наших детей и внуков. Реальная твердость национальной валюты может быть обеспечена только приличным состоянием экономики республики, ее ресурсами и возможностями.

Понятно, что у России больше ресурсов и возможностей быстрее сделать рубль твердым. Сегодня у нее тоже нет должного товарного обеспечения денег, но есть резервы, чтобы быстрее, чем мы, достичь этого. Если же следовать нашему примеру обеспечения твердости валюты-рубля за счет долларовых займов, то и это Россия может сделать надежнее. Огромная страна тяжело и медленно раскачивается в борьбе с инфляцией, но когда соберется с силами, то сокращение и ликвидация инфляции будут масштабными, а набранная скорость значительной. Вряд ли сегодня, а тем более завтра, сом будет весомее рубля.

С введением новой валюты, может быть, удастся смягчить влияние российских инфляционных процессов на экономику республики, однако полностью избавиться от этого невозможно, потому что причина инфляции не в самих национальных валютах, а в состоянии экономики. Известно, состояние экономики Кыргызстана не лучше России, более того, республика ввозит оттуда многие товары и средства производства, следовательно, опосредованное влияние рубля на величину национальной валюты, на экономическую политику в целом, а в частности, на ценовую, все равно остается. Альтернативного партнера у нас просто нет. Россия объективно быстрее одолеет инфляционные процессы. Мы же, не ликвидировав, а только замедлив инфляционное влияние рубля на экономику, продлеваем, к сожалению, инфляционные процессы и позже, чем Россия, выйдем как из финансового, так и из экономического кризиса.

Еще один важный момент: какова же будет величина сома в отношении к рублю, доллару и другим иностранным валютам?

Курс сома к рублю определен как 1:200. Внутри республики этот «номер» пройдет. Но согласится ли Россия при взаиморасчетах на такое соотношение? А если она на своей территории установит соотношение — один рубль будет приравнен 1000 сомов или вообще откажется от рублевых и сомовых платежей? Будем ли мы с вводом сомов ориентироваться на уровень мировых цен ресурсов, продуктов, товаров, средств производства? Если так, то в какой мере производительность и качество труда соответствуют мировым стандартам и в какой мере наши продукты конкурентоспособны, и купят ли их?

Или будут цены внутреннего потребления и цены экспортные? Или, импортируя по мировым ценам (или близким к ним), мы будем экспортировать по гораздо более низким ценам и увеличивать внешнеэкономический дефицит, практически не зарабатывая валюту, а еще больше влезая в долги?..

Разумеется, содержимое сома по отношению к более сильным валютам других государств, а тем более к конвертируемым валютам, заставит нас жить по заработанным средствам, искать пути собственного спасения, ограничивая ввоз, создавая модель автономного экономического жизнеобеспечения. А этот процесс сегодня связан с дальнейшим обреченным падением производства, что вкупе с нищенским товарным обеспечением обусловят ничтожное содержание сома.

Как видим, ни одна из целей, связанных с вводом национальной валюты, не достигается полностью и не дает положительного эффекта.

3. К каким же негативным последствиям может привести введение национальной валюты?

²² Том V. В. М. Плоских

Во-первых, к дальнейшему распаду экономических связей с Россией и другими бывшими республиками Союза. Сократятся поставки средств производства (машин, топливно-энергетических материалов, металла, лесных и других строительных материалов, удобрений и т. п. и т. д.), товаров народного потребления и продовольствия. На сомы их продавать не будут, как и на рубли, а также на другие локальные национальные валюты. Торговля пойдет на конвертируемую валюту по мировым ценам.

Россия может не поставлять продукты ни на сомы (они ей не нужны), ни на «советские» рубли, так как у нее есть свои деньги. Отсюда собранные наши в процессе обмена на сомы «советские» рубли осядут у нас. Раскошелиться будем на СКВ. Россия, в конце концов, может отказаться от того, что от нас получает, быстрее, чем мы найдем других партнеров. Мы же отказаться от ее услуг не можем, — это реальность.

Понятно, что возможности наши ограничены. В результате усилится спад производства, и без того уже внушительный, углубится экономический кризис. Возможности товарного обеспечения национальной валюты не увеличатся, а резко сократятся. И это при том, что они крайне скудны: нормального товарного обеспечения новых наших денег просто нет.

Можно, конечно, содержимое национальной валюты обеспечить СКВ, однако мы ее в достаточном количестве не заработаем. Придется брать в долг. Но можно ли, не накладно ли постоянно поддерживать сом СКВ, взятой у доброго дяди? Ведь поставки и приобретение нужных нам товаров — не однократный, а постоянно повторяющийся и возобновляющийся процесс. Значит, все время будем одалживать СКВ, а эта валюта постоянно будет уходить к поставщикам, партнерам республики. Размеры долгов увеличатся, и тут же приходит мысль:

кто их даст? Пока же мы гораздо больше покупаем, чем продаем на СКВ.

Во-вторых, дальнейший спад производства, его усиление обязательно приведут к росту безработицы. Для Кыргызстана, который отличается высокой рождаемостью и избыточностью трудовых ресурсов, это одна из взрывоопасных проблем. К тому же спад производства, сокращение рабочих мест усилят эмиграционный поток.

В-третьих, спад производства и безработица обусловят дальнейшее снижение уровня жизни населения. Все это, как говорится, добавочные «эффекты» введения национальной валюты, которая, очевидно, так и будет поддерживаться взятой в долг СКВ.

4. На какие цели и в каких размерах нужна СКВ?

Во-первых, для расчетов с поставщиками машин, оборудования, сырья и материалов, топливно-энергетического сырья, товаров народного потребления из ближнего и дальнего зарубежья.

Во-вторых, для обеспечения населения свободно конвертируемой валютой, в целях общения людей в масштабе бывшего Союза, ибо стремление людей к общению неистребимо.

В-третьих, для скупки национальных валют стран дальнего и ближнего зарубежья.

В-четвертых (и это самое важное): не сом оживит, в конечном счете, экономику, а структурная перестройка, которая нуждается в твердом и обильном финансировании. Если все это предусмотреть, то в какую сумму выльется долг и кто даст займы? Какую сумму и за счет каких источников мы можем покрыть сами?

5. Неизбежным ли было введение национальной валюты? Была ли альтернатива?

С вводом новых российских денег, которые, возможно, станут национальной валютой или переходным к ней валютным средством, ограничением выдачи «советских»

рублей и ростом цен их продажи, с вводом готовых денег в других республиках бывшего Союза введение собственной валюты, может быть, стало неизбежностью. Хотя за нее придется расплачиваться указанными выше очень нежелательными экономическими, социальными и политическими последствиями.

Была ли альтернатива? Да, была, если вступить в конфедеративные отношения с Россией, с которой у нас еще сохраняются некоторые экономические связи, тесное военно-оборонительное сотрудничество, общее научное и культурное пространство, которые невозможно и преступно разрывать. Почему бы эти тесные в прошлом связи и политическое сотрудничество не замкнуть в нормальную конфедеративную форму отношений, предполагая и единую валюту с Россией? Понятно, что здесь одного желания Кыргызстана мало, нужна добрая воля партнера, который был бы заинтересован в добрососедских отношениях даже сейчас, при разных национальных валютах.

Новая и новейшая история не дают нам оснований с подозрительностью относиться к России, к русскому народу: симпатий, сострадания и взаимопомощи, даже при всех издержках в прошлом, было намного больше. И в Великой Отечественной войне на земле российской, как и на украинской и белорусской, пролита и кровь кыргызских сыновей. Уход от исторически обреченной коммунистической системы не должен подрывать добрые межнациональные, межгосударственные отношения. Ибо это было бы варварством, бегством от цивилизации.

6. Что делать, чтобы национальная валюта оправдала надежды и оживила экономику?

Во-первых, надо определить экономическую модель автономного жизнеобеспечения и в соответствии с ней начать глубокую структурную перестройку, усилить взаимодействие и взаимозависимость предприятий

и межотраслевые связи в самой республике; развить импортозамещающие производства и в соответствии с указанными мерами ограничить в пределах целесообразности поставки из других государств; развить экспортноориентированные производства и расширять экспортные возможности республики.

Во-вторых, необходимо освободить национальную валюту от долговой зависимости. Нужно достигать валютного обеспечения сома в СКВ, не одалживаясь, а найти реальные ресурсы и не закладывать, а продавать их. Полученная выгода станет реальным собственным валютным обеспечением национальной валюты в СКВ. Можно продать одно-два золотых месторождения, не землю, а именно месторождения до полной отработки и извлечения металла. Можно было бы сдать в долгосрочное пользование участки для туристических и санаторных комплексов. Вырученные валютные средства в СКВ можно было бы направить на глубокую структурную перестройку и соответственное развитие новых производств, обновление уже действующих, внедрение современных технологий; на приобретение и размещение за границей кыргызских предприятий; на поддержку негосударственного сектора экономики, социальной сферы — науки, образования и здравоохранения; на валютное обеспечение сома в СКВ; на создание резервного фонда в СКВ. Определенную часть из этих средств можно включить в разработку проданных или сданных в аренду природных ресурсов и совместно с покупателем или арендатором выступить в роли «производительного функционера» и получить от производительного вложения, помимо уже полученной выручки за продажу, добавочный, «отраженный» эффект.

Неправильно думает тот, кто введение сома объясняет требованиями зарубежных спонсоров, которые в противном случае отказываются предоставлять займы. Они,

мол, диктуют, как должна осуществляться приватизация, какую форму общественного устройства и какой путь развития должны избрать мы. Получается, что мы влезает не только в долговую кабалу, но и в политическую, экономическую, лишаясь свободы выбора путей развития. Это не соответствует действительности.

В-третьих, отработать и задействовать экономические, правовые и организационные механизмы, способствующие росту производства, конкурентной среды созданием дублирующих предприятий разных форм собственности, чтобы повысить товарную обеспеченность национальной валюты. Твердость ее только на начальном периоде должна обеспечиваться СКВ, а в дальнейшем — в основном товарами собственного производства. Когда внутренний рынок будет насыщен ими, когда они будут экспортироваться и успешно конкурировать на мировом рынке, зарабатывая валюту в СКВ, вот тогда сом будет весомым, «твердым» и конвертируемым.

В-четвертых, один из серьезнейших вопросов, связанных с переходом на сомы, — это определение уровня цен и заработной платы. Если автоматически, исходя из соотношения сома и рубля, будут скорректированы цены и заработная плата, то в основание новой денежно-кредитной политики также автоматически будут заложены неплатежеспособное производство, неплатежеспособный спрос населения, а отсюда — политика дотаций, или самовзрывающаяся инфляционная мина, правда, чуть замедленного действия. Необходимо серьезно поработать над уровнем цен и заработной платы, которые должны стимулировать рост производительности труда и производства, и в то же время не держать во взаимной ценовой кабале предприятия, а уровень заработной платы должен в целом обеспечивать платежеспособность населения.

Сохранение сложившегося инфляционного соотношения цен и заработной платы влекут за собой антисоциальную политику. В самом отправном пункте целесообразно предусмотреть социальную надежду. Если цены на внутреннем рынке можно, скажем, перевести в сомы в принятом соотношении сома к рублю, то этого нельзя сделать при переводе заработной платы в сомы, ибо зарплата вынужденно индексировалась вслед за ростом цен, при этом с весьма существенным отставанием в темпах.

В-пятых, навести порядок и дисциплину в экономике, стимулировать производство, потому что только в этом и заключается надежный гарант твердости национальной валюты.

Проанализировав все возможные последствия введения национальной валюты, можно сделать следующий вывод: шаг этот вынужденный в данный момент. Нас ждут трудные времена, полные борьбы за выживание, которая, может быть, искоренит в нас психологию иждивенчества, пробудит инстинкт самосохранения и сознание ответственности за свою судьбу. Претерпеть невзгоды и жить по средствам, работать и работать, накапливать ресурсы и капитал, в трудных условиях сохранить науку и образование, убедить население от болезней и крайних лишений, — вот то, на что мы должны настроиться.

Сом — не враг нам, а одно из средств борьбы за экономическое возрождение. Его эффективность зависит в конечном счете не только от Президента, Верховного Совета и Правительства республики, но и от того, как все мы, граждане республики, научимся работать и жить в новых условиях, от нашей психологии и осознанного понимания обстановки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Когда с легкой руки Н. С. Хрущева все мы устремились к окончательной реализации коммунистической идеи, некоторые горячие головы предлагали: зачем продавать товары за деньги? Давайте будем бесплатно раздавать продукты питания, одежду и прочие промышленные изделия, книги, широко распахнем двери театров и кино. Ведь у нас, в Советском Союзе, все что-то производят: шахтеры — уголь, металлурги — металл, колхозы и совхозы — мясо, молоко, фрукты, овощи и сырье для промышленности, текстильщики — ткани... Мечтая подобным образом, люди забывают, что одного их желаний мало, чтобы раздавать материальные и культурные блага без ограничений, независимо от результатов труда, нужно изобилие всего, в чем нуждаются люди.

Однако и этот тезис далек от истины. Заглянем, хотя бы по телевизору, в лавки и магазины одной из западных стран, — полки трещат от разнообразных товаров. Однако до коммунизма там далеко, как земле до неба, да и многие люди там в общем-то довольны тем строем, в котором живут. Они с удовольствием тратят заработанные деньги и даже в мыслях не собираются их проклинать, а тем более уничтожать, потому что деньги оказывают им самые разнообразные услуги.

Деньги сыграли громадную роль в развитии человечества, не меньшую, чем паровоз, железная дорога, телефон и компьютер. Они сберегли уйму труда и времени. Никакие самые совершенные машины не способны выполнять так много работы и сберечь человечеству столько сил, как бумажные ассигнации и металлические кружочки.

Деньги разделили труд между народами, способствовали развитию промышленности и сельского хозяйства, экономических и культурных связей между странами. Деньги освободили человека от привязанности к одному месту, дали ему возможность добывать духовную и материальную пищу везде, где есть возможность трудиться, обмениваться продуктами труда, торговать.

Но деньги не терпят неразумного обращения. Их нельзя печатать где-нибудь и как-нибудь. Люди старшего поколения помнят, что в первые годы советской власти так называемые деньги выпускались в Архангельске, Армавире, Баку, Ташкенте, Владикавказе, Екатеринбурге, Ижевске, Иркутске, Кашине, Киеве, Одессе и в других городах. На Украине, в Закавказье, в Сибири, где господствовали интервенты и белогвардейцы, делали деньги Деникин, Колчак и Врангель. Это были ничего не стоившие бумажки. Ходили вместо денег трамвайные книжки. Царские деньги — «николаевки», выпущенные Временным правительством деньги «думские» и «керенки», «разменные знаки», облигации «Займа свободы», разнообразные бонусы, чеки, временные кредитные билеты создавали неразбериху, не поддавались никакому контролю и регулированию.

Надо иметь в виду, что бумажные деньги сами по себе не имеют стоимости. Они должны обеспечиваться золотым запасом государства. Выпустить больше, чем лежит золота в банке, и деньги обесценятся, наступает инфляция. К примеру, во время Первой мировой войны немцы выпускали марку в огромном числе. Она настолько обесценилась, что считать деньги без математического образования было просто невозможно. За каждую пустяковую вещь платили миллиарды, и тогда выпустили банкноту в 50 000 000 000 марок. При обмене денег в 1924 году за одну новую марку брали такое количество старых, которое выразилось единицей с тридцатью (!) нулями. Такое же или примерно такое положение было в нашей стране в первые годы советской власти.

Будем же жить в надежде, что новой кыргызской валюте удастся избежать незавидной судьбы «керенок» и военной немецкой марки, но для этого устроители денежной реформы обязаны в самое ближайшее время позаботиться о золотом эквиваленте национальной валюты. Тогда она выстоит.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ И РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Атлас М. С.* Социалистическая денежная система. М., 1969.
2. *Горячева В. Д.* Город Золотого верблюда. (Краснореченское городище). Фрунзе, 1988.
3. *Горячева В. Д.* Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии (Бурана, Узгенд). Фрунзе, 1989.
4. *Давидович Е. А.* История денежного обращения средневековой Средней Азии. М., 1983.
5. *Давидович Е. А.* История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII в. Душанбе, 1964.
6. *Давидович Е. А.* Клады древних и средневековых монет Таджикистана. М., 1979.
7. *Зеймаль Е. В.* Древние монеты Таджикистана. М., 1989.
8. *Кочнев Б. Д.* Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. История материальной культуры Узбекистана. Ташкент, 1978—1990. Вып. 14—24.
9. *Кочнев Б. Д.* Новые нумизматические данные по истории Караханидов второй пол. XII — нач. XIII в. Киргизия при Караханидах Фрунзе, 1983.
10. *Кочнев Б. Д.* Чеканка монет на территории Киргизии в конце X — нач. XIII в. Культура и искусство Киргизии: Тезисы докладов на Всесоюзной научной конференции. Л., 1983. Вып. 2.
11. *Массон М. Е.* Неопубликованные монетные находки, зарегистрированные на территории Киргизской ССР до 1947 г. Труды ИЯЛИ Кирг. ФАН СССР. Фрунзе, 1948. Вып. 2.
12. *Мокрынин В., Плоских В.* Клады Кыргызстана: миф и реальность. Бишкек, 1992.
13. *Молошев А. И., Таранцев В. И., Смиренный И. Н.* Бумажные денежные знаки России и СССР. М. 1991.
14. *Настич В. Н.* Монетные находки с городища Красная Речка (1978—1985). Красная речка и Бурана. Фрунзе, 1989.

15. *Ртвеладзе Э. В., Дидаев Ш. Р.* Каталог древних монет Южного Узбекистана. Ташкент, 1970.
16. *Смирнова О. И.* Сводный каталог согдийских монет. М., 1981.
17. *Фальснер С.* Проблемы теории и практики денежного хозяйства. М., 1924.
18. *Федоров М. Н.* Два клада караханидских дирхемов середины XI в. из Киргизии. Нумизматика и эпиграфика. М.; Л., 1974. Вып. II.
19. *Федоров М. Н.* Нумизматика Средней Азии (учебное пособие для студентов исторического факультета). Фрунзе, 1978.
20. *Федоров М. Н.* Политическая история Караханидов в XII – нач. XIII вв. (Караханидские монеты как исторический источник). Нумизматика и эпиграфика. Т. XIV. М., 1984.

Публикуется по изданию:

Койчурев Т., Плоских В. В мире денег / под общей редакцией член-корр. НАН Кыргызстана доктора филос. наук А. Брудного. Бишкек, 1993. 64 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КЛАДЫ В КЫРГЫЗСТАНЕ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ	5
Люди и клады (вместо введения)	7

I. Сокровища минувших поколений	22
Знаменитые клады средней азии	22
Древнейшие клады Кыргызстана	42
Только в Семиречье	53
Золото на городской свалке	74
Сокровища «Чуйской царицы» (археологический детектив)	84
Реликвии великого шелкового пути	94
Дирхемы, дирхемы, дирхемы...	104
Загадка усто ахмада	123
(Клад гидростроителей токтогульской гэс)	123
Клад жалаулы и грабители «могильного золота»	131
Клады кыргызов	147
Сокровища Енисея	147
II. Сокровища мудрости	158
Последний дар Джами	187
Клады алфавитов и письмен	199
Одиссея курментинского клада	218
Феномен скупого рыцаря	230
Клад с грифом «совершенно секретно»	233
Законы и клады (вместо заключения)	244

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В МИРЕ ДЕНЕГ	259
Предисловие	261

I. Горький хлеб нумизмата	264
Деньги – очень дурной господин, но хороший слуга	264
Деньги – слуги или господа?	305

II. Новые власти – новые деньги	309
III. Сом – Кыргызская национальная валюта	326
Заключение	356
Использованная и рекомендуемая литература	359

Владимир Михайлович Плоских

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Клады Кыргызстана

ТОМ V

Редактор: д-р. ист. наук *С. В. Плоских*

Дизайн, компьютерная верстка: *В. Горнушкин*

Подписано к печати 01.12.2015.

Заказ № 46.

Формат бумаги 60 × 84 ¹/₁₆. Объем 24,125 п. л.

Тираж 250 экз.

ОсОО «НЕО ПРИНТ»

